Д. ПРОНИН
Г. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
Н. РЕБИКОВ

1918-1921

К. Подушкин

Дорогому
Константину Николаевичу
Димитрій Кротинъ
11 августа 1960 г.

СЕДЬМАЯ ГАУБИЧНАЯ

Нью Иорк
1960

PRONIN, DIMITRI
ALEXANROVSKY, GEORGE
REBIKOFF, NICHOLAS

SEVENTH HOWITZERS

Library of Congress Catalog Card Number 60-13693.

Published by George Alexandrovsky, Yonkers, N. Y.

Printed by All-Slavic Publishing House, Inc.
46 Great Jones St., New York 12, N. Y.

СЕДЬМАЯ ГАУБИЧНАЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Посвящается памяти тех, кто не споря о политических программах, стал с оружием в руках на защиту чести Родины против красной неволи и пал в борьбе.

Авторы

ЧИСТЫЙ ДОХОД С ИЗДАНИЯ ПОСТУПАЕТ
В ФОНД ВЗАИМОПОМОЩИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДРОЗДОВЦЕВ

ВСТУПЛЕНИЕ.

Видя разруху и гибель любимого Отечества, многие русские люди, в том числе и юноши, вступали в ряды Добровольческой Армии на Юге России в надежде спасти свою Родину. Автор „Записок Дроздовца-Артиллериста" Димитрий Федорович Пронин поступил прямо со школьной скамьи добровольцем в 3-ю гаубичную батарею 3-го Артиллерийского Дивизиона, впоследствии развернувшегося в Дроздовскую Артиллерийскую Бригаду.

Уже находясь за пределами России, Д. Ф. Пронин написал ряд интересных очерков о боевой страде и жизни своей части. В них автор правдиво и объективно запечатлел все пережитое и виденное им.

К сожалению, до настоящего времени еще не полностью поняты смысл, цель и ценность Белого Движения. При изобилии клеветнических и тенденциозных описаний Белой борьбы, в особенности в СССР, правдивый труд Д. Ф. Пронина послужит ценным вкладом в историю гражданской войны 1917-1920 гг.

Труд Д. Ф. Пронина будет особенно полезен для молодого поколения, нашей смены, которая почерпнет в этих очерках дух подлинного русского патриотизма, истинной любви к своему Отечеству и безграничной жертвенности во имя Родины.

Читая очерки Д. Ф. Пронина, невольно вспоминаются слова любимой песни Добровольцев, начинающейся словами:

Пусть свищут пули,
Льется кровь...

и в которой поется дальше:

Для блага Родины своей
Забудем все на свете
....
Сумеем честь мы отстоять,
Иль умереть со славой.

И это не простые слова из песни — они закреплены кровью и жизнью многих Добровольцев, пролитой и отданной ими—
во имя Святой Руси.

Генерал-Лейтенант В. Витковский,
Начальник Дроздовской Стрелковой Дивизии
с февраля 1919 г. по июль 1920 г.

Димитрий Пронин

ЗАПИСКИ ДРОЗДОВЦА-АРТИЛЛЕРИСТА

ДРОЗДОВЦЫ.

Мрак ночной всё темнел и сгущался,
Путеводных лишившись огней,
Над собою народ насмеялся,
Насмеявшись над Верой своей.
И тогда, против тьмы и насилья,
Среди трусости, лжи, клеветы,
Расправляя могучие крылья,
На борьбу полетели орлы.

Г. П.

Казалось великий народ потерял самого себя.

Везде была растерянность и смятение.

Осыпанные Императорской Россией всеми возможными почестями и наградами, командующие армиями и фронтами, одни нацепляли на себя красные банты и заискивали перед писарями своих канцелярий, другие совершенно растерялись, а некоторые оставались просто выжидающими зрителями надвигающихся грозных событий.

Попытка выйти из заколдованного круга — движение Корнилова, казалось, потонула в неразберихе и провокации.

Страшная тень торжествующего интернационального коммунизма нависла черной пеленой над несчастной Страной.

В это время безысходности, в донских степях, загорелся огонёк веры в свой Народ и Родину, зажженный Алексеевым и Корниловым. Для поддержки этого огонька по почину малоизвестного командира пехотного армейского полка, Михаила Гордеевича Дроздовского, на румынском фронте, в Яссах, сформировался отряд, состоявший из людей, предпочитавших смерть с оружием в руках за Честь своей Родины приспособлению и приноравливанию к обстановке, созданной ходом революционных событий.

Сначала в отряд записалось около 30.000 человек. Вышло же с Дроздовским из Румынии в поход меньше двух тысяч.

Но они пошли.

Неудача под Ростовым, смерть полковника Войноловича и в дальнейшем полковника Жебрака под Белой Глиной и,

наконец, потеря начальника дивизии, раненого под Ставрополем и умершего в госпитале в Ростове, не поколебали их духа. Так велика была сила порыва.

Новые люди, новые добровольцы вливались в дивизию. И казалось — дух убитых бойцов шел в бой вместе с пополнениями.

* * *

Донецкий бассейн. 3-ья пехотная дивизия генерала Владимира Константиновича Витковского. Батальоны 2-го офицерского стрелкового полка капитанов Туркула, Харжевского, Манштейна.

Наступление.

Харьков. Бело-малиновые фуражки. Буква „Д" на погонах.

Богодухов, Сумы, Ворожба, Льгов, Дмитровск, Севск, Камаричи, Кромы. Везде и всегда дроздовцы те же.

В полки вливаются пополнения из пленных красноармейцев. Что-то необычное было в дроздовских частях: после нескольких месяцев пребывания в строю, бывшие красноармейцы с гордостью говорили, что они — дроздовцы и с честью оправдывали это в боях.

И столь же стремителен, столь же сокрушающ оставался удар атакующих дроздовских частей. Отборные силы большевиков: латышские дивизии, кавалерия Буденного, всё бросается на участок дивизии.

Но вот уже нет фронта. Всё покатилось назад. Фланги открыты. Со всех сторон окружена дивизия. Как раненый лев, нанося удары и сокрушая красных, где они только попадаются по пути, отходит на юг дивизия. Прорвавшись из полного окружения, дроздовцы привозят с собой большее количество орудий, чем было в начале операции. Орудия забраны у окружавших их красных частей.

Добровольческая армия катится дальше на юг. В отступающей армии начинает колебаться дух. Только одна, в числе немногих частей, Дроздовская дивизия отбивает зарвавшихся красных, где бы не вошла с ними в соприкосновение.

Рождество 1919-го года. Бой под Мокрым Чалтырем, на подступах к Ростову. Красные опять отброшены на десятки верст на участке дивизии.

В тылу у дивизии Буденным взят Ростов. По льду только-что замерзшего Дона у Гниловской переходят Дроздовцы. Горит Гниловская.

Земляные валы Азова, помнящие Великого Петра, становятся крепостью, о которую опять разбиваются все атаки, все волны наступающих большевицких войск, упоенных своими последними удачами.

В штабе 1-ой Конной Армии военный совет. Присутствует командующий фронтом Климентий Ворошилов. Встает Буденный, стучит кулаком по столу, кричит на Ворошилова:

— „Что же это, Клим, ты нас всё на Азов посылаешь в лоб, а белые нас в морду и в морду. Ты нам манёвр давай!”

Проходят два месяца боев. Добровольческая армия начинает отход по Кубани. На дроздовцев ложится опять самая тяжелая задача: прикрывать отход армии к Новороссийску.

Находясь в арьергарде, отбивая безпрерывно наседающего противника, отходят дроздовцы через Крымскую, Неберджайскую на Новороссийск.

***

После эвакуации из Новороссийска в Крым, приведенные в порядок дроздовские части сразу же идут в десантную операцию под Хорлы, под командой начальника Дивизии генерала Витковского. Пробившись через фронт красных, они возвращаются на Перекоп и привозят с собой отбитые у противника орудия и пулеметы. Десант под Хорлами показал, что части Добровольческой армии способны опять наносить удары врагу.

25 и 26 мая 1920 г. на Перекопе Дроздовцы опрокидывают и уничтожают подошедшие из резерва отборные латышские дивизии красных, открывая этим дорогу в Северную Таврию.

Аскания Нова, Фридрихсфельд, Андребург, Токмак, Гейдельберг, Орехов, Александровск, Синельниково, Михайловка. Безпрерывные бои.

Широко раскинулись степи Северной Таврии. Половецкие степи. Курганы на горизонте.

И преградиша поганые степь криком,
А хоробри Русичи червленны щиты,

вещает певец „Слова о Полку Игореве”.

Облака пыли. Несется с криком, атакует кавалерия Жлобы; куда не кинешь глазом — скачут, несутся всадники, кажется сама степь движется.

Как тогда, в эти давно забытые времена седой старины, стоят против них за честь Руси пешие воины с бело-малиновыми погонами, в сомкнутом строю, с орудиями между взводами.

Скрипит песок от пыли на зубах. Черные, загорелые от солнца и порохового дыма лица. Отрывистые слова команды. Дружные залпы. Громоздятся перед сомкнутыми рядами дроздовцев трупы коней и всадников.

Нет той силы, которая могла бы сломить эту дивизию. Всё новые и свежие дивизии красных прибывают с поль-

ского фронта. Брошены на юг красные венгры, латыши, китайцы, школы ленинградских курсантов. Дивизия в боях — безсменно.

Генерал Врангель с представителями иностранных армий устраивает в Фридрихсфельде смотр дивизии, перебрасываемой с одного участка фронта на другой. Запыленные, некоторые с кровавыми повязками, покрытыми грязью, проходят дроздовцы. Около Главнокомандующего стоит начальник дивизии генерал Туркул. Переглядываются представители иностранных миссий.

— „Здорово орлы!"

— звучно раздается голос Главнокомандующего. Не было других слов приветствия у ген. Врангеля для этой дивизии. Дроздовцы опять идут в бой.

Начинается общий отход. Всё так-же стойко дерется дивизия. Перекоп. Юшунь.

Последный бой. И здесь в момент крушения-славные страницы. Первый Дроздовский полк полковника Чеснокова. Недавние красноармейцы, а по существу несравненные русские солдаты, проникнувшиеся жертвенным патриотическим духом боевой Дроздовской дивизии, выносят своего раненого командира из боя, отбив контр-атакой красных.

Разные бывают поражения и некоторые из них славнее победы. „Слава побежденным!"

***

Лагерь Галлиполи. Одной из первых подтянувшихся и оправившихся частей была Дроздовская дивизия, сведенная в полк.

Приезд генерала Экка по поручению Главнокомандующего. Смотр.

— „Такие части я видел только в царствование покойного Государя Императора Александра Александровича", — говорит после смотра высокий седой генерал с орденом Св. Георгия третьей степени на шее.

Остатки армии покидают Галлиполи.

Окруженный интригами и предательством в эмигрантской среде и ревнивым недоброжелательством иностранных разведок, генерал Кутепов пытается продолжать борьбу и на территории Советского Союза.

Вспоминаю одного из лучших офицеров первого Дроздовского полка, капитана Трофимова. Перед самым переходом им советской границы я имел возможность предупредить его о предполагаемом предательстве со стороны иностранной разведки.

Но скромный и храбрый капитан Трофимов только ответил:

— „Я имею приказ".

Через несколько дней к числу погибших Дроздовцев присоединился и он. Рыцарь, привыкший сражаться с поднятым забралом, не подошел к роли конспиратора.

Нет теперь дроздовских частей. Но сохранился их дух. Живет он и теперь среди дроздовцев в разсеянии сущих.

Вспоминая всех погибших за Россию в 650 боях дивизии солдат, офицеров и самого генерала Михаила Гордеевича Дроздовского, скажем словами карпаторусской песни:

Не надо ни плача, ни слез мертвецам,
Дадим мы им больший почет,
Шагаем без страха по мертвым телам,
Несем мы их знамя вперед.

•

ЗАВОДНЫЕ КОНИ.

Воин на коне — это поэма, поэзия войны.

Многие помнят, как в крестьянских хатах, на стене, вместе с лубочными картинами, висела фотография хозяина во время его пребывания на военной службе. Ловкий местечковый фотограф часто имел заранее заготовленную аляповатую картинку огнедышащего коня, около которого рвались снаряды, а на нем, с палашем в руке, в гусарском доломане, красовался снимавшийся солдат. В прорезанное отверстие помещалось только лицо. Никакого значения не имело, что в действительности хозяин служил кашеваром двухсотого с чем-то пехотного полка, да еще „шишнадцатой" роты. Мог он быть также и санитаром, но огнедышащий конь спасал положение и закреплял за ним славу отважного воина.

Это, конечно, лубок. Но вспомним картины французского баталиста Мессонье. Это настоящий гимн коннице, особснно в момент порыва, в атаке. Например, нельзя забыть картину Мессонье, называвшуюся кажется: „Да здравствует император!"

На холме стоит Наполеон, а внизу карьером несется французская кавалерия. Приподнявшись в стременах, с поднятыми палашами, полуобернувшись к императору, в своих кирасах они представляют одну могучую несущуюся живую лавину. Насколько помню, картина изображала атаку французской конницы под Ватерлоо.

В нашу эпоху пулеметов, танков, аэропланов часто говорят, что конница отжила свой век. Но последняя война, особенно на восточном фронте, показала, что даже крупные кавалерийские соединения, поддержанные достаточным количеством танков, благодаря своей подвижности, играли значительную роль в маневренной войне.

В русской литературе имеются такие непревзойденные шедевры, как атака кавалергардов под Аустерлицем в „Войне и Мире" Л. Н. Толстого и описания кавалерийских боев в первую мировую войну в книгах генерала П. Н. Краснова.

Я сейчас не собираюсь изображать внушительную красоту несущихся с топотом кавалерийских полков, а просто хочу поделиться своими воспоминаниями из времен гражданской войны на юге России.

В артиллерию я попал случайно. Еще более случайно, судьбе было угодно, чтобы я оказался в легко-гаубичной батарее.

Как тысячи других, я пробирался на Дон к Корнилову. В конце 1918-го года Добровольческая Армия начала занимать Донецкий бассейн. Добравшись до Юзовки, мы с братом явились в вербовочное бюро.

Он, как юнкер Николаевского Инженерного училища, был зачислен в броневой дивизион. Я просил зачислить меня в Корниловский ударный пехотный полк. Но полк оказался где-то под Минеральными Водами. Принимавший нас офицер сказал, что, конечно, они могут отправить меня туда, но, так как корниловцы также должны прийти в Донецкий бассейн, мне лучше подождать несколько недель. Ждать мне не хотелось и я попросил зачислить меня в какую-нибудь часть, находившуюся здесь, чтобы попасть скорее на фронт. Офицер почему-то решил послать меня в артиллерию, сказав, что имеет требование на людей от артиллерийского дивизиона.

Написав препроводительную записку, он направил меня на станцию, где в вагоне находился командовавший артиллерией 3-ей пехотной дивизии, полковник Мальцев.

Полковник, в коричневой черкеске, взглянул на бумажку, на меня, опять на бумажку и изрек:

— „Ново-Александрийский ветеринарный Институт. Прекрасно. В 3-ью гаубичную батарею", — при этом он сделал отметку на моей бумажке.

— „Ново-Александрийский Институт — не ветеринарный, а сельско-хозяйственный и лесной", — попробовал я по-штатски возразить полковнику.

— „Это всё равно — 3-ья гаубичная батарея".

Когда я выходил от полковника, то у меня в душе была некоторая обида за свой институт, тем более, что в ветеринарный принимали даже окончивших духовную семинарию и без всяких конкурсных экзаменов.

К командиру батареи привел меня писарь-армянин, которого я застал в канцелярии. В комнате, куда мы вошли, было страшно накурено. В волнах густого дыма можно было различить нескольких офицеров, которые сидели на табуретках. Один из них сидел босиком на кровати. Мо-

крые валенки сушились около чугунной круглой печки. Шла, очевидно, карточная игра.

В тот период все разведчики и номера при орудиях были офицеры. Солдаты были только ездовыми. Большую часть нижних чинов составляли кубанские казаки.

Офицер, который разсматривал бумажку с резолюцией полковника Мальцева, что-то соображал, потом обратился по имени к другому, еще раз взглянул на меня и решил:

— „Дадим ему заводных коней".

Я первый раз услышал о существовании заводных коней. Знал, что существуют заводные игрушки, но что такое заводные кони?

В дальнейшем выяснилось, что заводные — это запасные кони. Они были получены батареей после того, как была произведена конская мобилизация. Должны были прибыть еще орудия и ящики и тогда заводные кони перейдут в строй.

Вместе со мной поступил в батарею и другой студент — доброволец Одров. Он учился в Харьковском Технологическом Институте. Не миновали и его заводные кони.

Я не принадлежал к числу городских жителей, видавших лошадей только у извозчиков. Каждое лето мы жили в деревне. Но уход за лошадьми не являлся моей заботой. Работник всегда запрягал, распрягал и кормил лошадей. Мой компаньон Одров еще меньше имел дело с лошадьми, чем я.

Теперь представьте себе картину: каждый из нас получает по четыре коня, из которых у меня оказались два жеребца. Кони громадные, пятивершковые, какие годятся в гаубицы. Хотя гаубица и называется легкой, но вес ее 175 пудов. Пьют кони воду, как насосы. Утром по несколько ведер. Застоялись. Проездки устраивались лишь изредка. Конь Васька, конь Мишка, жеребец Трубадур, клички четвертого уж не помню.

Поведешь их на водопой. Сидишь на одном, других в поводу держишь. А тут, как на беду, жеребцы заметят прелестную лошадиную даму, в просторечии именуемую кобылой, и на дыбы. Сдергивают тебя — раба Божьего, как пушинку. Вырвутся, разбегутся — лови. А кубанские казаки надрывают животы от смеха. Они все еще до того, как ходить научились, уже верхом ездили и с конями обращаться умеют.

Сколько мы с Одровым муки приняли от своих коней, — и сказать нельзя. Попадешь дневальным на коновязи. Начинают кони между собой грызться, биться. Подходи, усмиряй! А человек свежий, еще и словесности не знает, какую кони в точности понимают.

Одров еще больше меня страдал. На коновязи было несколько киргизских коней. Маленькие, мохнатые и злые, как черти. Того и гляди, норовят или укусить, или лягнуть. У Одрова погон с куском шинели вырвали. Хорошо, что до мяса не прокусили.

Месяца два продолжалось это удовольствие. А там началась погрузка коней в железнодорожный состав. Пока кони к погрузке не привыкли, грузить их мука. Дневалишь по эшелону. Вдруг — столпотворение. Глухие удары, ржание. Ну и лезь в вагон, наводи порядок. Кони по четыре с каждой стороны, досками заложены. Оказывается, доску перегрызли, сломали и бьются, кусают друг друга. Влез я раз в вагон, а конь громадный гнедой, как меня хватит копытом по ноге, так я, через голову перевернувшись, и вылетел из вагона.

Подбежал другой дневальный, кубанский казак.

— „Добре, — говорит, — он тебя! Благо, что в вагоне, развернуться, значит, ему не було где. Он тебя, как вилами сгрёб из вагона, легонько".

Хорошо „легонько", думаю. Кажется, вместо борьбы за Честь России придется смерть принять от своих же коней, не совсем по рецепту Вещаго Олега, но всё же от коней.

Возвращаясь теперь памятью к этому, давно минувшему времени, нужно всё же признать, что от нашего жертвенного порыва и желания отдать свою жизнь за правое дело, нашим коням не было ни сытнее, ни теплее, а сноровка в обращении с ними пришла значительно позже.

Когда перевели меня в орудие номером, когда попал в тяжелые бои, мне всё это казалось отдыхом от моих первых недель с заводными конями.

В дальнейшем я не только привык, но и привязался к коням. Два раза выносил меня мой конь от неминуемой гибели или плена, но это уже в области батальных картин Мессонье, а сейчас я хотел только правдиво поделиться с читателем воспоминаниями и спросить его:

— „А знает ли он, что такое заводные кони?"...

ДОБРОВОЛЕЦ ВЕРЛИНСКИЙ.

Верлинский был гимназистом старшего класса Бахмутской гимназии.

Волна взбаломученного моря российской разрухи докатилась до северной части Донецкого Бассейна. Дроздовцы заняли Горловку, Никитовку, Бахмут. Красные полчища, двигаясь с севера, в самом начале зимы 1919-го года оттеснили наши слабые заслоны.

Командование решило оборонять Никитовский узел. Начальником боевого участка и обороны Никитовского узла был назначен молодой, статный штабс-капитан Туркул.

Вечером от Курдюмовки или из под Бахмута привозили раненых и убитых. Тускло светила керосиновая лампа, а на станции, на полу, на соломе врач и сестры перевязывали раненых. Окоченевшие тела тех, кому уже перевязка не была нужна, снимали с платформ и складывали на перрон.

Сильно прихрамывавший, нахмуренный Туркул с несколькими офицерами, один из которых нес фонарь, обходил в последний раз молчаливо лежавший строй своих дроздовцев, останавливаясь и вглядываясь в побелевшие, как бы восковые лица тех, кто еще несколько часов тому-назад во весь рост шли навстречу красным цепям.

Бои шли на северном направлении по железнодорожной линии Никитовка — Бахмут и на северо-восточном: Никитовка — Попасная.

Из Бахмута с белыми ушли офицеры и много молодежи. Среди бывших гимназистов был и Верлинский. Он был зачислен во второй офицерской стрелковый полк. Часто заходил в батарею, где у него были друзья. Стройный, высокий брюнет с красивым продолговатым лицом. Всегда тщательно одет, несмотря на обстановку — житье в теплушках, отсутствие возможности переменить одежду и белье. Он, какими то, ему только известными путями, сохранял в порядке не только свою военную форму, но и успевал побриться тогда, когда многие, махнув рукой на свою наружность, обрастали бородками, делавшими их на вид гораздо старше их возраста.

Еврейство не баловало Армию количеством добровольцев и поэтому появление еврея-добровольца было встречено с некоторой настороженностью. В боях Верлинский проявил себя молодцом и позже был награжден георгиевским крестом четвертой степени. Поведение в бою расположило к нему добровольцев и солдат. Верлинский был храбер, пришел в Армию добровольно, молчалив, держится с достоинством и он свой — дроздовец. Таково, без специального сговора, было общее решение. Даже, когда вспоминали Льва Троц-

кого, главковерха красных сил, то особенные генеологические изыскания по женской линии, к которым существовала склонность в войсках, в присутствии Верлинского прекращались, т. к. не желали в какой-то степени задевать или обидеть своего сослуживца и товарища.

Гаубичные взводы действовали при различных батальонах и на долгое время я потерял Верлинского из вида. После Харькова и Богодухова Дроздовский полк был развернут в дивизию и с Верлинским встречаться не приходилось.

В Крыму, в двадцатом году, Верлинский перешел в пулеметную команду 7-ой гаубичной батареи и сидел на тачанке наводчиком тяжелого пулемета. Тут уже требовались надежные, испытанные люди, т. к. часто пулемет, заменяя собой пехотное прикрытие, оставался при отходе позади батареи и задерживал наступавшего противника.

В тяжелом бою против красных курсантов под селом Михайловкой в Северной Таврии, когда наши пулеметные тачанки задерживали быстро приближавшихся и пытавшихся окружить батарею курсантов, Верлинский был убит наповал пулей в рот и мертвым всё еще судорежно держал ручки уже умолкнувшего пулемета.

Помню, что его везли с собой, искали еврейское кладбище, но не найдя такового, похоронили на одном из сельских кладбищ, положив на могилу его фуражку.

Среди попыток очернить белое движение, изображая его черносотенным, реакционным и человеконенавистническим, пусть память о таких людях, как доброволец Верлинский, светит путеводным огнем правды для будущего.

ПАСХА 1919-го ГОДА.

Своеобразная война шла весной девятнадцатого года в Донецком Бассейне.

Силы Добровольческой Армии были весьма незначительны. С севера надвигались красные части. Все вооруженные столкновения происходили по железнодорожным линиям. Обычно красные наступали при поддержке бронепоездов. Пехотные цепи растягивались на несколько верст по обеим сторонам от полотна железной дороги. Белые уступали значительно числом и вооружением, но превосходили противника опытом, умением и маневрированием. При слабости сил добровольческое командование держало войска на узловых станциях в эшелонах, оставляя небольшие заслоны на линии фронта и ограничивалось активной обороной. Как только намечалось наступление красных, к угрожаемому участку подвозилась пехота и артиллерия. Завязывался бой, часто наступательный и, после того, как противник был смят, опять оставлялись только заслоны, а войска, принимавшие участие в бою, оттягивались на несколько десятков верст в тыл на узловую станцию. При обозначавшейся тревоге на другом направлении те-же части перебрасывались туда.

Это была война на колесах. Это не было сидение в окопах, а сидение в теплушках, с постоянными, почти ежедневными боевыми гастролями на различных направлениях. Особенно приходилось командованию жонглировать артиллерией, в виду ее малочисленности и скудности боеприпасов. С другой стороны, при наличии у красных большого количества бронепоездов и густой железнодорожной сети в Донецком Бассейне, присутствие артиллерии на участке наступления большевиков было необходимостью.

Солдаты 3-ьей легко-гаубичной батареи (позже переименованной в Дроздовскую) жили в теплушках уже несколько месяцев. Компания собралась довольно разношерстная. Юнкер Сергиевского артиллерийского училища, два кадета, два студента — один из Петербурга, другой из Харькова, два пленных красноармейца — из мобилизованных большевиками пермяков, взятые в плен в январских боях, два ставропольских хуторянина из иногородних и два кубанских казака (позже отчисленных в свои казачьи части). Всех объединяла ненависть к коммунизму, а жизнь полная опасности спаяла их всех в компактную массу номеров и ездовых 4-го орудия, проникнутых гордостью своей боевой частью, в которую их привела судьба. Такое настроение было почти общим в дроздовских частях.

Теплушка сделалась домом. Посреди чугунная печка, с боков нары, где помещались люди. На печке чай, над ней же сушили портянки, промокшую одежду и обувь. На позицию состав подавали обыкновенно еще затемно с таким расчетом, чтобы разгрузку можно было произвести до разсвета и не попасть под артиллерийский обстрел во время выгрузки лошадей и скатывания орудий с платформ. Самая разгрузка обычно происходила в поле без рампы. Ставились рельсы, на них накладывались дощатые щиты, по ним выводили коней. Те же рельсы приставлялись к платформам и номера скатывали по ним на лямках орудия и зарядные ящики. Дошли до такой виртуозности, что разгрузка и погрузка происходили очень быстро. Грузились в эшелон вечером, когда наступала темнота. Как убитые, валились на нары и просыпались уже на узловой станции, где получали фураж для коней, снаряды и обед. Перевезенные ночью на другое направление, опять перед разсветом разгружались.

Итак изо дня в день. Кругом открытая степь. Вдалеке копры и конусы каменноугольных шахт. Посадки акаций около полотна железной дороги.

Казалось, что никогда не будет конца этим однообразным дням.

Да и бои были какие-то монотонные. Всё также с севера густым частоколом черных линий шли большевистские цепи. Из складки местности, закрытой посадкой, показывался дымок притаившегося бронепоезда и начинался артиллерийский обстрел. Всё так-же подавалась на батарею по телефону с наблюдательного пункта команда более и более короткого прицела. Спереди заваривалась трескотня винтовок и пулеметов, где-то на фланге слышалось „ура". Команды цифр прицела начинали возрастать. Следовала команда: „Передки на батарею". Шли вперед и били уже часто прямой наводкой по отступающему противнику.

Монотонность жизни печально нарушали потери в людях или конях. Порой кто-нибудь из наших лежал на платформе с орудиями, накрытый с головой шинелью, на которой темными пятнами проступала кровь.

Иногда пели на мотив известного романса:

Мне всё равно, грузить иль разгружаться,
К погрузкам я привык уже давно.

Действительность — будни войны с грязью и вшами, были безконечно далеки от той романтики и жертвенного энтузиазма, который привёл сюда большинство добровольцев — гимназистов, студентов, кадет из различных концов России. Когда бывала дневка, начиналась с энергией стирка белья где-нибудь около ручья на пне — надо было воевать с паразитами. Было и постоянное недоедание.

В один из таких, ничем не отличавшихся от других дней, батарея стояла на позиции под холмами на направлении к станции Горловка, откуда красные неудачно пытались наступать. Перед погрузкой оставалось некоторое время, т. к. товарный состав еще не подошел. Кто-то вспомнил, что сегодня Страстная Суббота.

— „Совсем язычниками стали, воюя против этих безбожников", заметил вольноопределяющийся телефонист.

Погрузились и, как всегда, поехали на станцию Криничную. Сразу после раздачи фуража и пищи пошли нагружать снаряды в ящик и передки. Снарядов неожиданно получили полный комплект.

— „Видно что-то готовится", сказал замковый номер.

— „Неужели же в Пасхальную ночь?" отозвался другой.

Часов в 11 ночи мы были разбужены дневальным. Построились между эшелонами. Там уже были в сборе все офицеры батареи. Стоял стол, накрытый скатертью. В темноте мерцали зажженные свечи. Седенький, старый священник служил Заутреню. Быстро окончилась служба.

— „Христос Воскресе!"

Каждый подходит ко кресту. Христосуется со священником, потом с командиром батареи и получает угощение: стакан водки и яйцо.

— „А теперь, с Богом, ребята, в эшелон — на 4-ое орудие", говорит командир.

Толчок прицепляемого к составу паровоза.

— „Куда это они нас попрут в Пасхальную ночь?" задает реторический вопрос один из людей.

— „На запад повезли, наверно, под Авдеевку".

Уже разсвет. Но всё заволакивает серый, молочный туман.

— Держись хлопцы!" зловеще предупреждает доброволец Болотов во время разгрузки, „тут с нами не дроздовская пехота, а сводно-стрелки!"

Начинаем продвигаться. На коротком прицеле открываем огонь по станции Авдеевка.

Не проходит и получаса, как конный разведчик, прискакавший на батарею, сообщает, что станция взята, а главное, что есть куличи, пасхи, яйца и окорока — все это бросили „товарищи", застигнутые врасплох на станции. Другой разведчик привозит в мешке часть этих сокровищ.

— „Ну вот и маем чим разговеться", говорит ездовой, кубанский казак с запорожской фамилией — Жила: „а то бачите яйцо, що командир дав, у мене у нутру, як мыш бигае!"

— „Хорошо товарищи живут, себя не стесняют — смотри сколько понаготовили!" замечает разведчик, „снабжение у них лучше".

— „Какое там, черт, снабжение — это всё от „благодарного населения".

— „Не будем погружаться в вопросы откуда это", решает Болотов, „теперь это военные трофеи. Лучше сядем, да закусим, пока красные не оправились и не пошли свои пасхи и окорока назад отбивать".

И он был прав.

Через час, подтянув резервы, красные перешли в контрнаступление. С наблюдательного пункта прицелы подавались всё короче. Потом последовала команда „передки на батарею" и приказ немедленно сниматься и идти к зарослям железно-дорожной посадки. Прискакал с наблюдательного пункта капитан Камлач. По его виду бывало трудно оценить положение, т. к. в бою он всегда был спокоен, но на этот раз он почему-то торопил нас и ругался.

Сниматься с позиции пришлось уже под редким ружейным огнем, но, когда мы добрались до посадки, то обстрел значительно усилился. Дойдя до конца посадки и выйдя на открытое пространство, мы поняли серьезность обстановки. Частый ружейный обстрел с близкой дистанции заставил батарею переменить рысь на карьер. До сих пор мне непонятно, почему они нас всех тогда не перестреляли. Для нас стало ясно, что мы чуть не попались в западню с нашими разговенами.

Оказалось, что одна из рот сводно-стрелков, составленная из недавно взятых в плен красноармейцев, сдалась. В получившийся прорыв проник красный баталион и мы выскочили в последний момент замыкавшегося полного окружения.

— „То жъ хлопци, я вам кажу, це що ми краденым от людей разговелись! То не добре!" философствовал Жила, „ти бисовы диты у людей понаграбили, а мы зъили!"

— „Молчи уж! сам лопал за троих", огрызнулся Болотов.

На полустанке, к которому мы подходили, разгружалась уже свежая пехота на поддержку потрепанным сводно-стрелкам.

ВАНЯ ПРОКОПОВ.

Он не был заметным лицом в батарее. Один из числа многих юношей, которые послушали голос совести и зов русского сердца, и, не разсуждая и не взвешивая шансов борьбы и ее возможный исход, пошли за Михаилом Гордеевичем Дроздовским в туманную даль казачьих степей с одним только стремлением освободить Россию от красной неволи или погибнуть в борьбе. С неоконченным средним образованием, происходя из семьи в маленьком бессарабском городке, он ясно и отчетливо сознавал только одно основное и главное — свой долг перед Родиной.

Когда я попал в батарею, то как-то сразу подружился с ним. Был Ваня в команде конных разведчиков и придан нашему взводу. Из под фуражки выбивался у него небольшой чуб, немного напоминавший казачий. Был он всегда подтянутый, аккуратный и исполнительный, а на присутствие пряди волос, выбивавшихся из под козырька, начальство внимание не обращало — не до того было.

Бои в 19-ом году весной шли в Донецком Бассейне. 3-ья пехотная дивизия под начальством молодого, талантливого генерала Владимира Константиновича Витковского несла на себе всю тяжесть боев. Изо-дня в день погрузки и новые участки колеблющегося, подвижного фронта. Как и мы все, Ваня изрядно вымотался.

Один раз, еще затемно, расгрузились. Не помню ни названия полустанка, ни названия рудника. Когда двинулись, то мы — орудийная прислуга — дремали на передках или ящиках. Кое-кто примостился и спал на лафете орудия. Дремали, по временам встряхиваясь, ездовые. Уставший командир взвода дремал в седле, поручив Ване вести батарею. Тот с командиром конных разведчиков, еще с вечера осмотрел местность.

Степь — ровная, везде одинаковые копры и конусы выкопаной земли. Один рудник похож на другой — ошибиться легко, а Ваня, видно, был в полудремотном состоянии. Ехали мы уж как-то слишком долго. Разсвет приближался, стало свежее. Небо впереди светлело. За рудником, в степи, на фоне серовато-розового неба, не более чем в нескольких стах шагах от нас, обозначилась идущая в нашу сторону пехотная цепь.

Взвод батареи остановился. Сон молниеносно испарился у всех из головы. Проснувшийся командир что-то полушёпотом приказал встрепенувшимся ездовым. Повернув круто направо, мы поехали вдоль перед цепью, а потом, повернув, всё время шагом пошли с ней в одном направлении. Ближайшие пехотинцы были уже не более двухсот шагов за

нами. Теперь было ясно, что, миновав свои пехотные заставы, мы заехали, по ошибке, в расположение красных.

Надо отдать должное нашему командиру взвода, что, хотя он и задремал, когда не полагалось, а Ваня завел нас к товарищам, но зато теперь он не только не растерялся, но сделал как раз то, что было нужно — приказал орудиям и ящикам идти спокойно шагом, так что у красных создалось впечатление, что с ними вместе двигается их часть.

Так, идя в предразсветном тумане немного впереди красной цепи, мы подошли к глубокой балке. Теперь наш командир скомандовал „рысью марш" и мы, как сумасшедшие, развернутым строем ринулись в глубину балки, скрывшись из виду от следовавшей за нами по пятам красной пехоты. Каким то чудом не было ни одной „заступки" (т. е. кони не переступили через постромки и не запутались) и тем же развернутым строем, на том ж аллюре, мы вынеслись на полных интервалах на другую сторону балки. Не переходя на шаг, мы скакали, ожидая каждую минуту, что красная пехота сзади нас откроет по нам огонь.

— „Вы откуда?" спрашивал командир роты 2-го офицерского стрелкового (Дроздовского) полка: „хотели по вас огонь открыть, но я не позволил, сказал, что возьмем эту оголтелую батарею в плен живьем. Какого хрена вы там у красных искали?"

Эти вопросы пехотинца я слышал отчетливо, а как объяснял командир взвода наше невольное маневрирование в расположении красных — я не знаю. Прокопов разделял с командиром взвода вину в этом рискованном происшествии и являлся мишенью шуток добровольцев, когда другой раз должен был вести батарею на позицию. Ему, обычно, не без ехидства, ставили вопрос:

— „Что же Ваня, как на рудниках, к красным поведешь?"

Действительно, вылезли мы тогда из беды прямо чудом.

Несколько дней спустя Ваню ранило в руку. У меня с собой был всегда перевязочный пакетик и это первый раз в жизни, когда мне пришлось перевязывать раненого. Помню, что я старательно заливал ему иодом рану, и, несмотря на его протесты, испортил ему гимнастерку. Потом забинтовал так крепко, ктобы кровь не шла, и его рука посинела. Он опасался, что начнется гангрена, и, при первой же возможности, исправил мою санитарную работу при помощи батарейного врача.

— „Вот, двух хорошеньких сестер милосердия прислали", жаловался Прокопов, „а полковник Соловьев приказал им выдать за два месяца жалованье и прогоны и отослать назад в Ростов, заявив, что не хочет, чтобы у него все офицеры и добровольцы между собой перессорились и перестрелялись".

У Соловьва был опыт трех компаний (боксерского возстания, японской и первой мировой войны) и, очевидно, он уже насмотрелся на что-то подобное.

Во второй раз попали мы с Ваней в переплет в том же Донецком Бассейне под станцией Пантелеймоновкой. Тут уже причиной было пехотное пополнение. Батальон был пополнен пленными красноармейцами, не был разбавлен добровольцами и сразу же брошен в дело. В результате, на нашем участке (направление на станцию Скотоватую) две роты просто сдались. Остались мы без прикрытия. Разстреляли все снаряды. Орудие взялось на передки, а мы, орудийная прислуга, разобрали винтовки, чтобы хоть немного задержать красных, пока наши не отойдут.

Впереди гребень, покрытый камнями. Там перед тем находился наш наблюдатель.Влезли мы с Ваней на гребень. Как на ладони, видно наступающих красных. Бежит на нас цепь. Люди в каких-то широкополых черных шляпах. Очевидно с рудников набрали. Шахтёры такие шляпы носят там, где вода сверху капает. Вдоль цепи конный мотается — видно комиссар.Седло яркое, подушки расшитые — на белом коне. Цепь подгоняет.

Кричу Ване:

— „Бей конного".

Взяли мы его на мушку. Видно близко от него начали наши пули свистать, почувствовал, так как быстро ускакал.

Тем временем на нас бегут. С ходу стреляют. На бегу стрельба слабая. Нам же удобно, с колена целясь. Двух ближайших положили. Тот, что на меня бежал, еще и матом крыл на ходу. На ругательства и на крик дыхание и силы расходовал. После выстрела оборвалось на пол-слове ругательство, взмахнул руками, упал лицом вперед, слетела шляпа, а винтовка вылетела из рук перед ним... Но до горизонта широко идёт цепь, загибает с боку на уровне наших холмов.

— „Будем сматываться, Ваня!" кричу.

Первые пол версты бежали, но было спокойно — нас закрывал гребень; а потом, как красная цепь достигла гребня, по нас открыли огонь. Разошлись мы шагов на сто, чтобы их огонь разбился. А по пашне только кругом дымки пыли поднимаются, бьют по нас — пули близко ложатся.

— „Смотри," кричит Ваня, „если ранят и идти не смогу, остановись — дострели!"

— „Ладно, и ты тоже меня, если надо будет".

Устали, идем шагом. Временами останавливаемся и отстреливаемся. Так дошли до своих. Другой наш батальон с фланга нажал на красных и их наступление приостановилось. Это было 17-го апреля, когда произошло наше с Ва-

ней совместное действие в пехотном стрелковом строю, что с артиллеристами не так часто случается.

В Крыму произвели Ваню в подпоручики, но он попрежнему оставался в команде конных разведчиков. Был еще раз ранен.

Пережил эвакуацию, затем Галлиполи. Позже я узнал, что он погиб где то во Франции на железной дороге. В числе многих дроздовцев, в рассеянии сущих, судьба судила Ване сложить свою чубатую голову не в России, о которой были все его помыслы, а далеко на чужбине.

Пусть же эти несколько строк будут скромным венком на его могилу.

ВРАГИ.

Второй офицерский генерала Дроздовского полк, в составе трех батальонов, входил в 3-ью пехотную дивизию Добровольческой Армии. На эту дивизию легла нелегкая задача в зимних боях начала 1919 г. — прикрывать северо-западную часть Донской Области и удерживать район „черного золота" — Донецкий Бассейн. Полк таял в этих зимних боях. Бои под Бахмутом в январе сменились боями под Никитовкой и Горловкой, потом центр обороны перешел южнее на станцию Криничную, а в конце апреля добровольцы были оттеснены на линию Путепровод-Харцызск.

Роты порой доходили до полутора десятка бойцов. Обмундирование было изношено. Обувь находилась в жалком состоянии. Часто можно было видеть подошву, привязанную к верху сапога или ботинка телефонным проводом.

К началу мая начали прибывать подкрепления. Пришел эшелон корниловцев. Они приехали из района Минеральных Вод и имели очень воинственно-щеголеватый вид. Черные гимнастёрки, красно-черные погоны, разные нашитые эмблемы, череп, кости и всё прочее.

И, хотя в потрепанных частях третьей пехотной дивизии, не без некоторой ревности, и распевали в „Журавле": — „Кто расписан, как плакат, то корниловский солдат", но всех радовал приход этой высокодоблестной боевой части, над которой незримо витал дух их геройски павшего вождя Лавра Георгиевича Корнилова.

Показались кубанские части, пластунские батальоны и кавалерия генерала Шкуро. Вернувшиеся в строй из ростовских госпиталей добровольцы и офицеры разсказывали, что с Кавказа беспрерывно идут эшелоны.

Появились бронепоезда, вооруженные морскими орудиями системы Канэ, с командным составом из морских офицеров. Самый вид этих бронепоездов, окрашенных в свежую защитную краску, с трехцветными шевронами на бронированных площадках и именами, так много говорившими каждому: „Единая Россия", „Иван Калита", „Князь Пожарский", радовал и укреплял надежду на скорое наступление. Эти бронепоезда представляли собой разительный контраст с платформами, укрепленными по бортам мешками с песком и установленными на них трехдюймовыми пушками, к которым привыкли с начала компании в Донецком Бассейне.

Кончалась война в эшелонах, приказали разгрузиться и расквартироваться в поселке Путепровод.

— „Начальство решило довольно нам по теплушкам сидеть и видно опасаются, чтобы по железной дороге мы слишком быстро до Ростова или Таганрога не доехали. А походным порядком поковыляй — не так скоро", острили добровольцы.

Спали мы на соломе, на полу пустой хаты, стоявшей у самого железнодорожного полотна. Неожиданное пробуждение наступило от сильного удара, посыпавшихся разбитых стекол и штукатурки с потолка. Оказывается „Иван Калита" стрельнул по красным через наш домик из своего шестидюймового Канэ. Ругая „Калиту" отборными словами, все осыпанные известкой, мы поднялись в этот день раньше побудки. Поезда красных тоже постреливали, большого вреда не было, но спать помешали. В посадках акаций, вдоль железнодорожного полотна, заливались соловьи, но я не заметил, чтобы они когда нибудь мешали спать солдатам, как теперь поется в песне „И к нам на фронт пришла весна... соловьи, соловьи!" Вот бронепоезд „Иван Калита" — тот действительно не давал спать.

Главнокомандующий генерал А. И. Деникин произвел смотр частям, которые удерживали фронт в продолжении всей зимы. После этого, очевидно, была „подкручена гайка" интендантам и кому нужно, а через несколько дней нам было выдано новое английское обмундирование. Поезда с кубанцами и горцами прибывали всё время. Наконец, пришли и долго ожидаемые танки. Это, очевидно, были первые модели танков, появившихся в конце первой мировой войны на полях сражений во Франции под Камбрэ, но встречены они были всеми самой неподдельной радостью.

— „Кажется Антон Иванович (так фамильярно, за глаза, величали главнокомандующего генерала Деникина) решил дать бобу красным", заявил авторитетно вечером доброволец Болотов. В майском воздухе чувствовалось приближение наступления. Надежда на скорое освобождение

России от большевиков принимала реальный формы.

Верим мы, близка развязка с чарами врага
И спадёт с очей повязка у Руси тогда....

— доносились слова песни из проходившего эшелона корниловцев.

Наступление белых было стремительно. За несколько дней было очищено всё то пространство, которое мы упорно защищали, постепенно отходя, в течение четырех месяцев.

После боя под Попасной, где погиб наш танк „Святогор", уничтоженный огнем красного бронепоезда „Углекоп 2-ой", также погибшего со всей командой, состоявшей из матросов, нас перевезли на станцию Соль, уже занятую нашими частями, и, разгрузившись, мы пошли в составе колонны, преследовавшей быстро отходивших красных по направлению к Купянску и Чугуеву.

Задерживались только на несколько часов, чтобы сломить сопротивление арьергардов, и стремительно наступали дальше. На другой день, после небольшой перестрелки, вошли в село. Здесь предстояла днёвка. Батарея заняла квартиры.

Не успел я еще принести с орудия свой вещевой мешок в хату, где на воротах мелом было обозначено „4-ое орудие — номера", как Болотов прибежал с карабином в руке и сообщил, что хозяин утверждает, что в его сенном сарае красные.

Схватив также винтовку, выбежал с ним к сараю, стоявшему немного в стороне от села.

Дослав патроны, с некоторыми предосторожностями, мы подошли к дверям. В сарае было полутемно.

— „Эй кто там выходи!" закричал Болотов.

В ответ послышался стон.

— „Не могу встать".

Глаза привыкли к темноте. В глубине, в темном углу, на сене, лежал человек. Всё еще с винтовками в руках мы подошли к нему.

— „Что же ты сюда забрался? Свои видно бросили?" спросил Болотов уже совсем другим тоном.

—„Воды!.. говорили, что ваши все равно добьют", с трудом проговорил раненый.

— „Я сейчас позову фельдшера. Куда тебя хватило?" Красноармеец молча показал на живот.

Болотов пошел за фельдшером. Я стоял, упираясь на винтовку, и теперь хорошо мог разсмотреть раненого. Это был парень лет двадцати. Ворот гимастёрки был расстегнут и видна расшитая деревенская рубаха. Глаза его смотрели на меня, горя лихорадочным блеском, и как то особенно ярко выделялись на бледном, скуластом лице.

— „Крови много потерял?" спросил я, чтобы прервать молчание. Парень отвечал с трудом не на вопрос, а на свои мысли:

—„Сволочи... говорили... что вы добиваете".

— „Сейчас фельдшер тебя перевяжет, а там отправим в госпиталь". Раненый покачал головой.

— „Плохо!" он застонал — „воды!"

В это время вошел Болотов в сопровождении батарейного фельдшера и санитара, бывшего одновременно и ездовым санитарной двуколки.

— „Осмотрите раненого, перевяжите, а потом в лазарет. Идём", обратился я к Болотову, „мы здесь не нужны".

Встретив фельдшера, я спросил его, останется ли парень в живых.

— „Если брюшина не задета — может выжить, но врядли", было заключение нашего „эскулапа".

Днёвка не состоялась. Через час, по тревоге, батарея выступила из села.

●

БОГОДУХОВ.

Сегодня получено приказание грузиться в эшелон.

Генерал Деникин, в речи, произнесенной после молебна, на Харьковской Николаевской площади, сказал:

„Мною отдан приказ наступления на Москву",

— а мы, и так уже задержались. Почти две недели стоим в Харькове. Пополнились новыми добровольцами. Это особенно важно для пехоты — она понесла потери в стремительном, весеннем наступлении 19-го года. Сейчас полк доведен до такого состава, какого, кажется, еще никогда не было. Почистились, приоделись. Пехота наша вся в дроздовских, малиновых фуражках.

Хорошо в Харькове. Я, с разрешения начальства, почти не жил на батарее это время. Являлся на занятия и дежурства, а всё время дома. Трудно наговориться. Пришлось и знакомым пересказывать бесчисленные эпизоды нашей боевой страды.

Только одно плохо. Говоришь и не замечаешь, как вставляешь в рассказ „французские" слова, особенно, когда повествуешь о боях. Видишь только изумленно — покрасневшие физиономии своих слушательниц. Дал себе слово не рассказывать о боях в женском обществе. Надо взять себя в руки и следить за своей „словесностью", а то нет, да сорвется „с нарезов" какое-нибудь „словечко".

Надя, курсистка первого курса Бестужевских Курсов, несмотря на всю ее дружбу со мной, сказала:

— „Митя, а общество лошадей всё же положило на вас свой отпечаток".

Было совестно и неприятно.

Теперь я опять на батарее. Странно, как ни хорошо было дома, как ни приветливы были знакомые и друзья, но только здесь, около боевых товарищей, чувствуешь себя на месте.

Нежность Нади при прощании растрогала, но в голове крутится мотив довольно глупой песенки, которую напевали на батарее:

Милые девушки, нужно подождать,
Нам нельзя любить сейчас,
Надо воевать.

Казалось, что не только люди, но и кони встречали тебя с радостью. Конь „Мишка" ходит теперь в телефонной двуколке, а был еще моим „заводным". Когда я разговаривал с наводчиком второго орудия, стоя около коновязи, „Мишка" аккуратно стянул с меня фуражку своими нежными губами.

— „Видишь „Мишка" тебя не забыл и хочет, чтобы ты с ним поздоровался", пошутил доброволец Браун.

У этого коня есть одна странная привычка. В походе он идет, обыкновенно, за нашим орудийным ящиком. И, если ездовой не заметит, а идем по песчаной, сухой, просёлочной дороге, то конь положит свою верхнюю губу на колесо ящика, очевидно, получая от этого какое-то удовольствие.

Эшелон двинулся. Куда нас везут? Станция Дергачи — значит на север. Но кто-то уже сказал, что идём под Богодухов. Там якутцам, отряду полковника Главче и еще каким-то новым формированиям большевики „дали чёсу". Идём поправлять положение с нашим Дроздовским полком. Красных, говорят, тьма тьмущая — тысяч сорок, понагнали со всех сторон. Под угрозой находится левый фланг корниловцев, идущих на Курск. Было ли, действительно, такое положение на фронте — не знаю, но так оно рисовалось нам тогда.

Подходим к какому-то полустанку.

С севера доносится гул орудий и на горизонте, как комки ваты, висят высокие разрывы шрапнелей. Всегда я испытывал то же неприятное чувство, пока не войдешь в линию огня. Когда уже снаряды ложатся близко, сами становимся на позицию, открываем огонь, тогда ни о чем не думается, да и некогда. Но пока входишь в эту полосу из тыла, с его спокойной жизнью, такой далекой от всего этого, испытываешь какое-то щемящее, неприятное чувство.

Расгружаемся. На станции стоит начальство на площадке бронепоезда. Видим генерала Кутепова, с его характерной черной бородкой. Если Кутепов здесь, то, очевидно, де-

ло серьезно. Полковник Румель, полковник Туркул тоже с ним. У этих двух дроздовцев есть какое-то сходство. Румель выше ростом, оба горбоносые — напоминают больших хищных птиц, пожалуй больше всего орлов и не только по виду, но и по всей повадке, движениям, выражению глаз.

На путях опрокинутая площадка нашего тяжелого бронепоезда. Что случилось? Оказывается выстрелил под слишком большим горизонтальным углом и орудие откатом опрокинуло площадку, задавило двух человек орудийной прислуги. Это объясняет нам Ваня Прокопов, разведчик. Он всё время мотается верхом кругом и сведения у него самые точные. Мы связаны орудием и получаем информацию от него.

— „Только бы нас не придали какой-нибудь другой пехотной части", говорит Болотов, когда мы сгружаем орудия, — „хватит, уже намучились с белозёрцами под Харьковым. Туркул, через Основу, на пол дня раньше вошел в город". Он высказывает то, что думают все, включая, наверно и командира батареи.

Командир, полковник Соловьев, осматривает батарею последний раз перед тем, как выступить походным порядком. Он, как всегда и во все времена года, без фуражки. Ветер слегка треплет седые волосы. „Маленький полковник-артиллерист без фуражки" — так его знает вся дроздовская пехота. Стального цвета глаза осматривают каждого, серые усы шевелятся, но говорить он не любит.

Выступаем. Набегает тучка. Начинается ливень. Промокаем. Потом опять солнце. Только дорога на этих плодородных землях харьковской губернии сейчас же становится грязной. В гуле канонады впереди можно уже различить отдельные выстрелы и разрывы.

Нас перегоняет эскадрон кавалерии. Это архангелогородцы. Я меньше всего хотел бы обидеть этих жертвенно настроенных, харьковских юношей, не совсем уверенно и твердо державшихся в седлах, но вид у них был аховый. Самое же нелепое это были длинные пики, оружие владеть которым не так легко — требуется большая сноровка и сила. Ни того, ни другого эти вчерашние гимназисты не имели. В результате, иногда, задевали за ветви деревьев и оказывались на земле, без всякого вмешательства в это дело противника. Наша часть прошла уже кровавую, боевую школу, начиная с похода Дроздовского, полей Кубани, степей Донецкого Бассейна и потому отношение к этим новосформированным частям было снисходительно-недоверчивое.

— „Разгневался, видно, Господь на Добровольческую Армию и послал ей на погибель „архангелов", острили добровольцы, называя „архангелами" архангелогородцев.

— „Час от часу не легче", сообщает Прокопов, „будем действовать с пехотой — якутцами" (Якутский пехотный тоже ново-сформированный полк).

— „А где же наш первый батальон Туркула?" — задают вопрос едущие на передке орудия номера.

— „Не то на правом фланге, не то в резерве. А якутцев красные уже один раз из Богодухова выкинули".

— „Теперь, всё равно попрём красных", — с уверенностью говорит Браун, „видели сколько войск разгружалось на полустанке, да и наши бронепоезда уже здесь".

Разговоры смолкают. Через час стоим близко от железнодорожного полотна около мелкой поросли орешника. Вдали, на возвышенности виден Богодухов.

Приказ нам — задержать бронепоезд противника. С нами взвод якутцев — прикрытие для батареи. Одеты они в новое английское обмундирование, но не чувствуется к ним доверия и нет той уверенности, которую мы имели с нашими обтрепенными, малочисленными ротами дроздов в Донецком Бассейне.

Красный бронепоезд подскочил как-то неожиданно быстро и обложил беглым огнем наше прикрытие. После наших нескольких выстрелов поспешно отошел в сторону Богодухова. „Гаубичный огонь великолепен и поразителен: вихри взрывов, громадные столбы земли, доски, камни, выбитые куски стен, а, главное, адский грохот", такую картину рисует Туркул в „Дроздовцах в огне", а Туркул никогда не отличался излишней „впечатлительностью".

Близится вечер. Впереди медленно наступают цепи якутцев. Мы снимаемся по орудийно и идем за ними, поддерживая их огнем. Заваривается впереди частая ружейная стрельба. Трескотня пулеметов. слышно ура и... мы видим бегущих на нас якутцев.

Полковник Соловьев, с револьвером в руке, останавливает бегущего офицера и что-то кричит ему. Мы, номера, задерживаем бегущих солдат и заставляем залечь около орудия. Но это не так легко. Некоторые из них побросали винтовки. Другие послушно ложатся, но, судя по бледным, перепуганным лицам, сомнительно, как они будут действовать своим оружием.

— „Картечь! Трубка ноль!" — подает команду Соловьев. Заряжаем на картечь и ждем. Из редкой ольшины показывается красная цепь. За ней вторая. Это матросы. Слышно „ура" и матерщина по нашему адресу.

— „Прямой наводкой! Переносить огонь, где гуще цепи. Десять патронов, беглый огонь!"

— „Белая сволочь! Так вас и так! Бросай винтовки!" долетают крики матросов.

— „Огонь! Первое!" — резко кричит Соловьев.

Оба наших орудия почти одновременно окутываются дымом. Выстрел за выстрелом следует сейчас же, как можем что-нибудь различить. Смотрю не в панораму, а, подняв голову, над щитом и туда, где гуще приближающиеся матросы, навстречу им несется дождь свинца. Работает и наш ручной пулемет.

В этот критический момент, где-то справа слышно опять „ура", но уже с нашей стороны. Туркул ударил с фланга своим первым батальоном. В сумерках исчезают остатки атаковавшей нас красной пехоты, только продолжается редкий винтовочный обстрел. Перед ольшиной темными пятнами лежат убитые. Слышны стоны раненых.

Соловьев подает большую цифру прицела — красные на нашем участке быстро отходят. Туркул ворвался уже на окраины Богодухова.

Теперь наш огонь сосредоточился по вспышкам артиллерии красных. Бьем бомбами. По команде „Огонь!" дергаю за шнур, вдруг страшный взрыв, облако едкого желтого дыма, куда-то лечу и, как молния, мелькает в сознании — „их снаряд разорвался под нашим орудием".

Издалека слышу голоса:

— „Наводчик убит."

Открываю глаза. Небо. Седые усы, наклонившегося надо мной полковника Соловьева. Усы двигаются, он говорит, как будто издалека до слуха долетает:

— „Ну, как Пронин?"

Отвечаю что-то и пытаюсь подняться. Острая боль в левой ноге, но поднимаюсь.

— „Преждевременный разрыв в теле орудия", говорит, отходя командир.

Как пьяный, шатаясь, подхожу к гаубице, открываю замок. Нарезы на конце ствола (тела орудия) сорваны и ствол раздут. В голове шумит.

По приказу командира батареи снимаемся с позиции.

На другой день в Богодухове. Голова болит меньше. Нога, ушибленная колесом откатившегося орудия, ноет. Встречаю полковника Соловьева.

— „Ну как, отошли? Были у врача?"

— „Никак нет, г-н полковник, совершенно здоров, только в голове немного шумит".

Он усмехается одними глазами.

— „Молодцом, хоть не по уставу мне вчера ответили". Уходит.

Спрашиваю ребят, что я ему такое ответил. Смеются.

— „Да ты ему, как поднимался, говоришь: ни хрена г-н полковник, или что-то покороче".

— „Вот если бы это приключилось с орудием, как на нас

матросы пёрли, то был бы всем нам „каюк,” а что насчет „словесности”, то это ж тебя опять же матросы на этот лад настроили”, заключил разговор Болотов.

●

КЛЕПАЛЫ

Володя попал в батарею недавно. Блондин с нежным румянцем, с большими, немного удивленно смотрящими на мир, глазами и длинными ресницами, он был похож на девушку, переодетую в военную форму. Зеленый, не особенно хорошо пригнанный френч английского обмундирования, как будто еще более оттенял его женственность.

Он не сразу привык к обстановке, в которой оказался. Войну он представлял себе иначе. Разсказы из эпохи Отечественной Войны и Обороны Севастополя увлекали его. Там были развевающиеся знамена, сомкнутые каррэ, лихие атаки, рыцарство по отношению к побежденному или раненому врагу, а здесь всё это отсутствовало. Прежде всего грязь, пыль, вши. Руготня. Тяжелая, порой изнурительная работа по рагрузке и погрузке снарядов. Вечные наряды. Дневальства, когда хочется спать, в утренние предразсветные часы. Запах конского пота и махорки. А бои — раненые, стонущие на тряских подводах на соломе. Он видел трупы двух офицеров, захваченных красными. Ко лбу их были гвоздями прибиты кокарды. Убитые, с которых белые и красные с одинаковым рвением сдирали, прежде всего, сапоги, так как в обуви был острый недостаток. Кровь, грязь, пыль, усталость, когда человек валится с ног, это всё было так далеко и так мало вязалось с жаждой подвига и жертвенно-радостным настроением, с которым он записывался добровольцем в армию.

Особенно почему-то неприятно поразил его один случай. Около речной переправы красные оказывали упорное сопротивление. Наш батальон опрокинул их и пехота гнала отступавших, а потом бежавших вдоль гати, поросшей лозняком. Батарея перегоняла роту, уже садившуюся опять на подводы. Своих раненых и убитых пехотинцы подобрали. На одной из пехотных подвод возницей сидел бородатый крестьянин в старом, вылинявшем картузе. Лицо смуглое, как точеное. Редко, но на Руси встречаются такие, прямо иконописные лица. Крестьянин передал вожжи сидевшему солдату, соскочил с подводы и побежал к убитому красноармейцу. Тот, очевидно, был убит почти в упор, в затылок, настигавшей его пехотой. Череп был наполовину снесен, а фуражка лежала впереди, также как и винтовка, которую он выронил из рук при падении. Крестьянин наклонился, под-

нял фуражку, вытряхнул оттуда кровавую массу и побежал назад к подводе. Подводы уже тронулись. Крестьянин бежал мимо орудия, догоняя свою. На ходу он сбросил старый, вылинявший картуз и надел фуражку красноармейца. По щеке, лбу и седеющей бороде крестьянина текла кровь и сплывали белые сгустки мозга. Володя почувствовал приступ тошноты. Всего более поразило его, что это был мирный человек, не принимавший участия в войне и только случайно взятый с подводой. Старший орудия — наводчик молчал. Второй номер, сидевший на передке, рядом с Володей, поправил свое пенснэ и брезгливо сказал:

— „Хорош то наш богоносец!"

— „Озверел человек", объясняюще заметил номер из хуторян, сидевший на лафете орудия.

— „И ведь это наш народ", думал Володя, „за который..."

Команда „Батарея рысью марш!" прервала его размышления.

Из старых добровольцев он сошелся с двумя. Один наводчик и старший орудия, бывший студент технического института одного из южных городов России. Другой, второй номер-замковый, также студент, но петербургского политехникума. Оба вполне интеллигентные люди, но различные.

Петербуржец, как-то всем своим существом, видом, даже пенснэ в золотой оправе, которое носил из-за близорукости, выделялся из солдатской массы. Говорил он всегда интеллигентным языком. Избегал или просто не владел солдатским говором. Разсердившись, краснел, сыпал ругательствами, но и тогда это у него как-то не клеилось. Володя вспоминал в этих случаях долговязого баварского унтерофицера, стоявшего на платформе Харьковского вокзала во время оккупации 1918-го года и ругавшего напиравшую толпу: — „Шорт! Мат! Шорт! Мат!" Делал немец это флегматично, с сознанием своего долга, и даже улыбался, очевидно, сам очень довольный своими лингвистическими успехами. Петербуржец был человеком храбрым и хорошим товарищем, но солдаты его не любили и называли его „глюзатым." Было в этом определении, связанным с его пенснэ, вложено какое-то недоброжелательство и пренебрежение.

Наводчик держался иначе. В службе он был почти педантом. К солдатам не подлаживался, но нигде не давал им почувствовать своего интеллигентского превосходства. Говорил с ними просто тем солдатским говором, на котором все они разговаривали. Он не опустился, но держался так, что новоприбывшие офицеры делали удивленные лица, когда узнавали, что он студент. Его принимали за кадрового фейерверкера старой армии. Ругательствами он не злоупотреблял, но, когда они у него вырывались, то исходили из

нутра и солдаты знали, что тут шуток нет. Вспышки такие бывали у него редко. Повиновались старшему орудия беспрекословно. К Володе он относился дружественно — покровительственно и за последние месяцы боев и тот к нему привязался.

Сегодня днёвка в небольшом тихом селе. Дают отдохнуть коням и людям. Утром, правда, номера смазывали орудия и пополнили комплекты снарядов. После обеда спали в саду на копнах сена. А после ужина и вечерней поверки, когда уже спустились сумерки, Володя прошел в соседнюю хату, где также были расквартированы батарейцы другого орудия.

Хата состояла из двух комнат. В первой находилась большая русская печь. Около нее возилась хозяйка. Поздоровавшись с хозяйкой, Володя, открыв дверь, перешагнул через порог и вошел во вторую, большую комнату, где помещались солдаты. Сперва он не мог ничего различить. За столом сидело несколько человек. Дым от махорки сплошной серой завесой плавал в воздухе. На столе в бутылке стояла свеча. Пламя мигающим светом освещало небольшое пространство и позволяло различить потные лица, разстегнутые воротники гимнастёрок и френчей, блестящие от возбуждения и азарта глаза. Рядом со свечой на столе солдатская фуражка. В ней банк. Чего там только нет. Царские ассигнации, „керенки", карбованци мелькнувшего на Украине гетмана Скоропадского, гривны еще быстрее промельнувшего Петлюры, советские, цветом подделанные под царские, — добровольческие „колокольчики." Все денежные знаки, имевшие какое-то „хождение" и не особенно высокую покупную способность.

Игра идёт не в покер или девятку, а в „очко" — двадцать одно, игру родившуюся под заборами. Вместе с революцией, семячками, кипами бумажных керенок (20-ти и 40 руб. денежными знаками, наводнившими Россию при Керенском и продолжавшими наводнять при большевиках) очко, казалось, захватило всю страну. Был страшный 1919-ый год. Можно было подумать, что всю Россию проигрывают в карты. И карты то засаленные — грязные. Не отличишь дамы от валета, ну, скажем, у короля отличие есть — борода. Играли одинаково в стане белых и в стане красных.

Бородатые крестьяне-подводчики, молодые добровольцы, седые железнодорожники в вагонах и на полустанах, малыши на лужайке за станцией — одним словом играла вся Россия, а банк всё рос и рос. Казалось вся страна превратилась в гигантскую ставку, а банкомёты из Кремля кричат сиплым голосом:

Даешь Честь России?
Четыре с боку — ваших нет!

В комнате, где шла игра, банк держал ездовой третьяго орудия Селезнев. Рыжие волосы растрепались и прядь свешивается на лоб. Изрытое оспой лицо, ярко красного цвета, каким загорают рыжие. Узкие, раскосые, серые глаза смотрят холодно и пристально на каждого перед тем, как ловким движением снизу колоды бросить перед ним карту. Временами он задерживает карту и спрашивает игрока „насколько идёшь?" или „у тебя какие?" или, молча, берет измятую бумажку, расправляет ее, смотрит на свет, на свечу и решительно бросает в шапку.

Володя пересчитал свою наличность. В бумажнике и кошельке было пятьсот пятьдесят рублей. Положив деньги на стол и, прикрывая левой ладонью ставку, он попросил банкомёта вторую карту. У него вышло двадцать очков. Это был почти верный выйгрыш. Только если у банкомёта будет тоже 20, или 21 — очко, тогда он проиграет. В комнате наступило молчание. Шеи игроков вытянулись. Селезнев открыл две свои карты, у него было одинадцать. Быстрым движением бросил на них третью, рубашкой кверху. Взяв карты со стола, он поднёс их к лицу, дунул на них и начал медленно, но так чтобы все играющие видели, выдвигать боком взятую карту. С боку появилось четыре бубна в ряд — значит или девятка или десятка.

— „Четыре с боку — ваших нет!" закричал он.

Игра шла дальше. Селезнев снял часть банка, побил подряд три руки, дал кому-то снять небольшую ставку и, когда очередь дошла до Володи, то, как бы нехотя, спросил:

— Играешь?"

Того совершенно захватил азарт игры. Расстегнув френч, он ножем распорол пояс брюк, где был зашит „петр" —пятисотрублёвая ассигнация царского времени, которую дали ему старики родители, провожая его в армию.

— „На все?" как бы с недоверием спросил Селезнев.

— „Давай карту!" и вместо ответа Володя подвинул в сторону шапки заветную ассигнацию.

Теперь у него, как прошлый раз у банкомёта, было одинадцать очков.

— „Еще карту — открой!" обратился он к Селезневу.

Быстрым движением Селезнев бросил на стол карту. Игроки приподнялись, чтобы лучше видеть. Со стола угрожающей чернотой смотрел туз пик.

— „Перебор! (22 очка) Ваших нет! На одинадцати туза!" нарушил воцарившуюся тишину резкий крик Селезнева.

В глазах Володи потемнело. Сбоку он услышал смешок:

— „Вынудили тебя, братишка!"

Нелепое слово „вынудили" — но значение вполне определенное. Из какой то ночлежки, тюрьмы или этапа попало оно сюда и обозначает полный проигрыш зарвавшегося игрока.

Володя вышел из хаты. Свежая летняя ночь протрезвила его. Он не пил, а это какое то обалдение, очумение-тяжелый картежный угар. Обеими руками он провел сверху вниз по карманам френча.

— „Вынудили!" повторил босяцкое слово. „Еще до разсвета, может быть, посплю, а завтра идём в наступление. Если убьют и красные будут по карманам шарить, то найдут шиш с маслом!"

Ему стало даже смешно из-за воображаемого разочарования красных мародёров.

— „А наши наверно спят на сеновале", подумал он про номеров своего орудия.

Двери сеновала широко раскрыты и чернеют своей темнотой. Развязав обмотки, снял у дверей английские ботинки, дар Великобритании своим верным союзникам или же, что вернее, торговая комбинация с залежавшимся на военных складах товаром. Ботинки эти величались в Добровольческой Армии „танками", неизвестно почему из-за их тяжести или прочности. Обоими этими качествами они отличались. Взяв в руки свои „танки," с вложенными в них обмотками, и глубоко, по колено погружаясь в свежее, душистое сено, попробовал возможно тише пробраться на свое место около стены, где он спал вчера. Старший орудия, наводчик, не спал, или, по привычке, спал так чутко, что, когда Володя поравнялся с ним, то окликнул его шопотом:

— „Опять проигрался?"

— „И откуда он сразу всё знает", с досадой подумал Володя и также шепотом ответил неопределенно: — „Немного играли".

Ему было неприятно, как будто его уличили в чем то нехорошем.

Некоторое время лежали молча. Только стрекотали сверчки. Володе начало казаться, что они быстро, быстро, по своему повторяют насмешливое слово — „вынудили!"

— „И охота тебе играть с этой шпаной", шепотом заговорил наводчик: „Селезнев шулер, а Франкулеско, Атанасиу — шакалы: убитых обирают и денег у них полно".

Володя лежал навзнич и слышал в соломе, которой была накрыта клуня, шуршание какого-то зверька.

— „А почему они в батарее оказались", спросил он наводчика, „да и вообще в Армии?"

Старший приподнялся на локте, обернулся к нему, подперев голову рукой.

— „Ты знаешь, я слышал, что когда львы идут на добычу, то за ними увязываются всегда шакалы".

— „Так это мы, значит львами будем?"

— „Мы то не мы, а что ты думаешь — покойного Михаила Гордеевича Дроздовского, Витковского, Туркула, Харжевского да и многих наших офицеров иначе, как львами не назовешь. А эти с ними еще из Румынии увязались. Ну, скажем Першин, хоть и разбойник, но храбрый и жгуче ненавидит большевиков, а эти молдоване Франкулеско, Атанасиу — настоящие шакалы".

— „А почему их в батарее держат?" упрямо повторил Володя.

— „Знаешь в большом хозяйстве и дрянь пригодится. Франкулеско хороший кузнец. Мы с тобой коня не покуем, а он почти на ходу кует. Селезнёв и Атанасиу к лошадям хороши. Командир взвода знает им цену, но ездовые оба отличные и кони у них всегда в порядке. Нет фуража, украдут, а коней накормят. А тебе охота с ними путаться, нашел себе клуб. Селезнёв обещал мне со своими на батарее не играть. Слышал пехоту обыгрывает. А теперь опять видно за свое принялся", несколько раздраженно закончил наводчик. Видно было, что его разсердило, что Володя полез играть, и что Селезнёв обыгрывает своих батарейцев, не удовлетворяясь игрой на стороне.

Оба замолчали. Недалеко, где-то в пруду ухал лягушечий хор. Володе казалось, что он проваливается в какой то душистый, глубокий колодезь. Над ним наклоняется рябое лицо рыжего Селезнева, кривится улыбкой и, зазывая, спрашивает:

— „Ну как ты, идёшь по банку?"

Потом и лицо Селезнева начало расплываться и Володя заснул крепким сном здорового 18-ти летняго юноши.

— „Проснись! Побудка!"

Старший орудия уже совсем одетый, тряс его за плечо.

— „Напьемся молока, а то сейчас выступаем". Начинало светать и в предутреннем сыроватом тумане слышно было ржание коней, говор солдат, позвякивание котелков и еще целая гамма звуков, когда восемь запряжек, конные разведчики, телефонисты, номера и весь прочий люд батареи, который, каждый по своему, провел прошедшую ночь, опять превращаются в крепкую, спаянную боевую единицу, носившую название 7-ой легко-гаубичной батареи Дроздовской Артиллерийской Бригады.

Наш взвод идёт с баталионом Манштейна.

— „Идём в рейд по тылам!" с гордой таинственностью сообщает разведчик.

И, действительно, темп передвижения совсем необычный. Рысью идут подводы, на которых едет пехота. За ними пере-

менным аллюром батарея. Около каких-то сёл начинается стрельба. Снимается с предков только одно орудие. Рассыпается в цепь головная рота, остальные останавливаются и даже не слезают с подвод. Через четверть часа уже опять все едут рысью вперед. А там, у околицы деревни, на боку пыльной дороги, группа пленных красноармейцев. В селе уже большая группа пленных. Здесь приказано остановиться.

— „Ездовые слезай! Отпустить подпруги! Отстегнуть нашильники! Дать сено лошадям!" спереди передают команду по колоне. Значит привал. Да и не мешает — так можно и коней загнать.

— „Откуда будете земляки?" кричит с орудия пленным один из номеров.

— „Воронежские", почти весело отвечает русый бородач. Полотняные, белые рубахи. Некоторые в лаптях. Через плечи холщевые сумки — вид артели шедшей на заработки в город. Ничего воинственного.

— „Они в нас и не стреляли, а всё вверх", рассказывает пехотинец, — „только над головой жужжало — смотри какие им большевики орудия повыдавали!"

Номера с интересом рассматривают допотопную берданку, очевидно, времен турецкой компании, совершенно невероятного калибра. Один из солдат вертит в руках патрон:

— „Да это же ребята, как снаряд из пушки Гочкиса".

— „А как летит", поясняет пехотинец, „гудёт, что твой шмель".

— „Когда же, воители, вас мобилизовали?" обращается петербуржец к бородачу.

— „Да вот два месяца будет, как взяли", отвечает тот, „косить пора, у нас в селе луга на пойме по реке, всегда в эту пору, после Ивана закашиваем, а вот тут..." — „Скажи хорошо, что живой", перебивает его другой пленный, „а то комиссар всё объяснял: белая гвардея-кадеты, значит, это вы выходит, сразу каждого в лоб, а тут тебе уже и закурить дали, а то я три дня без курёжки".

— „А вестимо, что ему скажешь", отвечает другой пленный ездовому, „ а он тебе это, значит, в рыло наган — кричит, так тебя и так, у меня мандат есть, что ты ему ответишь?"

— „Да", соглашается ездовой, „если он тебя мандатом да наганом — тут уже разговор плохой. Ну, теперь, Бог даст, мы им мандаты дадим".

— „Уж бы кончалось это всё", уныло говорит худой загорелый пленный.

— „Не робейте ребята, кончим комиссаров, да и вы нам подмогу давайте!" говорит один из добровольцев.

— „Да што мы, мобилизованные, куда погонют — идем", отвечает пленный.

В группе пленных и батарейцев слышен взрыв смеха. Босой, в полотняной рубахе парень, тоже с холщевой сумкой за плечомъ, без фуражки, с светлыми, разстрепанными волосами, жестикулируя, разсказывает что-то, очевидно, смешное.

— „А, как нас погрузили в ешелону", слышит Володя, „то наши робята и напиши мелом на всех вагонах: „Хрен догониш! Еду в Ворониж!" Комиссар матершит, бегает..." Опять взрыв смеха...

Недолгая остановка и снова пыльная просёлечная дорога, а по ней рысью идёт увеличившийся отряд Манштейна. Смотреть издали — только облако пыли движется между полей. Теперь он далеко вырвался вперед. Посылать назад пленных и захваченные обозы нельзя, приходиться брать с собой. Далеко сзади, в стороне Ворожбы, глухо слышно артиллерийская стрельба — там наступает первый батальон Туркула.

Было за полдень, когда цель движения третьяго батальона была достигнута — это был железнодорожный путь на северо-запад от Ворожбы, около небольшой станции, или даже полустанка Клепалы.

Полотно железной дороги. Будка. Переезд. Манштейн с группой конных. Разведчики привязывают к рельсам пироксилиновые шашки. Дальше развинчивают рельсы. Перерезают телефонные и телеграфные провода.

Первый товарный состав со стороны Ворожбы. Гружен каким то военным имуществом. С треском, грохотом, наталкиваясь друг на друга и разбивая обшивку, скатываются с полотна вагоны. Теперь уже путь закрыт. Но надо ожидать красные боевые части и бронопоезда, т. к., очевидно, что это одна из главных артерий, по которой откатывается назад красная армия, и она будет стараться прорвать окружение.

Оставив одну роту в резерве, Манштейн бросает навстречу подошедшим красным разгружающимся частям — остальные две роты по сторонам полотна железной дороги.

Перегоняя свою пехоту, становимся на позицию в складке местности. Наблюдатели впереди на холме. Предоставив пехоте вести бой с выгрузившемися красными частями, пристреливаем железнодорожный путь. Получили нулевую вилку. Наступает некоторое затишье. Телефонист передает команду:

— „Четвертое к бою!"

— „При той же установке и прицеле, по бронепоезду пять патронов — беглый огонь! Четвертое огонь!" Подпрыгивает, окутывается дымом и пылью гаубица. Одна за другой посылаются фугасные бомбы.

Со свистом проносится над нашей головой очередь трехдюймовых гранат бронепоезда. Огонь усиливается.

Теперь уже со стороны красных беглым огнем бьет по крайней мере десять орудий. Бронепоезд не один, к нему подходит от Ворожбы другой. Красные решили прорваться во чтобы то ни стало. Но, очевидно, наблюдение у них слабое — стреляют по поднимающейся пыли на авось, почти всё перелеты.

Зато в пехоте у нас больше потери. Проходит около орудия, опираясь на винтовку, раненый стрелок. Вся гимнастёрка в крови, левая рука висит. Лицо землисто-серое. Околодок, где перевязывают, дальше в лощине около полотна железной дороги. Присаживается на землю около орудия. Петербуржец только что открыл замок, левая рука на замке, правой отстегивет английскую флягу с водой и бросает раненому.

— „Мы думали — вин сдаеться", говорит тот подошедшему ездовому," а вин як чесанет с пулеметив — нашего поручника забило, да с нашего взводу мало кто зоставься".

Наблюдатель, меняет прицел и опять навстречу красным несутся гаубичные снаряды. От Манштейна прискакал конный разведчик. Передает приказание открыть огонь по новому эшелону, который подошел вслед за бронепоездами и начал разгружаться. Телефонируем наблюдателю. Поворот угломера, новый прицел, подается и трубка шрапнели. Володя срывает колпак и ключем, напрягая всё внимание, точно ставит шрапнельную трубку.

— „Давай скорее!" торопит наводчик. Дождь свинца на низком разрыве шрапнели заливает разгружающиеся красные части. Это уже не мобилизованные „дядьки", с которыми приходилось встречаться по пути к Клепалам. На прорыв брошены отборные части. Команды бронепоездов — матросы.

День клонится к вечеру. Решительного перевеса нет. Но и красным не удается прорваться. Гаубица стреляет реже. Снаряды на исходе. После одной из команд „огонь!" наводчик дергает за шнур, но вместо выстрела только сухой металический звук. Открывают замок, на пистоне нет даже следа от бойка.

— „Проклятие!" — „Боек сломался, а запасного нет!" От командира приказ — оттянуться назад в лощину, вдоль железно-дорожного полотна.

В лощине столпотворение. Сотни подвод. Какие то сгруженные на землю мешки с сахаром. Обозы. Группы пленных. Подводы пехоты с патронными ящиками.

Серые, черкасские волы — скот, отбитый у красных. Раненые на подводах на соломе. Стоны и мычение. Над

всем со зловещим шипением и свистом проносятся снаряды советских бронепоездов.

Откуда то вдоль полотна рысью подъезжает пролётка. На ней пожилой батюшка с крестом на георгиевской ленте и седобородый старик — полковник Манштейн, отец Владимира Манштейна, командующего отрядом. Пролётка задержалась около орудия и слышно, как старик Манштейн говорит своему собеседнику:

— „Батюшка! Да какая же это война! Штыкового удара не вижу. Сойдутся, постреляют и отходят. Вот, как в 77-ом году под Плевной и на Шипкинском Перевале...“ — дальше не слышно слов, но знаем, что старый Манштейн был одним из славных защитников Орлиного Гнезда, увековеченного Верещагиным на его полотне.

— „Хоть старому Манштейну и недостаточно, но с меня и этой войны вполне хватит“, думает Володя.

Пролетка отъехала шагов пятьдесят. В это время снаряд бронепоезда со свистом проносится над самыми головами и разрывается несколько впереди пролётки. Солдат — возница старается быстрее проскочить гиблое место, куда уже в продолжении нескольких минут ложится второй снаряд, и гонит коней карьером. Пролётка налетает колесом на какой то столбик и опрокидывается. Оба — священник и старый Манштейн, один через другого, вылетают из пролётки на пыльную дорогу.

— „Не побились“, успокоительно говорит наводчик. Действительно, встает батюшка, поднимает из пыли слетевшую с головы шляпу, встает и старый полковник Манштейн. Слышно, что старик Манштейн ругается.

— „Вот мастер старый чистить!“ с некоторым восхищением говорит хоботовый номер Саломатин, — „видно он еще в турецкую компанию научился так складно выражаться“.

— „Он тебе бы и не так загнул“, с какой-то гордостью за старого полковника говорит ездовой корня, — „да он скиснается — потому с ним священная особа“.

Володя не вмешивается в разговор знатоков руготни, но сам считает, что старый Манштейн стесняется довольно своеобразно.

Глупое состояние стоять в бездействии и ждать пока тебе на голову бронепоезд пошлет снаряд.

— „А ведь это поражение“, думает Володя.

— „Попросимся у командира в цепь с пехотой“, прерывает его невеселые мысли голос старшего орудия. Командир сперва нахмурился, потом, посмотрев на своих людей, вооруженных пехотными винтовками с подсумками, решил:

— „Идите, всё равно орудие действовать не может. Наводчик идёт за старшего, слушать его команду“.

„Пехоте люди нужны — большие потери", подумал он про себя.

Маленькая группа артиллеристов присоединилась к своей, разсыпавшейся по склону холма, пехотной цепи.

Почти сейчас же откуда то справа по цепи передали команду:

— „Цепь вперед!"

Пехотная атака, да еще атака дроздовской пехоты, это было для Володи чем то совершенно новым. Всё его внимание и усилие воли было сосредоточено на том, чтобы не отстать от цепи. Сперва, поднявшись, они шли, потом бежали вперед. Шелест пулеметных очередей над головой, пыль от пуль, ложившихся впереди.

Цепи, хриплый крик ура, свист снарядов, всё смешалось в какой то однородный шум. Когда он терял дыхание от бега, то останавливался на минуту, чтобы набрать воздух, и в это время стрелял вперёд, в сторону полотна железной дороги, где перебегали темные фигурки людей и откуда пылью и вспышками обозначались места, откуда противник еще вел огонь. Но артиллерийский огонь красных как то сразу замолк. Ослабел огонь пулеметов и винтовочной стрельбы. Когда это произошло, он не мог бы сказать, также каким образом очутился вблизи двух серых составов бронепоездов. На них, временами, взлетал к небу сноп огня от снарядов, рвавшихся на броневых площадках.

Прекратилась и винтовочная стрельба.

— „Красные бегут!"

— „Гайка у них отвинтилась!" слышал он как кричали в цепи.

Теперь Володя уже совсем около полотна железной дороги. Между двумя броневыми площадками длинный вагон-пульман синяго цвета.

„Что делает здесь среди этих броневых серо-зеленых площадок этот нарядный вагон?"

Руководимый движением, в котором главным стимулом, как ему потом казалось, было любопытство, он вскакивает на ступеньку классного вагона, вбегает в корридор. Это вагон І-го класса с мягкими, малиновыми плюшевыми диванами. Только сняты некоторые переборки между купэ. На маленьких столиках стоят пишущие машинки, цветы в вазах, пахнет духами. Но вагон пуст.

На полу лежат разбросаные груды каких то бумаг. В обширном, двойном купэ на стене перед ним большой, написанный маслом портрет. Портрет, как живой — видно кисть большого мастера. Со стены смотрит на него лицо, с характерной козлиной бородкой, живыми, сверкающими под пенснэ глазами Мефистофеля — сам главковерх Красной Армии Лев Троцкий.

Это продолжалось одно мгновение. Отстранив его в сторону, к стене подскочил доброволец-разведчик Першин.

— „Вот тебе с-сын!”

— и удар тяжелой шашки рассек портрет по диагонали. Скручиваясь, свесилось серое полотно — мираж исчез.

— „Хоть бы живого!” обернулся он к Першину.

— „Достанем и живого!” обернулся он к Першину. Першин бежит дальше по корридору.

— „Не лезь на площадки!” кричит старший орудия, влезши сам на одну из них, — „Снаряды здесь рвутся!”

Через минуту в руках старшего большое, шелковое, обшитое золотой бахромой знамя — „Харьковский Комунар. Памяти павших товарищей Хрулёва....” успевает прочесть Володя. Наводчик, скомкав, прячет знамя за пазуху и швыряет ему со смехом матросскую фуражку, на околыше которой написано — бронепоезд.

— „Ребята не задерживайся!” кричит он другим батарейцам: „красные еще не все переправились через реку. Айда к реке!” и соскакивает с площадки.

Почти одновременно на другом ее конце раздается оглушительный взрыв и клубы черного и едкого желтого дыма, среди которого прорываются языки пламени, заставляют людей отбежать от полотна.

Наступившие быстро сумерки и усталость людей прерывают преследование красных. Какой то крупный большевик, говорили, что Свердлов, бежал через реку с остатками команд бронепоездов и уцелевшими людьми красных частей.

— „Вот видишь, как обернулось, а ты уже и нос повесил”, с улыбкой говорит старший орудия Володе, сидя около костра, перед дымящимся котелком супа.

— „Да, а тогда в долине выглядело, что нам всем крышка”, признался тот: „а вышло: красным четыре с боку — ваших нет и товарища Свердлова — вынудили”, пояснил он картёжным жаргоном и разсмеялся.

Незначительным и глупым казалось ему теперь огорчение от проигрыша в карточной игре сравнительно с радостным возбуждением одержанной победы.

К костру подошел Селезнёв.

— „У пехоты пол-мешка овса для коней стибрил”, деловито сказал он, усаживаясь на землю и поставив перед собой дымящийся котелок: „очень кони притомились”.

У другого костра высокий, чистый голос запевал:

Все тучки, тучки понависли,
А с моря пал туман...
Скажи о чем задумал,
Скажи наш атаман,

подхватили сильные молодые голоса.

КАДЕТИК.

Появился он на батарее вскоре после занятия нами Сум. Был кадетом Полтавского корпуса и, вместе со многими своими однокашниками, присоединился к наступающей Добровольческой Армии. Это было время подъема духа. Армия генерала Деникина неудержимо шла вперед, сметая на пути части, которыми красное командование старалось задержать наступление белых. Последний тяжелый бой, в котором участвовала батарея, был под Богодуховым, а теперь добровольцам казалось, слышался уже вдали колокольный звон в еще далекой Москве. Корниловцы быстро продвигались вдоль магистрали Курск-Орел. Дроздовцы не отставали, идя западнее — Сумы-Ворожба-Путивль.

Кадета звали Карпинский. Ему было лет тринадцать-четырнадцать. Это еще ничего, но ростом то он был маленький и выглядел еще моложе своих лет. Батарея, очевидно, не была первой частью, куда он пытался поступить. Его отсылали домой, жалея и не желая принимать на себя ответственность и заботы о ребенке. Когда он появился у нас, то тщательно прятался от командира и офицеров. Не числился оффициально и не состоял на довольствии. Солдаты жалели мальчика и подкармливали из своих котелков. Объявился он перед очами начальства только тогда, когда наша Дроздовская батарея, приданная ново-сформированному 3-ьему ударному Корниловскому полку, втянулась в бои в районе Льгова. Тогда уже начальство было безсильно сразу же отправить домой кадетика и старший офицер оставил его при одном из орудий там, где малыш уже жил нелегально почти целую неделю.

— „Вы, ребята, за ним досматривайте!" обратился он к рослым солдатам и добровольцам, которым кадет едва доставал ростом до плеча.

— „Что же мы с ним будем делать в бою?" задумчиво спросил наводчик у номеров.

— „Пусть подает заряды", предложил один из добровольцев.

Тут необходима одна техническая подробность. Батарея была вооружена легкими гаубицами, которые имеют раздельное заряжение. Снаряд досылается в тело орудия отдельно, а заряд-гильза с порохом вставляется позже. Заряд легкий и работа с ним не требует силы.

Карпинскому объяснили, в чем будет состоять его деятельность, когда батарея станет на позицию и откроет огонь.

Льгов — узловая станция на реке и большевики решили его оборонять. Бронепоезда красных поддерживали огнем свою пехоту. Особенно безстрашно действовал красный

бронепоезд „Товарищ Свердлов", вся команда которого состояла из матросов Балтийского флота.

Пехота 3-го Корниловского полка, как части ново-сформированной, хотя выглядела очень хорошо(даже была снабжена стальными шлемами) и имела хороший офицерский командный состав, значительно уступала нашей Дроздовской пехоте, особенно в смысле быстроты удара. В атаку шла медленнее и под огнем залегала. Потери также несла поэтому большие.

Перед Льговым бронепоезда красных заставили пехотные части залечь. Терять времени было нельзя. Наши орудия, выехав на открытую позицию, начали поединок с бронепоездом. Запряжки были отведены в лощину назад. Пристрелялись обе стороны почти одновременно. Наши снаряды ложились на нулевой вилке (на том же прицеле) под самое полотно железной дороги или, перелетая через площадки, осыпали их градом осколков. Позже, уже во Льгове, мы узнали, что на одной площадке было повреждено орудие, на другой перебита вся орудийная прислуга.

Однако у „Товарища Свердлова" было перед нами преимущество — подвижность, количество и скорострельность орудий на постоянной установке и он, буквально, засыпал нас дождем шрапнели и трехдюймовых гранат. Одним из своих удачных попаданий он накрыл низким разрывом шрапнели нашу орудийную запряжку, выведя из строя убитым и ранеными всю шестерку коней. Обрушился на орудие. Один из номеров, подносивший лотки со снарядами, неуклюже споткнулся и упал в крови почти под хобот нашей гаубицы. По щиту орудия, как горох, забарабанила шрапнель. Наводчик крикнул, чтобы оттащили в сторону раненого и скорее давали еще снаряды.

Как серый огнедышащий змей, окутываясь дымом и вспышками выстрелов, метался по рельсам в одну и другую сторону „Товарищ Свердлов", стараясь избежать попаданий батареи.

На батарее замковый номер, работая как автомат, открывал замок и выбрасывал простреленные гильзы. В некоторых из них еще догорал бездымный порох, что иногда случается (неполное сгорание при выстреле).

В момент кульминационного напряжения артиллерийской дуэли, когда обе стороны, несмотря на потери, искали окончательного результата ее, наводчик орудия почувствовал сильный ожег правого локта. Обернувшись, он увидел Карпинского, который, совершенно оглушенный разрывами, выстрелами и всем адом, творившимся вокруг, вместо целого заряда, совал к открытому замку простреленную гильзу, в которой еще догорал один из мешечков бездымного пороха.

— „Заберите этого....“ закричал наводчик и приказал другому номеру подавать снаряды.

Однако, „Товарищу Свердлову“ не удалось привести к молчанию Дроздовскую батарею и, когда один из гаубичных снарядов лег около паровоза, ранив машиниста, бронепоезд дал полный ход назад.

Потрепанная батарея не могла в полном составе даже сопровождать пехоту дальше, а во Льгов, занятый несколькими часами позже, орудие въезжало на каких то клячах, забранных во Льгове из пожарной команды.

Номера подсмеивались над кадетиком, как это он поджаривал наводчика в бою.

— „Обалдел, значит, паренёк, но и немудрено — попал сразу в такой переплёт, а тут тебя, братишка, с двух сторон обложили: и бронепоезд и наводчик....“

А наводчик потирал обожженный локоть и печально посматривал на свою прожженную гимнастёрку. Но ему было неприятно за ту „словесность“, с которой он, в пылу боя, обрушился на кадетика.

Таково было боевое крещение Карпинского.

На походе зайдут, бывало, номера в хату напиться молока. Наливает молоко сердобольная тётка, посмотрит на кадетика и начинает голосить:

— „Да что вы с собой это дитё таскаете! Мужиков вам мало!“

— „Он, тётка, по своей охоте“, смеются солдаты.

Краснеет кадетик и старается что-то сказать баском, а голос срывается на высокие нотки.

А тётка не унимается:

— „Вот воителя нашли! оставайся, малой, у нас — гусей пасти“.

Прошел год безпрерывных, сначала наступательных, потом отступательных боев. Многих офицеров, добровольцев и солдат не досчитывалась батарея. Из состава орудия, осенью, в бою под Камаричами пал замковый номер, заменявший наводчика, и тяжко ранен был офицер, командовавший орудием. Потом — отход. Зима. Бои под Ростовом и Азовом. Новороссийская эвакуация.

В Крыму Карпинский, выросший, возмужавший и уже привыкший к артиллерийскому огню, перешел в команду конных разведчиков.

Помню, взял его как-то с собой на разведку один из очень отважных офицеров дивизиона, полковник Абомеликов. Он отличался веселым характером, жизнерадостностью и полным отсутствием страха, что часто встречается среди кавказцев. Со смехом он разсказывал в компании офицеров о Карпинском.

— „Отдал я ему моего коня и оставил за холмом. Сам пошел посмотреть с кургана. Представьте себе, их снаряд, перелетом через курган, разорвался около самых коней. Дым разсеялся. Смотрю нет Карпинского. Думаю, вот досада — убило кадетика. Иду назад — Карпинский поднимается и, как будто ничего не случилось, садится на своего коня. Подхожу. „Ранило тебя?" спрашиваю. „Никак нет, г-н полковник, воздухом сшибло". Сделал вид, что поверил — воздухом, так воздухом".

В бою против конного корпуса Жлобы Карпинский захватил пулемет и доброго коня.

Помню „кадетика" во время Крымской эвакуации и в Галлиполи. Не хотел он никак оставлять батареи. Доучиваться стал только в гимназии одной из балканских стран. Но, когда вспоминаю его, то всегда всплывает в памяти побледневшее детское лицо, широко раскрытые, испуганные глаза и худенькая рука, сующая наводчику под локоть простреленную гильзу с горящим в ней порохом.

●

ЛОЖНОЕ ДОНЕСЕНИЕ.

— „Назначить двенадцать человек для капитана К-а. Выберите надежных людей. Назначьте старшего", приказывал высокому добровольцу-фельдфебелю боевой части седой, небольшого роста полковник-командир 7-ой батареи.

— „Слушаюсь, г-н полковник!"

— „Посылаю капитана К. с десятком подвод ликвидировать нашу хозяйственную часть на станции Криничной", добавил полковник.

Было самое тяжелое время отхода армии в конце 19-го года. Сейчас, боевая часть батареи находилась около станции Матвеев Курган, а состав хозяйственной части — базы застрял, в числе других эшелонов, на путях узловой станции Криничной. Дезорганизация тыла была полной. Паровозов не хватало. Поездные бригады разбегались. Красная кавалерия и всякие партизанские отряды, вроде махновских, ринулись в пространство даже не прорыва, а просто развалившегося фронта. Где были свои части, а где наступающие красные трудно было выяснить. Батарея походным порядком, усиленными маршами стремилась достигнуть расположения дивизии, одной из немногих сохранившихся групп, сосредоточенной сейчас в районе Ростова.

Теперь было получено известие, что хозяйственная часть застряла сзади, и командир решил послать одного из самых лучших офицеров с небольшим количеством солдат, так как считал, что если и придется их потерять, то всё же

батарея не лишится своей боеспособности. Самообладание, спокойствие и храбрость в самой тяжелой обстановке боев капитана К. придавала некоторый шанс на успех этому предприятию. В только что закончившуюся германскую войну капитан К. служил в Ширванском полку и в совершенно безнадёжный момент сумел спасти и даже вынести с собой знамя полка.

Идя к хате, где помещалась орудийная прислуга, фельдфебель перебирал в уме, кого из солдат лучше всего было бы отправить в экспедицию. Нужно было взять по несколько человек от орудия, чтобы в случае необходимости батарея могла бы действовать. Но кого же послать за старшего? Ну, конечно, Митрофана Б. — он спокойный и храбрый старый доброволец. Еще недоходя до хаты, он почти столкнулся с ним.

— „Митрофан, поедешь ликвидировать базу — застряла на Криничной".

Митрофан, несмотря на продолжительное пребывание в армии и старательное выполнение службы, любил, однако, поворчать. Очевидно, старая гвардия Наполеона отличалась такими же свойствами, почему он и называл их „старыми ворчунами".

— „Куда ты назначаешь? Знаешь же, что, может, никто не вернется назад?" с упрёком спросил он Н., в котором всегда видел сотоварища, а не начальствующее лицо.

Н. знал, что мог бы настоять на своем, но в данном случае он сам вполне соглашался со своим старым приятелем.

— „Я еду сам", решил он: „оставайся на батарее, а особенно присматривай за конями, Митрофан."

Митрофану стало теперь неловко.

— „Слушай, ты сразу обиделся — сам поеду. Согласись, что из за этого бараxла, что у нас на базе, попадать в лапы красным неохота. Пошли Леньку Б., у него вкус к таким предприятиям. Да еще и грабанет что-нибудь для себя при случае".

— „Разговор окончен, Митрофан, я еду, беру с собой," он перечислил по фамилиям солдат, — „ты пройдешь сейчас во второе орудие. Скажи, чтобы все назначенные взяли с собой винтовки и по 60 патронов на человека".

Впереди верхом едут 3 офицера и два конных разведчика, за ними обоз из десяти порожних подвод. Навстречу ветер порывами несет мелкий, колючий снег. На последней подводе, поставив карабин между коленями, рядом с возницей сидит Н.. Пожилой крестьянин с бородой, белой от снега и седины, и молодой доброволец — каждый заняты своими невеселыми думами.

„Скоро ли отпустят по домам подводы?” думает крестьянин: „того и гляди застрелют или зарубают с ними. Наскочут красные: — „Для чого, так тебя и так, борода, белых возил?”

Н. думает о неудачах армии, о том, как близко казалось уже освобождение России, ведь были под Брянском, Камаричами, а теперь всё рухнуло и где и когда остановится откатывающаяся армия?

Долго не высидишь — холодно. Соскакивают с подвод возницы, соскакивают солдаты, пробежав или пройдя некоторое разстояние, похлопав руками себя по бокам, опять влезают на подводы, пряча ноги в сено. Да и верховые слезают, чтобы размять замерзающие ноги, и, пройдя немного, ведя коней в поводу, опять садятся верхом.

Ночью остановка в какой-то деревне. Жители говорят, что уже два дня тому, как проходили какие то отступающие части. О красных ничего не знают:

— „Тилько люди казали, що червона кавалерия гдесь близенько, та то може бути совсим и не Буденый, а Махно”.

— „Не черт, так дьявол”, думают добровольцы: „нечего сказать утешили дядьки”.

Наконец, станция Криничная и эшелон батареи без паровоза, на каких то запасных путях. Быстро идёт погрузка на подводы. Капитан К. приказывает в первую очередь грузить запасные части, панорамы, пружины накатника. В дверях товарного вагона стоит и отбирает нужные части поручик Т., он же артиллерийский техник. Потом грузят сбрую, седла, фураж, обмундирование и, наконец, последними вещи батарейцев, какие то мешки, чемоданы.

Когда всё погружено — начинается обратный путь. Капитан решает вести свой маленький отряд другой дорогой, чтобы скорее догнать батарею, и то оторвались, самое меньшее, на три, четыре дня пути. Батарея выступила в юго-восточном направлении утром, когда подводы пошли на север к Криничной.

В отдалении, в стороне, послышалась какая то стрельба, но скоро смолкла.

„ Только бы не попасть красным со всем этим барахлом”, думает Н.

Довольно симпатичный, бородатый инженер с молодой женой и кучей чемоданов на повозке присоединился к обозу. Командир галлантно принял их под свою опеку. Эти перепуганные обыватели также стремились к Ростову. Обратно груженые подводы шли медленнее.

Ночью пришли в какое-то село. Ставни везде закрыты наглухо, ни одного огонька. Только злобно лают псы. После повторного стука неохотно открываются двери. Испуганные, разстрепанные физиономии крестьян свидетельствуют о сла-

бой радости по случаю незванных гостей. Капитан К. подъехал к Н. и сказал ему, чтобы тот, взяв коня, добрался бы с одним из разведчиков до станции и справился у коменданта, каково общее положение, и сообщил бы, что их отряд остановился в селе на ночлег.

До станции было недалеко и, хотя пронзительный ветер попрежнему нёс в лицо мелкий снег, Н. и разведчик быстро добрались до железнодорожных путей и вдоль них доехали до станции. Здесь было пустынно и кругом не было видно людей. Отдав коня разведчику, Н. вошел в станционное помещение.

Небольшая комната ожидания была совершенно пуста и слабо освещена лампой, висевшей над стойкой буфета. Из комнаты дежурного падала полоска света и слышно было, что работает телеграф. На другой двери была надпись: „Комендант". Подошел — постучал. Ответа не последовало. Толкнул дверь ногой и вошел. На скамье лежал, накрывшись с головой шинелью, какой-то солдат. На следующей двери опять виднелась надпись: „Комендант". Теперь уже на стук. Н. услышал хриплое:

— „Войдите!"

За столом сидел офицер в чине капитана. В комнате было очень тепло от чугунной печки. Офицер был без шинели и фуражки, воротник френча был разстегнут. Войдя, Н. щелкнул каблуками кованных английских ботинок и начал:

— „Г-н Капитан, старший фейерверкер 7-ой легко-гаубичной батареи..."

Офицер пробовал приподняться, но опять тяжело опустился на стул и махнул рукой:

— „Отставить! Вольнопёр — садись", прервал он рапорт добровольца и откинулся назад на спинку стула. Затем приветливо улыбаясь, произнес заплетающимся языком:

— „Выпьем! Где еще вы здесь болтаетесь? Я уже ожидал других гостей и угощение приготовил", он глазам показал на лежавший перед ним на столе револьвер.

Потянулся к трубке полевого телефона и позвонил.

— „Сволочи! Не отвечают", философски и спокойно заметил он и повесил трубку.

— „Командир взвода 7-ой гаубичной батареи спрашивает, можно ли ночевать в селе К. и каково общее положение?" не садясь, одним духом выпалил Н.

— „Положение, брат", наступила некоторая пауза: „г-но!" выразительно и сочно сказал комендант: „Может за нами пришлют дрезину, а может быть и не пришлют. А ночевать всегда и везде можно. Почему нельзя, артиллерист? Садись и выпей стакан!"

Н. видел, что дальнейший разговор не приведет ни к чему.

— „Покорно благодарю, г-н капитан, я должен сейчас же вернуться к взводу. Разрешите идти?" и не ожидая ответа, круто повернувшись, направился к двери.

— „Дурак", услышал он вслед за собой заключительное слово капитана.

— „Ну как?" спросил разведчик.

— „Приказ коменданта, покормив коней, немедленно выступать дальше", решительно сфантазировал Н.

Когда он пришел на квартиру, где поместились офицеры, то еще в полутёмных сенях его встретил высокий капитан О. Всегда выдержанный и подтянутый, он был как-то необычно развязен. От него сильно несло водкой. В дверях без френча стоял другой молодой офицер и по его улыбающемуся, раскрасневшемуся лицу было видно, что за ужином была серьезная выпивка.

— „Ну что комендант?"

— „Приказал, накормив коней, немедленно выступать дальше", не сморгнув, доложил Н.

Ему было видно, что капитан К. в следующей комнате встал с постели и начал одеваться. Вернувшись к подводам, проверил, накормлены ли кони.

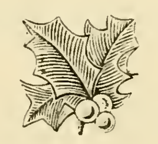
— „Измучилась худоба", жалостливо сказал его пожилой подводчик: „хочь бы с пару часов постоят".

— „Кончайте кормить, через полчаса выступаем".

Опять в степи, по дороге на юго-восток в снежной мятели замаячили усталые люди и кони. Н. шел около последней подводы, закинув карабин за плечо. Он очень любил и уважал капитана К. Никогда не обманывал его, а теперь...

„ На станции всё пьяно. Наши тоже нашли время выпивать. Пусть я сказал ложь. Хуже было бы если бы нас всех захватили большевики... „Не держись устава, яко слепой стены", привел он себе в оправдание изречение Петра Великого. Но всё же было, как-то, не по себе. „Потом сознаюсь командиру", решил он.

Однако не сознался вплоть до сегодняшнего дня...Лучше поздно, чем никогда.



РОЖДЕСТВО 1919 ГОДА.

Метёт позёмка. Степь покрыта снегом и выглядит, как-то, особенно неприятно. Холодный ветер пронизывает. Кони идут уныло. Они стали мохнатыми, обросли длинной шерстью. Ездовые видно не чистили их — не до того, нет времени.

Могучая, пол-года тому назад, армия генерала Деникина откатывается на юг. Идут понуро кони, а около них также мрачно шагают измученные люди. Не слышно разговоров, шуток. Мысль сосредоточена на том, сколько осталось еще до станицы и будет ли там возможность хоть несколько часов поспать в тепле. Фронта фактически нет. Попытка задержать красных казачьей конницей над Донцом закончилась неудачей.

От Матвеева Кургана в направлении на Ростов идем походным порядком. Даже наша дроздовская пехота где-то в другом месте. Отдельные отряды красной конницы бродят уже по степи, перегоняя порой отходящие белые части. Возможность встречи с ними, без нашей пехоты, не может радовать.

Мысли такие же мрачные, как и обстановка вокруг. Вспоминается взятие нами Харькова... Светило ярко июньское солнце. Все в белых платьях. Цветы. Слезы радости встречающих. Еще слышны выстрелы на окраинах, а город неудержимо ликует. Какие то раненые красноармейцы тоже вылезли из госпиталя с сестрами и толпятся на тротуаре в своих больничных халатах.

— „Товарищи?" спрашивает молодой офицер, идущий впереди дроздовской роты.

— „Так точно-товарищи", отвечает громко один из раненых.

— „Здорово, товарищи!" кричит поручик, смеется он сам, дроздовские солдаты в строю, раненые товарищи и толпа.

Мы запыленные, загоревшие, закопченные в пороховом дыму, среди этой ликующей, радостной толпы, бросающей нам цветы.

А Харьков нас встретил цветами.
Алла верды! Алла верды!

врываются в память слова дроздовской песни.

А потом.....

Последний эшелон санитарного поезда с харьковского главного вокзала. Почти тащу на себе раненого Васю. Доктор и сестра не пускают в состав. Но, очевидно, отступают перед решимостью. Вытаскиваю револьвер и говорю, что раненого не оставлю, а застрелю здесь же у двери вагона.

Сестра открывает дверь. Оставляю его там. Дальнейшая судьба Васи была мне неизвестна.

Много позже, заграницей узнал, что где-то под Ростовом их санитарный поезд, с потухшим паровозом, был захвачен красными. Вася лежал уже в это время без сознания в сыпняке...

С вокзала иду опять в город. Город оставлен уже добровольцами. Всё кругом мрачно и пусто. На Сумской улице — ни души. Гулко раздаются шаги моих подкованных сапог. За плечами — винтовка.

На крыльце, освещенном лампочкой, встречает Надя.

— „Сумашедший, идите скорее, храни вас Бог!..."

Медленно кружась, падают снежинки при свете фонаря. Опять гулко отдаются шаги в мертвом, темном городе. Где то на окраинах слышатся одинокие выстрелы...

Теперь Болотов идет около меня по дороге, наполовину занесенной снегом. Он прерывает мои воспоминания. Сквозь порывы ветра долетают его слова:

— „Видел оставленные эшелоны на путях? А эти пьяные горланят песни — сволочи".

Я не отвечаю, знаю о чем он говорит. Когда мы проходили в темноте вдоль путей, то там стоял эшелон базы какого то авиационного отряда. Потухший паровоз. Классные вагоны в огнях, занавески спущены и глухо слышны пьяные голоса: „Пей до дна, пей до дна!" А кругом степь, мятет позёмка — пир во время чумы.

— „Сам бы их порасстреливал", продолжает Болотов: „когда приезжал в Харьков из под Камаричей, видел сколько офицеров околачивается в тылу. По Сумской нельзя было пройти. Сейчас, говорят, Ростов забит людьми, а в ротах все те же, что были в Донецком Бассейне или на Кубани".

Последнее время Болотов какой то озлобленный, да и немудрено — у многих старых добровольцев такое настроение.

Приходим, наконец, в селение Мокрый Чалтырь — армянская деревня верстах в семнадцати северо-западнее Ростова. Здесь наш 3-ий полк. Опять появляется уверенность. Говорят, нас отведут в резерв в Ростов, а сюда придут какие-то другие части.

Завтра — Рождество. Белоусов, от нашего орудия, получил разрешение поехать в Ростов, закупить что-нибудь к празднику. Он, пройдоха, из под земли достанет. Возвращается утром на санках — привозит ящик вина, закусок. Купил, обменял, раздобыл — понять трудно. Первое предположение отпадает, т. к. привезенное значительно превосходит по ценности те деньги, которые ему дали. В подробности не вдается, говорит, что помог „ликвидировать" какой то склад. Разсказывает, что в Ростове, как полагается, т. е.

„в городе всё спокойно, население в панике" (так анекдотически доносил начальству, какой-то расторопный комендант).

С утра возимся с орудиями. Приводим в порядок, смазываем.

К вечеру у нас пир. После несколько рюмок начинаются песни.

— „Вот Митрофан", говорю Болотову: „ты теперь и нас готов будешь разстреливать, как тех офицеров авиоотряда".

— „Нет, это другое дело. Во-первых, праздник, во-вторых — мы здесь со своей дивизией, а тех же большевики, как миленьких, там сцапают".

— „С горя они, Митрофан, запили. Ну, чокнемся еще по одной".

Щоб наша доля нас не цуралась
Щоб краше в свити жилося!

поют наши екатеринославские и харьковские хуторяне.

Входит в хату командир нашего взвода капитан Камлач. Его пригласили на пиршество, но он просил не ждать, а садиться за ужин без него.

— „Откуда вы всё это раздобыли?" кивает он головой на заставленный стол.

— „Белоусов промыслил, г-н капитан".

— „Ну, этот действительно может „промыслить", смеется Камлач.

Белоусов отличается какими то необыкновенными способностями и изобретательностью в смысле достования всяких продуктов. Он даже был психологом. Помню, зашли мы еще в Донецком Бассейне с ним к какой то „титке", хотели напиться молока.

— „Нема, ридные, усе забрали!"

„Титка", как кремень, на „колокольчики" (деньги Добровольческой Армии) даже не смотрит.

— „Кто же забрал — белые или красные?" не угомоняется Белоусов.

— „Да чиж мене ни усе и едно чи билые, чи червоные — солдаты позабирали!"

В это время на улице села оглушительный разрыв большевицкого тяжелого снаряда. Хата вздрагивает. Стёкла дрожат.

— „Видишь, тётка, всё равно убьет, лучше продай нам перед смертью молока", каким то задушевным, сочувственно-проникновенным голосом говорит Белоусов.

— „Бачу, ридные, так и так смерть, уж сидайте, може щось и знайдеться".

На столе появляется „гарнок" с молоком.

— „Как ты можешь так?" спрашиваю Белоусова, выходя из хаты.

— „Да я уже сделал разведку — у ней две дойных коровы".

Оживление и песни, нарушенные моей командой: „Встать! Смирно!" в момент прихода капитана, опять возобновляются. Украинские песни чередуются с залихватскими:

Скачет, несется седьмая батарея,
Пушки на солнце зловеще блестят.

Гаубицы выкрашены в защитный цвет, на конце дула чехол и поэтому блестеть никак не могут, но из песни слова не выкинешь.

Красавица, твоя коса — длиннее шнура боевого,
А черные твои глаза сведут с ума и ездового.

Несмотря на то, что ездовой, согласно песне, оказывается кем-то, кого с ума свести очень трудно, т. к., очевидно, не с чего сводить, но и ездовые с азартом подтягивают.

Празднование затянулось глубоко за полночь.

Спал я на широкой скамье. Просыпаюсь от сильного стука в окно. Старший разведчик верхом. Кричит:

„Батарея выходит на позицию!"

Что за история? Выскакиваем из хаты, по дороге застегивая ремни. Уже влезаем на орудия на ходу. Из деревенских домов выбегает пехота, надевая сумки и бежит строиться к окраине села.

— „Товарищи пожаловали!" говорит разведчик Прокопов, перегоняя верхом орудие.

На окраине села местность поднимается и далеко видна занесенная снегом степь. Снег блестит и сверкает огнями под ярким зимним солцем. Сильный мороз, но ветра нет.

От горизонта к нам, как черная змея, по дороге движется колонна красных. Снимаемся с передков и открываем по ней огонь. После первых же разрывов видно. как их пехота разбегается в цепь по обе стороны. Видны и артиллерийские запряжки также по сторонам дороги. Большая, черная, сплошная колонна конницы идёт на фланг. Всё происходит на глазах, как на какой-то игрушечной панораме.

Около орудия пробегает наша пехота. Очевидно, никто не ожидал такого скорого похода красных. Впереди, сначала редко, потом чаще и чаще начинают стукать ружейные выстрелы. Стреляем и мы — по коннице, по батареям, накрываем шрапнелью пехоту. Видимост очень хорошая.

Большевики стараются флангами охватить селение. К полудню уже весь третий полк принимает участие в бою. Пехотная связь и телефон командира полка недалеко от нашего орудия. Очевидно у красных большой перевес. Подъехав верхом, соскакивает с коня безрукий командир полка полковник Манштейн. Лицо — бледное, перекашивается судорогой. У Манштейна всегда так, когда он взволнован. Долетают до слуха его слова в телефонную трубку:

— „Бросил в бой свой последний резерв — офицерскую роту. Большие потери. Жду подкреплений".

Ружейный обстрел батареи усиливается. На шинели подносят к орудию нашего младшего офицера — поручика Войцеховского. Молодое, красивое лицо бледно. Крови не видно.

— „Несем на санитарную подводу", говорят ездовые.

— „Оставьте, я умираю", последние слова, что я услышал. Он умер через несколько часов. Чувствую сильный удар, как камнем, по правой руке. Боли сначала нет, но перчатка быстро намокает. На снег капает кровь. Совсем, как на зимней охоте на зайцев.

Последний раз дергаю за шнур левой рукой. На мое место становится Болотов. Отхожу к санитарной двуколке — она в нескольких стах шагах при входе в село. На белый снег всё больше падают, сворачиваясь, красные сгустки.

Фельдшер заливает иодом, ловко забинтовывает руку и делает повязку через шею.

— „Скользящее ранение, кость не задета. Можем отправить вас в Ростов. Сейчас будут отвозить раненых".

Мысль о госпитале, чужих людях, нежелание оторваться от своих — от батареи было для меня решающим.

— „Я чувствую себя хорошо, останусь при батареи, буду приходить на перевязки".

Опять иду к орудию. Оно уже снимается с позиции. Вышли все снаряды и нажим красных становится всё сильнее. Батарея идет вниз по широкой деревенской улице.

Около середины села, навстречу нам поднималась стройно шедшая большая колона пехоты. Впереди, немного переваливаясь, шел полковник Туркул. В это время оркестр его полка грянул дроздовский марш:

Из Румынии походом, шел дроздовский славный полк,
Для спасения народа, нес он свой тяжелый долг.

Все мы, остановившись, не ожидая никакой команды, завопили — „ура!" Туркул шел со своим полком на выручку Манштейна. Несколько наших танков, с характерным металлическим тарахтением гусениц, выползали из села навстречу красным.

Через час бой решился в нашу пользу. Красные были отброшены на несколько десятков верст.

А ночью пришел приказ отходить на Ростов. Мы недоумевали: „Почему отходим? И еще после такого удачного боя".

— „Начальство лучше знает", смеясь сказал Болотов.

— „Наш участок занимают какие-то другие части, но что-то не видно этих частей", говорили между собой добровольцы.

Погода начинала портиться. Пошел мокрый снег. Ветер нес его навстречу и на полушубке получалось что-то вроде ледяного панцыря. Рука на перевязи сделалась такой тяжелой, как полено, и ныла. Впереди батареи на маленьких санях ехал командир, полковник Соловьев, с одним из офицеров. Пехота шла за батареей. В конце колонны шел Туркул с первым полком.

Разсветало, когда мы начали приближаться к городу со стороны его предместья Тимерника. Видны были какие-то фабричные корпуса и рабочие посёлки. Ну, наконец, перед нами Ростов.

Навстречу показалась группа всадников, около полусотни.

Когда разстояние между нами было несколько сот шагов, они, не спешиваясь, открыли ружейный огонь по батарее. Командирские сани оказались около орудия. Снялись с передков, сделали два выстрела по всадникам, поскакавшим назад в город.

Подъехал Манштейн. Некоторое время командиры совещались. Одна из подошедших рот разсыпалась в цепь впереди, прикрывая колонну.

Всезнающий разведчик Прокопов подъехал к орудию:

— „Ростова брать не будем. Манштейн не хочет слишком больших потерь в уличном бою. Отходим прямо на станцию Гниловскую".

Повернув под прямым углом в направлении на юго-запад, мы пошли через балки, тянувшиеся в сторону Тимерника. Пехотная цепь, отстреливаясь, также отходила вместе с нами.

„Когда же красные успели занять Ростов?" Этот вопрос задавал себе каждый и почему дивизия, которая вела успешный бой, прикрывая Ростов с северо-запада, не была даже поставлена в известность о положении? Объяснение нужно искать в общем состоянии развала и дезорганизации, которые охватили тылы в это время.

Перед нами глубокая балка. Тормозим колеса. накладываем лямки. Пехота помогает. Но орудия скользят по обледеневшему склону. Скользят и люди. Отпрягаем уноса (две передние пары коней), оставляем только корней (коренная пара, идущая в дышле). Пустые орудийные ящики и три орудия удается спустить по крутому склону. Одно из орудий срывается, опрокидывается, придавливает одного из коренных коней. Ездовой каким то чудом выбирается, успев во время соскочить.

На конце балки, со стороны Тимерника появляются красные разъезды и начинают обстреливать людей, которые возятся около орудия и запряжки. Стараемся поднять орудие, но это оказывается невозможным. Подъежает Прокопов с приказом командира оставить орудие, а людям догонять

батарею. Пехота уже отошла. Стараюсь с Болотовым снять замок. Рука мешает. Наконец удается. Он оттаскивает его и бросает в сугроб. Панораму прячу за пазуху.

— „Теперь айда, чтобы красные нас здесь не залопали".

Вытаскиваю наган из кобуры и кладу в левый карман. Идем с ним вдвоем. Обидно за орудие. Дальше местность ровная, это был последний овраг. Такая неудача.

Красные всадники маячат вдалеке и изредка постреливают.

Около станции Гниловской догоняем батарею. Станция забита эшелонами. Стоят бронепоезда. Но людей не видно. Подъезжает один из наших офицеров.

— „Идем", обращается к нам: „снимать замки с орудий и пулеметов на бронепоездах, команды их оставили и красные обложат нас из этих же орудий как только займут станцию".

Идем к броневым площадкам. Снимаем затворы. В пулеметах даже вставлены ленты с патронами. Всё брошено. Видно у них была здоровая паника. От меня помощь небольшая — одной рукой много не сделаешь. Работаем с Болотовым в три руки.

Окончив, проходим между составами. Цистерны на путях. Подъезжают несколько разведчиков третьего дроздовского полка. Стреляют в цистерны, зажигают тонкую струйку нефти, которая бьет из отверстия. Кричат нам:

— „Артиллеристы, драпайте! Тут большой огнесклад и эшелоны со снарядами. Сейчас начнут рваться! Приказ взорвать!"

Идем дальше к станции. По бокам товарные поезда.

Дверь одной из теплушек приоткрывается, высовывается голова. Бледное, землистое лицо. Спрашивает:

— „Скоро ли отойдет эшелон?"

Подхожу. На полу в вагоне на соломе лежат люди.

— „Что вы тут делаете?"

— „Да мы тифозные, весь состав".

— „Можете ходить?"

— „Не все. Некоторые без памяти".

— „Кто может ходить, вылезайте из вагонов. Идите, ползите в сторону станицы. Эшелон ваш никуда не пойдет".

— „Идем!" торопит Болотов.

— „Господи! да ведь они сгорят тут все".

— „Их тут много эшелонов и санитарных поездов. Очевидно, пути забиты перед Ростовом. Идём! Всё равно не поможешь, только сами попадем красным в лапы".

Он прав. Вслед за ним спускаюсь к Дону. Догоняем батарею на льду — на реке. Идем в колонне. На Гниловской не слышно еще, чтобы рвались снаряды. Наши, оставляя Ростов, взорвали мосты и пустили по реке ледокол. Хорошо, что мороз опять сковал реку. Но лед в этом месте тонкий.

Пехота переходит легко. Запряжки переводим одну за другой. Ящики и орудия тянем на лямках.

— „Вот еще недоставало, как дурак, с орудием под лед пойдешь!" ворчит Болотов, а сам тянет за лямку.

Лед ходит, как на пружинах. Переходим благополучно опасное место.

Сзади слышен сильный взрыв. Лед на реке содрогается. За одним взрывом следует другой, третий. Столбы черного дыма поднимаются над станицей. Гниловская горит. Слышны разрывы рвущихся снарядов. Высоко в воздух летят какие-то обломки.

Около камышей несколько саней. Наши командиры полков, с ними полковник Соловьев. Нахмурившись смотрит Туркул на горящую Гниловскую.

Вечереет и красное зарево далеко бросает свой зловещий отблеск на замерзшую реку и лица людей.

— „Вот тебе и елка на Рождество", говорит Болотов.

Действительно, ведь это третий день Рождества.

— „А наши раненые и тифозные там!"

— „Скажи, слава Богу, что и ты не там и не эвакуировался в Ростов, как тебе предлагали".

Над Доном разгорается кроваво-красное зарево.

●

БУДЕНОВЕЦ ЧУГУНОВ.

Стоял суровый январь 1920 года.

Над южным берегом замерзшего Дона возвышаются земляные валы. Это остатки старой турецкой крепости Азова. Здесь было знаменитое „Азовское сидение" казаков. Видели эти валы и войско Великого Петра.

Сейчас старые валы крепости опять служили защитникам. Только уже на разных берегах Дона стояли теперь, охваченные безумной враждой, русские люди. Дроздовская дивизия белых занимала Азов, правее к Батайску стояли корниловцы. На другом берегу широкого, замерзшего Дона, в станицах Обуховской и Елизаветинской, расположились части первой конной армии Буденного с приданными ей пехотными полками.

Уже несколько раз штурмовал Буденный Азов и каждый раз на льду, посреди безбрежного, снежного поля оставались лежать, многочисленными черными пятнами, убитые красноармейцы — участники неудавшихся атак.

К концу января начались мятели. В снежную вьюгу готовились к вылазке защитники старой крепости. С вечера натирали лицо и руки гусиным салом. Чтобы отличить своих от врагов, на рукава надевали белые повязки. Да и повязки

то были плохо видны, когда человека можно было различить только в нескольких шагах.

Ночью, в непроглядную пургу, сняв без выстрелов часовых и дозоры, ворвались в Обуховскую. Штаб красного полка бел захвачен врасплох. Орудия стояли без запряжек. К солдатам третьего дроздовского полка, возившимся около взятых орудий, подскакал, посланный для связи конный буденовец и кричал им в мятели, что „белые уже в станице". Оглушив прикладом его без выстрела, просто стянули с коня.

К утру мятель стихла.

Командир батареи, стоявшей в Азове, условившись с командиром 3-го полка, безруким полковником Манштейном, послал фельдфебеля боевой части батареи — добровольца из вольноопределяющихся отобрать несколько пленных красных артиллеристов для пополнения.

Командир написал требование на десять человек пленных по выбору посланного для пополнения батареи и приложил печать. Фельдфебель направился в штаб 3-его полка, где требование скрепили печатью полка.

При выезде из станицы Обуховской артиллерист встретил пехотного капитана, который, с несколькими солдатами, вел группу пленных в штаб полка для опроса и, поскольку они не были ни коммунистами и ни комиссарами, для пополнения поредевших рот славного третьего Дроздовского полка.

Капитан оказался очень сговорчивым и предложил сразу же отобрать людей. Обратившись к пленным, на лицах которых можно было прочесть и ужас пережитой ночи, и ожидание, по их понятиям, неизбежного конца, фельдфебель предложил артиллеристам отойти в сторону. Отбирая людей, каждому смотрел в глаза, переписал фамилии и спросил, кто откуда.

В числе пленных был один в длиннополой шинели, с буденовкой на голове. Подошел пехотный поручик и заявил, что буденовца надо расстрелять, потому что „там в конной армии все они добровольцы". Артиллеристу стоило большого труда отстоять уже отобранного человека. На обороте требования он написал расписку в получении десяти пленных и передал ее капитану. Построив свою маленькую команду, строем повел их к Азову.

По дороге, навстречу им, показалась группа всадников. Впереди, на некотором расстоянии, ехал командир 3-его полка полковник Манштейн, гроза красных, которого они прозвали „безруким чертом". Артиллерист скомандовал своей растерявшейся и перепуганной братии:

— „Смирно! Равнение на право!"

Манштейн остановил коня. Он хорошо помнил в лицо этого высокого артиллериста, еще как наводчика орудия в 7-ой батарее.

— „Вольноопределяющийся, что это за банду вы ведете?"

— „Господин полковник, веду пленных для пополнения 7-ой гаубичной батареи, полученных согласно Вашему распоряжению".

Взгляд Манштейна остановился на коренастой, широкоплечей фигуре в будёновке.

— „А этот, что за сукин сын?" и единственная рука полковника, бросив повод, потянулась к маузеру, всегда висевшему у него на боку.

— „Я за них всех отвечаю, г-н полковник", и, сделав несколько шагов к командиру, опять стал на вытяжку: „Он мой земляк-владимирский, г-н полковник".

Безрукий командир полка пристально посмотрел в глаза фельдфебеля. Был ли он в хорошем расположении духа в это морозное утро из за одержанного успеха, или что-то прочел в глазах подчиненного, но только нервная судорога передернула его бледное лицо, а рука взяла брошенный повод.

— „Вы смотрите! отвечаете мне за них всех головой!"

И он круто повернул коня и вместе с подъехавшими офицерами и разведчиками поскакал к Обуховской, как всегда, слегка боком, приподнимая плечо здоровой руки.

Первое, что сделал фельдфебель, приведя свою команду в Азов, это, достав папаху, подошел к буденовцу и со словами: „Выбрось к черту свою спринцовку, а то тебя, правда, кто-нибудь пристрелит", надел на него папаху.

К вечеру на шинелях пленных уже были вшиты дроздовские погоны. Так буденовец Чугунов сделался солдатом 7-ой легко-гаубичной батареи Дроздовской Артиллерийской Бригады. Он еще долго не доверял тому, что его оставят в покое. Через несколько дней, подойдя к фельдфебелю, он выражал свое опасение, что пехота его всё же разстреляет. Но скоро эта боязнь прошла. Батарея жила своей жизнью. Были потери, убитые, раненые, но еще больше косил сыпняк. Чугунова, как служившего в артиллерии всю германскую войну, зачислили номером к орудию.

Подтянув резервы, Буденный перешел в наступление. Почти до самых валов старой крепости докатились красные цепи. Огонь пулеметов, шрапнель на картечь были ответом защитников. Опять, заколебавшись, оставляя на льду убитых и раненых, отхлынули атакующие.

Начало теплеть. Новый командующий советскими войсками, талантливый Тухачевский, сменил незадачливого Клима Ворошилова. Обозначился прорыв на правом фланге, под станцией Ольгинской. По Кубани, в сторону Новороссийска, начали отходить белые части. Первый добровольческий корпус генерала Кутепова прикрывал отход. В арьергарде корпуса шла Дроздовская дивизия. Дивизию прикрывал 3-ий полк

с приданной ему артиллерией. Красные шли непосредственно за отступавшим полком. Временами ввязывались в бой. Часто шли паралельными дорогами на виду отходивших белых частей. Добровольцам приходилось вести бой или выбивать из станиц, уже заскочившие туда, конные разъезды.

Сперва еще мороз держал. Потом потеплело. Темной полосой, среди, местами покрытых снегом, полей тянулась размешанная отступающими частями и обозами дорога. Глубок кубанский чернозём. По дороге видны были павшие кони, застрявшие повозки, двуколки и брошенный фураж.

К вечеру одного из этих унылых, похожих один на другой, дней завязалась перестрелка с наседавшими красными. Справа и слева лежали непроходимые плавни и бой шел на узкой косе. Орудия отходили уступами. Одно стреляло, другое бралось в передки и отходило. Со стороны красных строчили пулеметы и велся редкий винтовочный обстрел. Пехотное прикрытие батареи отошло. Фельдфебель уже несколько дней как заменял заболевшего тифом наводчика. Орудие стреляло прямой наводкой. Конный разведчик, присланный командиром батареи, приказал сниматься. Подбодряемые свистом пуль, кони дружно взяли и повезли увязающее в грязи орудие. Номера, почти бегом, устремились по дороге обочиной. Через несколько сот шагов дорога спускалась вниз за холм. Там пули красных могли идти только высоко над головами.

Фельдфебель хотел снять панараму с ехавшего орудия. Ноги завязли в липкой грязи, которая захватив, как клещами, замедляла его движения. Он оказался между колесом передка и орудия. Сделал отчаянное усилие, поскользнулся и упал лицом вниз на дорогу. Прежде чем ездовые заметили, орудие переехало ему обе ноги. „Глупый конец", мелькнула мысль.

— „Наводчик убит!" как сквозь сон услышал он издалека.

Делал усилия приподняться, но руки только глубже погружались в густое месиво, ног же своих он уже не чувствовал.

— „Где, где фельдфебель?" услышал он крики опять где-то близко.

Через несколько минут две сильные руки немного приподняли его. Наклонившись над ним, стоял Чугунов:

— „Можете стоять?"

— „Не могу — ноги!"

Не говоря ни слова, широкоплечий буденовец взвалил фельдфебеля себе на спину. Винтовочный обстрел сзади опять усилился. Увязая в грязи со своей тяжелой ношей, Чугунов скоро догнал остановившееся за холмом орудие и свалил фельдфебеля на лафет. Батарея продолжала отход.

На север, навстречу красным, с протяжным криком высоко летели из плавней косяки гусей.

СТАНИЦЫ КУБАНСКИЕ.

Неприветливо провожала Кубань Добровольческую Армию, отходившую в неизвестность в начале 1920 года. Что же так повлияло на перемену отношения кубанцев к делу, за которое они сами боролись плечо к плечу с добровольцами почти два года? Была это усталость от войны, какую-то роль сыграла агитация самостийников, с которыми так резко расправился ген. Петровский, не последнее значение имели непорядки добровольческого тыла, но главное, по моему заключалось в боязни, продиктованной чувством самосохранения, боязни, которая охватила население, остающееся на территории занимаемой большевиками. Опасались попасть на заметку местным большевикам, высказывая симпатии к белым, и подвергнуться жестокой расправе победителей.

Часть кубанцев, верных своим знаменам и командирам, отходила вместе с Добровольческой Армией.

Откатывающаяся армия и волны беженцев саранчой прошли по богатому краю и, когда отходившие в порядке части Дроздовской Дивизии, под командой генерала Витковского, входили в станицы, прикрывая отход армии, то уже нельзя было ни получить, ни купить провианта. Если, что и имелось, то было спрятано, — нужно было для себя или для встречи победителей, приход которых также никого не радовал.

А людей батереи как-то кормить надо. Надо раздобыть провиант, „не раздражая местного населения", как определенно и безаппеляционно приказал фельдфебелю боевой части командир батареи. Наши фуражиры возвращались с пустыми руками, ругая кубанцев на чем свет стоит.

— „Проклятые куркули, вот придет Буденный и покажет им кузькину мать!"

Но от этих словоизлияний котел ничем не наполнялся и оставался пуст.

Фельфебель помещался в просторной хате. Сейчас он сидел на скамье под образами. Рядом на скамье лежала высокая рыжая папаха. Размышления были невеселые. Ему пришлось слышать разговоры добровольцев:

— „Наверно, интендантство давно уже погрузилось на пароходы, а мы здесь, защищая „родную Кубань", видно сдохнем от голода".

— „Разговорчики!" оборвал он говорившего, но в душе сам не мог с ним не согласиться.

В хату вошел дежурный, сухопарый юнкер Ленька Белоусов.

— „Что задумался? Где жратву раздобыть?"

Небольшие, карие глаза юнкера смеялись, смотря на фельдфебеля.

— „Иди к черту", мрачно сказал тот вошедшему. Оба были старыми доборовольцами и приятелями, вместе воевали уже два года.

— „Грабиловку разводить нельзя, приказ командира слышал, а в котле варим „шрапнель" (так солдаты называли перловую крупу), а вас бугаев разве ей накормишь?"

— „Вот я к тебе по этому самому делу и пришел потолковать. Выйдем из хаты, а то тут это „местное население", которое обижать нельзя, кругом лазит".

— „Отстань!" упрямо повторил фельфебель.

— „Выйдем, поговорим, имею блестящий проект", продолжал настойчиво юнкер.

Зная „гениальность" Белоусова по части раздобывания провианта и находясь перед неразрешимой задачей, фельдфебель надел, молча, шинель, пояс с кобурой револьвера, папаху, которой он сразу достал до потолка, и, низко нагибаясь у притолки, вышел вслед за юнкером.

День был солнечный. Снег уже совсем сошел и по середине улицы была черная сочная грязь, если не по колена, то, во всяком случае по щиколодку. Две громадных свиньи, с негромким похрюкиваньем, переходили медленно с одной стороны улицы на другую. Дойдя до большой лужи, они погрузились, почти целиком, в жидкое месиво и одна из них улеглась, получая, очевидно, полное наслаждение.

— „Идем в парк" (место, где стоят орудия), предложил Белоусов.

Вдоль плетней были проложены местами бревна, местами доски, а кое где настланы мостки. Балансируя по погружавшимся в грязную воду бревнам, они шли один за другим.

— „Видишь", продолжал юнкер: „перед тобой задача: точно выполнить приказание начальства и наполнить едой котел. Знаешь какой приказ отдан дежурным и дневальным по коновязи и парку? Стрелять ночью после предупреждения в каждого, кто приблизится к коням или орудиям. У легкой батареи увели пять коней. Опасаются саботажа и подосланных большевиками людей. Да и эти „зеленые" (отряды пополнявшиеся дезертирами белой и красной армии, нападавшими, как на тех, так и на других) пошаливают".

— „Знаю это".

— „Ты фельдфебель боевой части, хоть и не командир батареи и не старший офицер, но всё же начальство. Прикажи дневальным, если какой нибудь кабан приблизится к орудиям или коновязи, чтобы солдат его три раза окликнул. Свинтус, конечно, и ухом не поведет, тогда пусть стреляет ему прямо за ухо. Покойника мы мигом отправим в котел. Приказание начальства будет выполнено точно — охрана парка и коновязи на высоте, а вопрос с апровизаци-

ей наладится. Если будут утром жалобы, объясним безтолковостью дневального, а „местному населению" заплатим сколько они потребуют, ведь так они не хотят принимать денег".

Фельдфебель несколько колебался. Но потом решил идти на компромисс:

— „Ладно, вали, только смотри, чтобы кабанов больше, чем нужно, не накрошили. Одного в котел, другого с собой и баста. И больше чтобы кабанов не окликали!"

— „Слушаюсь!" вытянулся с подчеркнутым усердием Белоусов.

На другой день с утра кухня дымила и батарейцы ели обильный обед. Второй кабан лежал осмоленный, прикрытый соломой на подводе. Хозяева свиней вообще не появлялись и никаких жалоб не поступало. В станичное управление артельщик отнес деньги, но там никого не нашел кроме сторожа. Оставил ему деньги и написал записку следующего содержания: „За двух кабанов, ворвавшихся ночью в расположение батареи и убитых дневальными, рублей столько-то".

Командир нахмурил брови, когда ему принесли пробу и спросил откуда мясо. Дежурный доложил, что ночью дневальный, выполняя приказ, чтобы никто не приближался к парку, по ошибке застрелил кабана, а что деньги уже отнесены в станичное управление.

Случай с кабанами, угрожавшими в лунную ночь безопасности дроздовской батареи, был исчерпан. Но впереди предстоял еще инциндент.

На следующий день было назначено выступление дальше. При выходе из станицы начальство решило устроить смотр отдохнувшим частям. Группа начальства расположилась на холмике. Дорога тут за станицей уже просохла. Выделялась на холме фигура полковника Туркула. Был, кажется и начальник штаба дивизии. Пехота, рота за ротой, проходила мимо холма, с которого слышались приветствия начальства. Следовала пауза и дружно „печатая", под левую ногу отвечала проходившая рота.

Командир батареи — полковник Соловьев отличался всегда тем, что умел, как говорили — „показать товар лицом". На всякого рода смотрах он, действительно, был артистом. Не доезжая до начальства, он остановил батарею так, чтобы получился интервал с пехотой. Когда пространство, отделявшее нас от пехоты было значительно, то выехав на своем вороном англо-кабардинце вперед, он обнажил шашку и подал команду:

— „Рысью марш!"

Не доезжая до кургана, перешел в короткий галоп, грациозным движением вскинул шашку и отчетливо и резко

скомандовал:

— „Батарея смирно! Равнение на право!“ и опустил клинок.

Люди замерли на передках орудий и ящиков, головы повернулись в сторону группы начальства.

— „Здорово молодцы артиллеристы!“ поздоровался Туркул зычным голосом.

Наступила пауза. Слышен был только топот коней и шум идущей батареи. Теперь одним выдыхом должно было последовать отчетливо и дружно:

— „Здравия желаем, г-н полковник!“

Но вдруг высокие ноты поросячьего визга неожиданно резко ворвались и нарушили торжественность минуты. Визг возростал и переплетался с нестройным ответом батареи. Когда ответ уже замолк, визг, все более и более захлебываясь, дрожал в воздухе и доносился до кургана с начальством.

Командир батареи поскакал к холму. Его встретил смех.

Фельфебель, ехавший верхом сзади батареи, дал шпоры коню и поровнялся с третьим орудием.

— „Черти!“ прошипел он.

— „Приблудился, г-н фельфебель“, извиняющимся голосом проговорил один из номеров.

В это время командир тоже уже подъехал к ним.

— „Что это за безобразие опять в третьем орудии?“ сурово обратился он к фельдфебелю.

— „Поросенок в мешке у них оказался, г-н полковник“.

— „Без вас знаю, что поросенок. Три наряда вне очереди виновному и чтобы это было в последний раз!“ он погрозил в сторону злополучного орудия и поехал в голову батареи.

— „Хоть бы придушили его“, ворчал фельдфебель.

— „Да не успели“, объяснял один из номеров: „приблудился, когда из станицы выходили. Мы его в мешок, чтобы под запряжками не путался. Сначала молчал. А, как перешли в карьер, его растрясло и подал голос, как раз, как начальство поздоровалось“.

— „На всю дивизию осрамили! Шляпы!“ в сердцах проговорил фельдфебель, отъезжая от орудия.

Этот случай произошел в одной из станиц: Брюховецкой, Полтавской или Новостеблиевской, но в какой, именно, автор не помнит, т. к. записей и дневника не вел. Было это по пути от Азова к станице Крымской, при отходе Дроздовской Дивизии в арьергарде Первого Добровольческого Корпуса, в феврале-марте 1920 года.

●

НОВОРОССИЙСКИЙ РАЗГРОМ.

Выступив из станицы Крымской, наша батарея, приданная 3-ему Дроздовскому полку полковника Манштейна, шла в колонне пехоты по направлению к станице Неберджайской. Шли мы в арьергарде дивизии и задачей нашей было прикрывать посадку на суда 1-го Добровольческого Корпуса генерала Кутепова, который с Марковцами уже находился в Новороссийске.

Это были те мрачные дни марта двадцатого года, когда неудачи на фронте уже отражались сильно на духе армии. Рос антагонизм между добровольческими частями и казачьими. Ползли слухи, что генерал Антон Иванович Деникин сложил с себя командование Вооруженными Силами Юга России, что, якобы, отдан приказ о том, что желающие могут оставить ряды армии. Случаи дезертирства участились.

Я не могу дать точную картину арьергардных боев, так как обстановка была неясна для меня, но не вполне уверен, что она была ясна и для нашего ближайшего командования.

По дороге запомнились мне отходившие конные казачьи части, которые мы пропускали вперед. Кавказцы в длинных, черных бурках. Калмыки целыми семьями. На кибитках, запряженных верблюдами, женщины с яркими монистами на шее, с детьми и со скарбом. Всё это поспешно уходило в горы, напоминая переселение кочевых народов во времена монгольских нашествий на Русь. А вслед за нами уже наседали разъезды первой конной армии Буденного.

Дорога начинала постепенно подниматься; еще невысокие, поросшие лесом и густым кустарником горы, повышаясь, тянулись в направлении высоких голубых вершин, видневшихся на горизонте, на юге.

Неожиданно из леса с соседней горы начался винтовочный обстрел. Говорили, что это были зеленые. Зеленые или красные — разобрать тогда было довольно трудно. Снялись с передков. Окатили несколькими орудийными очередями поросшие кустарниками холмы, откуда шла стрельба, немного успокоили нападавших и пошли дальше.

Под Неберджайском началось уже настоящее сражение. Тут бой шел с регулярными красными войсками, снабженными артиллерией. Наша пехота перешла в контр-наступление.

Мы меняли прицел, уменьшали трубку шрапнели, в общем все, как полагается, ничем не отличалось от обычного боя. Снаряды были на исходе. О пополнении их тут не могло быть и речи. Справа, где-то впереди, по направлению к Новороссийску, глухо ухали орудия. Предполагали, что

это наши отходящие бронепоезда ведут бой под станцией Тоннельной.

Вдруг произошло что-то совершенно неожиданное. От командира батареи прискакал разведчик с приказом немедленно отвести батарею, сбросить орудия и ящики в пропасть и спасать людей, посадив номеров на уносных коней, через горный перевал прямо на Новороссийск. В дальнейшем выяснилось, что корниловцами оставлена Тоннельная и мы стояли перед неизбежным окружением.

Было похоже на какой-то кошмар. Осколком снаряда красных, уже отходивших под нашим контр-ударом, был тяжело ранен младший офицер второго взвода штабс-капитан Поздняк. Это был очень милый, мало воинственный человек, лесничий по образованию, родом из Глухова. Осколком ему сорвало нижнюю половину лица. Повязка сейчас же намокла кровью. Было проблематично, что он мог быть живым довезен до Новороссийска. Раненый уже не мог говорить и жестами просил его застрелить. Командир приказал это сделать. Из своих батарейцев ни у кого не хватало духу, все мялись. Мне не к месту вспомнилась фотография его маленькой дочурки, которую он мне накануне покозал. Подошел пехотный офицер и дострелил его в голову сзади.

Дальше помню всё довольно смутно. Грохот столкнутых в пропасть орудий и ящиков, невнятное мычание раненонго Поздняка — все как-то слилось в памяти. Сидя на коне и обернувшись к ехавшему рядом Прокопову, я спросил:

— „А что же наша пехота?"

— „Уйдут в горы — кто сможет, да и нам придется туда же".

Потом скачка по каменистой, вьющейся дороге. Наши артиллеристы вперемежку с какими-то частями горцев в бурках. В некоторых местах дорога съуживалась до тропы, где трем коням нельзя было пройти рядом. Справа обрыв. Не слышно даже звука падающих туда из под копыт камней. Помню, что попредержал своего „Вороного", протиснулся ближе к отвесной скале, стеной поднимавшейся слева. И делал это, не думая, как-то инстинктивно. А общий поток все время безостановочно шел дальше.

Ночной двухчасовой привал около костра вместе с какими-то мрачными горцами, перекидывающимися между собой на своем гортанном наречии. Снова в горы, всё выше и выше, в белесоватой мгле густого тумана-облаков. Потом начался спуск.

Белая пелена тумана разорвалась и далеко внизу — залитое ярким солнцем, сверкающее синее море. Маленькие полоски молов и словно игрушечный корабль около одного из них. Почти отвесно под нами пламя пожара и

дым — горели новороссийские склады в порту. Долгий спуск. Около порта какая-то конница — очевидно, кубанцы. Идут в сравнительном порядке. Не направляются в порт, а всё дальше на юг вдоль берега. В порту вижу нашего разведчика. Кричит:

— „Наши грузятся!"

Через головы с шумом летят тяжелые снаряды. Стреляют с моря. Направляюсь к молам. Это не так просто. Тысячи разседланных и оседланных коней толкутся и бродят у пристани во всех направлениях. Пробиваюсь с конем через всю эту массу. Колючая проволока, пулемет и пехотный караул — кажется, корниловцы.

С конем дальше нельзя — не пускают. Слезаю, поднимаю седло, треплю на прощание Вороного. Сзади напирают всадники. Тащу седло. Опять застава. Какой-то пехотный офицер с повязкой на голове кричит:

— „Дроздовец, бросай седло, клади сюда!"

Вижу, лежит уже куча седел. Бросаю на кучу. Теперь потеряно всё: орудие, конь, седло, остался только „наган".

Боковой мол. Сплошная толпа. Малиновые фуражки — наши дрозды. Транспорт кажется теперь громадным. Это — „Екатеринодар", Российского Добровольного Флота, сверху казался он таким маленьким. Сажени на две-три возвышается борт над уровнем мола. Транспорт тихо покачивается, и темная полоса воды между ним и молом то увеличивается, то уменьшается. На сходни не пропускают. Около них толпа. Продираюсь по молу дальше и смотрю на палубу.

— „Гляди! Наш фейерверкер здесь", слышу голос почти над головой. Вижу трех ребят нашей батареи, лежащих на крыше автомобиля, стоящего над самым бортом на палубе. Когда корабль наклоняется к молу, они оказываются, буквально, над моей головой. Привязали себя к канатам.

— „У нас тут есть лямки, мы тебя сейчас втащим", кричит Болотов.

Через минуту конец лямки у меня в руках. Пропускаю всю руку в кожаную петлю лямки:

— „Тяни ребята!"

Еще две-три минуты висения и качания между молом и бортом транспорта и шесть сильных рук втаскивают меня на брезентовую крышу автомобиля.

— „Ради Бога! Не ворочайтесь там!" слышу женский голос из грузовика: „крышу провалите!"

— „Не беспокойтесь, сестра", наклонившись, не без галантности, говорит Болотов: „мы сейчас и его привяжем к канатам и не будем шевелиться".

— „Видишь, там тяжело раненые и с ними сестра — беспокоится, что мы раздавим крышу".

Прикрепляю себя к канату так, чтобы всем весом не давить на брезентную крышу.

На молу сцены из Дантова ада. Люди безумеют и рвутся к сходням. Руки сжимают винтовки. В это время к сходням направляются с носилками — несут раненых.

На мостике командир первого полка полковник Туркул. Что-то кричит, но не слышно. Сходит с мостика, проталкивается к сходням, с ним несколько офицеров первого полка. На палубе, где не было упасть яблоку, образовывается както место для прохода. Узнаю медное лицо Петерса, вижу и нашего командира батареи без фуражки. Туркул на сходнях. Спускается на берег. Отстегивает свой маузер и сmаху бьет деревянной кобурой по голове какого-то совершенно обезумевшего пехотного офицера, который лезет на сходни. Отдельные „французские" выражения Туркула достигают нашего слуха.

— „Ишь ты, как загибает!" одобрительно замечает лежащий рядом со мной солдат.

После того как Туркул и группа командиров сошла на мол, там водворилось спокойствие. Санитары по сходням вносят раненых. Погрузка продолжается в порядке. Мол понемногу пустеет. Туркул с офицерами возвращается на транспорт.

Транспорт отшвартовывается. Всё также равномерно, через определенные промежутки времени, шумят над головой снаряды английского дредноута „Император Индии". Доносится звук разрыва где-то в горах, а потом с другой стороны долетают звуки выстрелов с дредноута.

— „В кого он стреляте?" философствует Болотов: „ведь ни черта наверно не видит!"

— „Дух нам поддерживает", объясняет солдат, лежащий около меня.

— „Какой там дух — орудия потеряли, коней потеряли. а где наш третий полк?" печально говорит другой.

Начинают гудеть машины — транспорт набирает скорость.

В это время, совершенно неожиданно, духовой оркестр первого полка грянул на палубе „Над волнами".

— „Видишь, полковник Туркул свое дело понимает! Значит, чтобы ребята, которые живые, не печаловались", решил первый солдат.

И невольная улыбка появилась тогда на многих задымленных и запыленных лицах измученных и близких к отчаянию людей.

●

МОЛОКО

Немного придя в себя после Новороссийского разгрома и подлечивши ноги в госпитале в Феодосии, я нагнал свою батарею в конце апреля двадцатого года на Перекопе. Здесь мы сменили слащевские части.

На перепопском валу расположилась марковская пехота, вынеся перед валом заграждения из колючей проволоки. Большевики занимали Перво-Константиновку и ряд возвышенностей на запад. Свои позиции они также опутали проволокой, очевидно, готовясь взять нас измором. Большой активности не проявляли. Несколько раз щупали позиции небольшими силами, а обычно ограничивались вялым артиллерийским обстрелом. Наши легкие гаубицы стояли на закрытых позициях за валом. Постреливали редко. Тут же, недалеко от орудий, была устроена коновязь и вырыты землянки, в которых помещалась прислуга орудий. Дроздовская пехота находилась в тылу и после дессанта под Хорлами, ей дали отдохнуть и пополниться. При отходе на Кавказ, под Новороссийском, в районе станицы Неберджайской, особенно тяжелые потери понес Третий Дроздовский полк, с которым мы обычно действовали. Первый полк понес потери во время десанта под Хорлами.

Наступило сравнительное затишье. Что было мучительно — это недостаток еды. Особенно надоела всем камса — маленькая рыбешка, которую привозили бочками. На поверхности рассола, в котором она находилась, плавали жирные круги, очень напоминавшие пятна нефти на воде, не только по виду, но и по вкусу. Вкус этой камсы был отвратительный. Камсу выдавали к завтраку — к чаю, в обед из нее готовили тошнотворный, соленый суп, а вечером ее же выдавали на ужин. Отсутствие витаминов — овощей сказывалось на зубах. Зубы начинали шататься, из десен шла кровь — очевидно начиналась цынга.

Стыдно признаться, но праздником для батареи было, когда большевицким снарядом убило у нас лошадь. Куски конины поджаривались на костре, варился мясной суп. И, если бы разрывом того же снаряда не был убит и ездовой Максим Бессонов, то можно было подумать, что на батарее какое-то торжество. Максим или, как его все звали, Моська, — молодой, славный парень из хуторян Екатеринославской губернии. Убит он был осколком наповал.

Помню пасмурный день, когда мы стояли перед его гробом, сколоченным из ящиков и поставленным на два стула. Каждый, смотря на его спокойное, заострившееся лицо, задавал себе вопрос: не счастливее ли он теперь всех нас оставшихся?

Служил панихиду священник Марковского полка. Во

время отпевания начал накрапывать мелкий дождик. Откуда то взялась маленькая, белая собаченка. Прикармливал ли ее Бессонов при жизни или просто пряталась от дождя, но она все время подлезала под гроб, а солдат с кадилом, певший за дьячка, никак не мог изгнать ее оттуда. Собачку выгоняли, она забегала с другой стороны. Батарея стояла смирно и, чтобы не нарушать торжественности отпевания, пса оставили в покое и до конца службы он так и сидел под гробом.

Мне пришлось вести взвод с гробом, поставленным на лафет, на кладбище около Армянска. В памяти осталась кладбищенская ограда из белого камня, комки красной липкой глины, падавшей на крышку гроба. Отдали прощальный залп. Когда выходили из ограды, шла какая то рота пехоты с занятий. Молодые голоса стройно пели добровольческую песню:

Мы смело в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую.

Вернулись на батарею, и опять потянулась та же привычная жизнь, нарушаемая редкими тревогами.

Лошадь была съедена. Через неделю низким разрывом красной шрапнели был убит мул. Мулов мы получили от англичан и называли их „единственными верными союзниками". Действительно, таковыми мулы и были. Даже смертельно раненый мул везет еще орудие или двуколку и потом уже падает мертвым. Но достоинства мула, как упряжного животного, совершенно не относятся к качеству его мяса. Мясо оказалось чем то вроде подошвы и с шатающими зубами его нельзя было жевать.

Раздобыть какой бы то ни было провиант в нашем тылу — Армянске или Юшуни не было никакой возможности. Везде стояли войска. Все было выедено до-чиста. Оставалось пространство впереди наших пехотных линий до линии большевицкой проволоки. Там были хутора. Но бои, которые шли зимой и ранней весной, разорили и эту местность.

Однако, наши солдаты разузнали, что некоторые хуторяне ушли в землю, соорудили землянки срези развалин, и тут, на ничьей земле, имеют даже под землей коров. К деньгам они совершенно безразличны, ни „колокольчики" добровольческой армии, ни „керенки", которые печатались большевиками, их не интересуют, но за вещи они охотно дадут молока. У меня в вещевом мешке оказалось несколько пачек катушек английских ниток, которые я положил туда на всякий случай в новороссийском порту, подняв их из разбитого ящика, около одного из горевших военных складов. На совещании с приятелями, эти катушки были признаны валютой очень большой ценности. Получить разреше-

ние начальства на такого рода экспедицию было дело безнадежное. Нужно было действовать на свой страх и риск. Опасность была, как со стороны своей пехоты, которая могла принять меня за перебежчика к красным и пустить пулю или очередь в догонку, так и со стороны красных. Не исключалась встреча на хуторах и с красными разведчиками.

Овешавшись флягами, взяв винтовку и две ручных гранаты, на всякий случай, еще на рассвете, в тумане, я прошел наши пехотные линии. Поднял ежа, которым был закрыт проход в заграждениях и без всяких приключений, очевидно, из-за тумана, добрался до землянок, в которых жили хуторяне.

Первым моим вопросом было — нет ли на хуторах красных. Мне сказали, что последние дни их не видно, т. к. когда они пытались приближаться, то начинался сильный обстрел из пулеметов со стороны вала. Я начал свое коммерческое преприятие. На предложение денег только отмахнулись, но катушками заинтересовались. Пожилая хозяйка оказалась приветливой и заявила:

— „Как ты живой до нас добрался, то уж порожняком назад не пойдешь. Иш, что выдумали — одни белые, другие красные, только народ переводят!"

На сстоле появился свежий черный хлеб и молоко. Корку я есть не мог, приходилось жевать больше языком, чем зубами. С наслаждением поел и наполнил фляги молоком. Хозяевам отдал катушки.

Удовольствие портила только мысль о том, как меня встетит наша пехота при возвращении. Ждать темноты не хотелось, т. к. мог понадобиться на батарее. Хозяева точно объяснили где нужно проскакивать быстрее, где лучше проползти, так как стреляют красные. Принял их указания во внимание.

Итак, увешанный флягами с драгоценным молоком, немного ползком, кой где перебежками я добрался почти до наших позиций. Оставалось несколько сот метров. И тут началось. С вала раздался выстрел. Я увидел в воздухе мину с крутящимися лопастями хвоста. Стрелял марковский миномет. Чтобы не попасть под осколки, я распластался, приникнув к земле. Несколько вправо от меня последовал оглушительный взрыв. Ударило по спине несколькими комками земли. Снова последовал выстрел и через меня со свистом и завыванием пошла вторая мина. Что я думал в то врем? „Глупо погибать из-за молока", других, более глубоких мыслей не было. После разрыва второй мины я решился, — вскочил, крича и размахивая правой рукой, бросился к проволоке. На валу послышалась команда прекратить огонь и когда я, запыхавшись, отсовывал ежа, то в

проходе, с наганом в руке, стоял удивленный марковский офицер.

— „Откуда?"

— „Артиллерист, 7-ой гаубичной, ходил за провиантом".

— „Ну и черти, недаром вас, артиллеристов, еще в германскую, салоедами звали; ведь мы новый миномет пробуем!"

— „Виноват, г-н поручик!"

— „Какой там виноват; мы вас чуть не угробили! " сказал, улыбаясь марковец.

Молоко я принес всем приятелям, но больше за ним уже не ходил.

●

ПЕРЕКОПСКИЙ БОЙ.

Мужайтесь о други,
Боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен,
Борьба безнадежна
(Леонид под Фермопилами).

20-ый год. Весна. А весной добровольцам всегда везет. Это все знают. Готовятся к наступлению. Вся огромная страна залита красным наводнением. На юге остался маленький полуостров и на нем остатки разбитых частей армии генерала Деникина.

Генерал Врангель сумел внушить армии, что она жива. Мужественный генерал Витковский со своими дроздами показал в Хорлах — на что еще способны оставшиеся в живых. Вся дроздовская дивизия отведена в тыл после Хорловскаго десанта. Гаубичный дроздовский дивизион в Хорлах не был. поэтому мы стережем Перекоп с марковцами. Началась пристрелка позиций красных. Начальник артиллерии генерал Фок сам летал на аэроплане и отмечал попадания. Как только какой нибудь снаряд попадал в расположение неприятельской артиллерии или укрепленных позиций, огонь сразу прекращался, а цель записывалась. За несколько дней до наступления становились на позиции впереди Перекопского вала, выкопали рвы около орудий, чтобы наполнить их снарядами. Ящики и запряжки должны быть отведены подальше от батареи. На некотором расстоянии впереди — памятник — небольшой обелиск. Повесили на нем фонарь, так чтобы зажечь его ночью — точка отметки для наводчиков, невидимая со стороны противника даже в темноте.

Кто то ездил в Юшунь и рассказывал, что пришло много войск и вся наша пополненная дивизия. Наступать на

нашем участке будут марковцы, левее нас корниловцы и казачья кавалерия Морозова. Пришли и танки. Дело будет жаркое. Солдаты и добровольцы надевают чистые рубахи, как полагается, если придется престать пред престолом Всевышнего. Шуток не слышно. Все серьезны и сосредоточены. Только Болотов не утерпел:

— „Одно из двух", говорит: „или убьют меня или больше уж не буду есть камсы" (маленькая крымская рыбешка).

Ночью, соблюдая все предосторожности, не шумя, не куря, не разговаривая, крадучись выехали на позиции. Так же бесшумно стали. Запряжки отъехали. Встал наводчиком. Получил от командира ряд прицелов и угломеров для разных целей. Записано и количество снарядов. Высота 9,3 — 10 патронов, беглый огонь; цель № 5 —5 патронов и т. д. Такого количества снарядов мы давно уже не видали. Снарядов по 200 на орудие. Точку отметки — фонарь зажгли. Видно отчетливо, но и на панораму (прицельное приспособление) кто нибудь должен светить карманным фонариком с боку так, чтобы свет не был виден издалека.

Порядок целей тоже дан. Поставили установку — угломер, прицел. Номера расположились цепью. Один во рву со снарядами и потом до самого орудия, чтобы не было суеты, беготни и бестолочи в темноте, а снаряды, как по конвейеру, подавались бы из рва к орудию по мере стрельбы. Теперь всё готово. Сели, кто на землю, кто на лафет. Кругом тихо. Не слышно ни пехоты, ни танков. Танки должны итти первыми — впереди пехоты. Сигнал для открытия огня это одиночный выстрел восьмидюймовой пушки, стоящей где-то сзади нас. Ночь теплая — не шелохнется ничто.

Со стороны неприятеля началась было перестрелка, но сейчас не слышно никакого движения. Все молчат. Чувствуется напряжение. „Хоть бы уже началось!" думает каждый.

Вдруг тишина оборвалась. Сзади что-то тяжело ухнуло. С шипением и свистом, через головы, пошел к красным тяжелый снаряд. Несколько секунд еще продолжалась пауза — молчание и потом весь перешеек опоясался огнем. Теперь всё внимание сосредоточено на угломере и прицеле. Проверяю установку после каждого выстрела. Чтобы не ошибиться числом снарядов, загибаю пальцы на левой руке. Выстрел следует за выстрелом. Впереди батареи четыре или пять огненных взрывов — их снаряды. Через несколько минут за нами опять полоса разрывов — перелет. Но нет времени наблюдать за их разрывами.

Старший офицер наклоняется ко мне и что-то говорит. Оглушенный стрельбой, абсолютно ничего не слышу. Он протягивает записку и светит на нее ручным фонариком. Читаю: „Высота 9,3 еще 10 патронов, беглый огонь на том же при-

целе, потом перенести на цель № 5 — 10 патронов также".

Ушные перепонки болят, хотя всё время, когда дергаю за шнур, приоткрываю рот при выстреле. Уже в одном рву нет снарядов. Достают и начинают подавать из другого. Тело орудия (ствол) раскалилось — так и пышет жаром — нельзя дотронуться.

Снаряды красных со свистом идут через головы и рвутся где-то сзади в расположении наших легких полевых орудий. Явно нас они не нащупали, да и считают невозможным такое близкое местонахождение от себя полевых гаубиц. В этом наше счастье. У легкачей (как мы потом узнали) были потери.

Канонада идёт, не прекращаясь, и сливается в сплошной гул, где нельзя уже разобрать выстрелов с нашей стороны и разрывов их снарядов. Кажется стонет земля.

Начинает уже немного светлеть, но всё еще полутемно. Артиллерийский огонь со стороны красных слабеет, да и наш тоже уменьшается. Слышен металлический шум — идут танки, за ними, без стрельбы, идёт наша пехота. Через час артиллерийский огонь уже стих, спереди слышен винтовочный и пулемётный. Командир говорит, что корниловцы удачно продвинулись на левом фланге, а наша кавалерия пошла уже вперёд.

Снимаемся и идём за пехотой. Проезжаем проволочные заграждения, сильно повреждённые нашей бомбардировкой и брошенные окопы. Проезжаем красную батарею. Тоже легкие полевые гаубицы. Четыре орудия. Одно подбито и лежит боком на разбитом колесе. Другое, видно, хотели взять на передки, но вся запряжка лежит побитая, около ездовые. Некоторые люди повыскакивали из землянок в белье и сразу попали под огонь. Вряд ли эта батарея отвечала нам. Навстречу ведут колонну пленных.

Втягиваемся в село Перво-Константиновку. Здесь успеваем даже забежать в хату и напиться молока. Однако, стоим недолго. Выезжаем за околицу.

Впереди бой разгорается всё сильнее. Поддерживаем своим огнём марковцев. Но нажим красных всё усиливается. Видим их цепи. Идут в полный рост. Это резервы — латышская дивизия. Марковская пехота начинает отходить. Полковник Соловьев удерживает батарею на линии нашей пехотной цепи. Стреляем прямой наводкой на коротком прицеле, но и снарядов уже немного.

От села мы уже отошли. Из него по дороге к Перекопу появляется несколько пулемётных тачанок и колонна красной пехоты. Высокий, худой марковский капитан, с головой повязанной окровавленным платком, кричит что-то Соловьеву, указывая на деревню. Поворачиваем орудие почти под прямым углом и стреляем по голове колонны. Случай из ряда

вон выходящий — первым же снарядом сметаем головную тачанку, второй попадает в середину колонны. Видно, как разбегаются и ложатся люди, как поворачивают коней тачанки и скрываются в селе. Но цепи красных надвигаются на нас всё ближе и ближе, и ружейный огонь дает себя чувствовать.

У нас в запряжках мулы. Интересные животные эти наши „верные союзнички". Пока идёт артиллерийский обстрел они равнодушны, как только начинают свистать пули — выражают беспокойство, поводят ушами, бьют копытом и потом, как только орудие взято в передки, несутся дружно, как сумасшедшие. Очевидно, свист пуль напоминает им свист бича.

Снаряды наши совсем на исходе. Пехота продолжает отходить. Начинаем отходить и мы. Так блестяще начатое дело, кажется, грозит превратиться в поражение.

В это время со стороны Перекопского вала по дороге показались клубы желтоватой пыли. Уже можно различить группу верховых и за ними быстро едущие повозки с людьми. Еще через некоторое время около нас уже группа дроздовских офицеров, между ними Туркул. Пехота, соскакивая с повозок, быстро строится. Трудно передать то чувство радости, которое охватило нас при виде нашей родной пехоты, пришедшей на выручку в этот тяжелый момент. И окровавленный офицер и другие марковцы, казавшиеся минуту перед тем совершенно подавленными, и мы встретили криком ура приближающуюся поддержку.

Слышим команды Туркула:

„Первый батальон — направление на мельницу, команда пеших разведчиков... капитан Трофимов..."

Быстрым шагом, почти бегом, дроздовская пехота направляется к Перво-Константиновке, навстречу приближающимся красным цепям.

В дальнейшем нам не пришлось участвовать в бою этого дня. Недостаток амуниции заставил батарею отправиться назад за вал для пополнения запаса снарядов. Как шел бой первого полка с латышами, мне не пришлось видеть. Слышал об очень больших потерях в первом полку и о том, что всё же латыши удержали за собой Перво-Константиновку. Даже, как-то не хотелось верить, чтобы эти свежие дроздовские части, которые таким бодрым шагом, почти бегом, шли навстречу врагу несколько часов перед этим на наших глазах, так потрёпаны и не достигли решающего успеха в этом бою.

Второй дроздовский полк ген. Харжевского был в этот день в резерве и должен был войти в линию огня только на следующий день 26-го мая. Мы, получив снаряды, были приданы ему и должны были поддерживать наступление 3-го батальона, который представлял собой свёрнутый, когда-то

славный Самурский полк генерала Витковского, теперь начальника всей Дроздовской дивизии. Что это были самурцы можно было заключить по желто-оранжевым фуражкам.

Еще затемно мы должны были перейти по гатям (узким дорогам — плотинам) через рукав Сиваша, чтобы находиться, как ожно ближе к своей пехоте. Дальше тянулись другие рукава Сивашей и еще гати, которые пехота должна была захватить, имея задачей овладение селением Владимировка, расположенным на берегу Сивашских озёр. Перво-Константиновка, задача занять которую ложилась на другие дроздовские полки, лежала от нас налево.

Когда ночью мы переправлялись через гать, с тем, чтобы стать за гребнем узкой косы, занятой нашей пехотой, не могу сказать, чтобы мы испытывали радостное чувство. Было отчетливое сознание того, что если красные нажмут, легко взяв под обстрел единственную дорогу по гати, то мы окажемся в мышеловке, из которой нет выхода, так как кругом тёмная, топкая, непролазная грязь и тина сивашского рукава.

Наш старший офицер отправился к пехоте на гребень и, без телефонной проводки, поставил от орудия цепью несколько разведчиков для передачи команд. Пехота просила его заставить умолкнуть пулемёты красных, державших под обстрелом следующую гать и не дававших возможности продвинуться вперёд.

Также, как и накануне, близкое положение — непосредственно за нашей пехотой, оказалось для нас очень удачным. Когда на рассвете начался бой, то снаряды красных со свистом и шипением шли через наши головы в сторону легких батарей, стоявших в полуверсте за нами. Пулемётный и ружейный огонь, который вначале был весьма силен, также шел через нас. Потерь на батарее не было. Прицелы подавались сперва на очень короткой дистанции — сбивались пулемёты красных, а потом расстояние прицелов начало возрастать. Ослабел и винтовочный обстрел красных.

Самурский батальон пошел в атаку. По цепи разведчиков от наблюдателя было передано радостное: „Красные бегут" и потом: „передки на батарею". Карьером мы понеслись вслед за своей пехотой. На гати по сторонам лежали сперва убитые самурцы, потом убитые красные. Отход большевиков, вначале спокойный, превратился в паническое бегство.

Было очевидно, что это не результат нашего лобового удара. Вся операция, повидимому, принимала для них трагический оборот. Шум боя под Перво-Константиновкой также стих. Прекратился артиллерийский огонь красных из Владимировки. Оказалось, что наша Донская кавалерия Морозова ночевала в Чаплинке в тылу у красных, прорвавшись туда еще вчера. Сейчас она нанесла сокрушительный удар по тылам частей, которые вели с нами бой. После нескольких

выстрелов мы опять брались в передки и шли дальше. Навстречу попадались конные, сопровождавшие колонны пленных. По дороге видно много порубленных красных. Тут на них обрушился конный удар Морозова.

Перед Владимировкой мы въехали на бугор, откуда перед нами открылась серебряная гладь Сивошей. Но по всему пространству этих мелких солёных озёр видны были идущие люди, которые издалека казались точками. Это была латышская стрелковая дивизия, прижатая с фронта нашими дроздовскими частями, а с фланга и тыла донской конницей и опрокинутая в Сиваши. Казалось, для этих людей уже не было иного выхода кроме сдачи, однако латыши, стоя почти по грудь в воде и повязав на шею патронные сумки, продолжали стрелять в наших пехотинцев, кричавших им с берега, чтобы те сдавались. Железный закон гражданской войны: „пощады не даем, сами не просим" диктовал окончание Перекопского боя. Пулемёты и низкие разрывы шрапнелей смели остатки сопротивления.

Во Владимировку мы входили покрытые пылью и пороховой копотью, но полные радостным чувством крупного успеха. 8-ая советская армия перестала существовать. Дорога в Северную Таврию была открыта.

Прошло около двух месяцев непрекращающихся боев. Всё время подходили свежие силы красных. Наши лица и руки стали совершенно черными от загара.

В этот день я был дежурным по батарее. Когда батарея уже готовилась к выходу из села, к нам подъехал командир Дроздовского гаубичного дивизиона полковник А. К. Медведев, прозванный артиллеристами Муленом. Полковник Медведев, рыцарь без страха и упрёка, был одинаково любим, как за свое бесстрашие и спокойствие, так и за доброту и сердечность. За что больше, сказать трудно.

Увидав Медведева, я скомандовал:

— „Батарея смирно!" и подошел к нему с рапортом: „дежурный по батарее старший фейерверкер Пронин. В 7-ой гаубичной генерала Дроздовского батарее во время моего дежурства..."

Приложив руку к козырьку, Медведев внимательно выслушал рапорт, потом произнес своим негромким голосом:

— „Старший фейерверкер Пронин, приказом Главнокомандующего Русской Армии вы произведены в чин подпоручика за бой 25 и 26 мая на Перекопском перешейке".

Он наклонился вперёд в седле и, улыбаясь, крепко пожал мне руку.

— „Есть ли у вас погоны?"

— „Никак нет, г-н полковник".

— „Мы достанем. Вечером, как придём на стоянку, приходите ко мне".

Приходилось слышать и читать рассказы о производствах в офицеры. До революции производство происходило в торжественной обстановке, иногда сам Государь поздравлял с производством. В провинции это были командующие военными округами. После производства бывали торжественные обеды, балы. Мое производство происходило в несколько иной обстановке.

Погоны нашлись в вещевой сумке одного из наших офицеров. Хуже дело обстояло с кокардой на фуражку. Ее дал одному из моих друзей пехотный офицер 3-го Дроздовского полка с таким сопроводительным наставлением:

— „У вас произвели долговязого наводчика в подпоручики. Вот ему кокарда. У нас красная конница зарубила одного из офицеров и при этом от кокарды отбит кусок. Это поможет ему, как веревка повешенного, если его и убьют, то каким нибудь другим способом, но, во всяком случае не зарубят шашкой".

Эту кокарду я носил всё время и с ней попал и в Галлиполи.

●

АСКАНИЯ НОВА

Широко раскинулось южно-русское степное пространство Северной Таврии. Разбогатевший немецкий колонист Фальцфейн устроил на площади около десяти тысяч десятин заповедник, в котором производил опыты с акклиматизацией разнообразных животных и птиц, привезенных из других стран. Часть их жила в саду около усадьбы, часть была в загонах около крытых помещений, а некоторые паслись в степи. В большом парке имения на прудах плавали лебеди, стояли фламинго. Очевидно, хозяин был большим любителем всякого зверья и птиц, так как не жалел ни средств, ни усилий, чтобы создать им наиболее благоприятные условия.

На Россию налетел ураган революции, но, каким-то чудом, заброшенная далеко от населенных центров Аскания Нова осталась почти нетронутой.

Стояли жаркие дни лета двадцатого года. Солнце палило немилосердно. В степи, на высохшей траве лежит пехотная цепь. В нескольких стах шагах за цепью установлены снятые с передков орудия. Не слышно команды „к бою", и люди, сидя и лежа в траве, томятся от безделья, ожидания и солнцепёка. Вдоль цепи показывается необыкновенное шествие — два солдата ведут двугорбого верблюда, впряженного в

бочку. Кто-то из начальства позаботился напоить людей, истомлённых переходом и жаждой. Мерно покачиваясь на ходу, везет верблюд бочку по степи, покрытой желтой травой.

— „Возьми котелки и фляги и езжай привези воды", обращается фейерверкер к одному из разведчиков, лежащему в траве в нескольких шагах от орудия.

— „Откуда пехота этого верблюда выкопала?" спрашивает один из добровольцев.

— „Да этих разных зверей там до черта", кивает разведчик в сторону усадьбы, где он уже побывал — ездил туда с донесением в штаб.

— „Знаете ребята", продолжает он: „что мне там в имении рассказывали. Когда их занимали красные, то был у них комендантом матрос-комиссар. Так эта бестия приказала зажарить себе по одной штуке зверя и птицы, чтобы попробовать. Съел, прохвост, черного лебедя — понравилось ему, а когда зажарили попугая, то говорит: „Жесткая штука энтот попугай, а потом..." на этом рассказ был прерван.

— „Батарея к бою!" раздалась команда и впереди нас, в цепи, тоже наступило оживление. Так мы никогда и не узнали от словоохотливого разведчика, что случилось „потом" с матросом и зверинцем.

— „По кавалерии справа!" был подан прицел, а направление: „прямой навдкой!"

Действительно, с правой стороны в степи поднялось облако пыли. Прильнув к панораме, наводчик тщетно старался различить скачущую конницу. В пыли можно было различить очертания, но это были лошади без всадников. Оторвавшись от панорамы, наводчик, еще не услышавший исполнительной команды „огонь", закричал:

— „Г-н капитан, это не кавалерия!"

Начальство, всмотревшись в бинокль, пришло к тому же самому заключению.

— „Отбой!" последовала команда.

Облако пыли увеличивалось и приближалось. Теперь уже простым глазом можно было различить несущихся по целине животных — то были ламы.

Это не была единственная встреча с зверинцем Фальцфейна в этот день. Вечером меня послали в Асканию Нову. Выполнив поручение, пошел осматривать зверей, у которых были небольшие загородки и крытые помещения. Потом перелез через загородку и направился прямиком в сторону батареи.

Не сделал я и нескольких шагов, как услышал сзади топот и увидел быстро несущегося на меня гну. Это был самец, видно весьма неспокойного характера, так как на рогах у него были припаяны металлические шары. Первым движе-

нием было схватиться за револьвер, но тут же мелькнула мысль о матросе комиссаре, который, согласно рассказу разведчика, уже уничтожал здесь животных и птиц. Стыдно было хоть чем нибудь оказаться похожим на него.

Однако времени также нельзя было терять. Благо, никого кругом свидетелей не было и „сверхдоблестный" дроздовец вихрем понесся к загородке. В последнее мгновение, чувствуя за собой совсем близко зверя, я с необыкновенной быстротой перемахнул через забор, воспроизводя, целиком, действия пикадоров и матадоров во время боя быков. Теперь уже стало немного смешно.

Однако за этой загородкой оказались бизоны. Эти уже хоть не неслись, а, нагнув головы, медленно подходили, так что выбраться из загороженного места можно было с меньшей быстротой.

Около батареи встретил Болотова.

— „Ну, как, осмотрели зверинец Фальцфейна?"

— „Да, осмотрел — очень интересно", ответил я, не вдаваясь в подробности.

— „Знаешь, а другое орудие, обстреливая дорогу, убило яка и сегодня мы будем иметь его на обед. Конечно, жаль яка, слабая ему акклиматизация вышла у нас в котле, но что-ж поделать. Не успел матрос его съесть. А суп — наваристый".

●

БОЙ ПОД НОВО-МУНТАЛЕМ.

В начале августа 1920 г. армия генерала Врангеля вела упорные бои в Северной Таврии. Дроздовская дивизия участвовала в бою 3-го августа, 4-го была днёвка.

Наша 7-ая гаубичная батарея Дроздовской артиллерийской бригады была вооружена 45-ти линейными английскими полевыми гаубицами.Англия прекратила подвоз боеприпасов и последние запасы снарядов подходили к концу. Необходимость поддержать свою пехоту артиллерийским огнём, хотя бы и незначительной силы, заставила нас принять участие в бою 5-го августа с очень малым количеством боеприпасов.

В качестве цели были указаны бронеавтомобили, орудия и пулемётные тачанки красных. По пехотным цепям противника было категорически запрещено стрелять. Против цепей должна была действовать пехота ружейным и пулемётным огнём. Орудия были распределены не взводами, а отдельными орудиями и приданы батальонам.

Наше орудие под командой штабс-капитана Александра Гельбке, с двумя тяжелыми пулемётами на тачанках, было

придано одному из батальонов весьма уже уменьшившегося в составе 3-го Дроздовского полка.

Еще на рассвете протянулись через немецкую колонию Ново-Мунталь (Неу-Мунталь). Я ехал с Гельбке на передке орудия. Он ворчал, что мы „психологическая", а не огневая поддержка нашей пехоте. Длинная прямая улица колонии кончилась. Пехота начала рассыпаться в цепь по обе стороны дороги.

Уже рассвело. Сразу за немецкой колонией местность полого поднималась к гребню на расстоянии около версты от Мунталя. Дальше гребень скрывал местность пересеченную глубокими балками. Слышны были одиночные выстрелы, очевидно, отходили красные заставы. Когда пехота достигла гребня, со стороны противника начался артиллерийский обстрел, всё усиливавшийся и перешедший в беглый огонь нескольких батарей. Наше орудие стало в полу-версте от гребня и было незаметно для артиллерийских наблюдателей большевиков. Обе тачанки выехали на фланги, заменяя собой пехотное прикрытие орудия. Справа местность была совершенно открытой. До самого горизонта тянулась степь и только, где-то вдали неясными очертаниями возвышались старые курганы — могилы степных кочевников, обитателей южно-русских пространств в отдалённые эпохи.

На пулемётных тачанках наводчиками были офицеры батареи. На одной поручик Обремский, на другой Галицинский с двумя солдатами на каждой. Один из солдат правил лошадьми, другой помогал обслуживать пулемёт. Оба офицера были спокойными, храбрыми людьми.

Особенно ярко остался у меня в памяти Ян Генрихович Обремский. Поляк по происхождению, католик по вероисповеданию, студент Варшавского Политехникума, он окончил ускоренный выпуск Михайловского Артиллерийского училища, а к нам в батарею перешел в Крыму, после нашего слияния с 8-ой гаубичной батареей. Небольшого роста, худощавый блондин. Всегда спокойный в бою. Только, когда положение делалось очень серьёзным, на его обычно бледном лице появлялся румянец, но всё также спокойно смотрели серые глаза и такими же размеренными были движения. Он был глубоко предан идее Единой и Великой России. В Галлиполи, интернированный с нами в лагере, несмотря на приглашения из Польши, он оставался до конца, пока не начался разъезд в балканские страны. Тогда и он выехал в Варшаву.

На мрачном горизонте лихолетья, в тёмной ночи человеческой подлости, предательства и трусости, яркими светочами выделяются люди, для которых Честь и Верность были содержанием их жизни.

Вспомним флигель-адъютанта поляка, генерала графа Замойского, который в то время, когда почти все приближен-

ные отшатнулись от Царской Семьи, явился к Императрице и заявил, что его сабля в ее распоряжении. Только настоятельные просьбы Государыни, не желавшей никакого кровопролития, заставили его покинуть царственных узников. Подобным человеком был российский посланник в Румынии поляк Поклевский-Козелл. Преданность его России была настолько велика, что, не смотря на все приглашения Пилсудского, он оставался на своем посту. Уже не существовало Империи, но по распоряжению румынского короля Поклевский по прежнему числился в списке акредитованных дипломатов. Скромная надпись на его могиле в Бухаресте гласит: „Верному Поляку — Русские". К таким рыцарям духа принадлежал и Ян Обремский.

Пусть в будущих взаимоотношениях двух славянских народов русского и польского, несмотря на многочисленные исторические обиды и несправедливости, светлая память об этих людях послужит мостом взаимного понимания и уважения.

Артиллерийский огонь всё усиливался. Гребень курился от разрывов снарядов. Удержаться там не окопавшейся пехоте было невозможно. По склону назад ползли многочисленные раненые. Неся большие потери, пехота не удержалась на гребне и начала отходить по склону. Артиллерийский огонь был перенесен большевиками дальше и снаряды начали ложиться в расположении нашего орудия. Потерь не было, но состояние было очень неприятное. Орудие временно ослепло, так как нашему наблюдателю пришлось тоже сняться с гребня. В поле зрения оставался только склон, вершина гребня и степь справа.

Дальнейший ход боя развернулся в течение нескольких минут. Было видно, как наша пехота, поднявшись, бросилась смыкаться по-ротно. Одновременно, в некольких стах шагах от нее, в облаке пыли, на гребне показалась кавалерия. Наше орудие и пулемёты были лишены даже возможности открыть огонь, т. к. нахлынувшая кавалерия и наша пехота смешались. После одного залпа, последовала частая беспорядочная ружейная стрельба. Но в облаке пыли было видно, что всадники рубят нашу пехоту, ворвавшись в ее ряды. Густая пыль закрыла от нас подробности драмы. Позже я слышал, что часть батальона сдалась. Всадники, прорвавшись далее, неслись на орудие и пулемёты.

— „По отражателю ноль! Картечь! По кавалерии! Три снаряда беглый огонь!"

Дождём картечи и огнём наших двух пулемётных тачанок удалось остановить катившийся на нас кавалерийский вал. Слева во фланг коннице била на картечь наша легкая 3-х дюймовая батарея (кажется пятая Мусин-Пушкина). Как морские волны, ударившись о берег, откатываются с шумом

назад, оставляя на песке какие-то обломки и доски, принесенные прибоем, так, покрыв трупами людей и коней пространство на несколько сот шагов перед нашим орудием и пулемётами, конница отхлынула назад. Но от батальона пехоты у подножия гребня остались только лежавшие убитые.

К большевицкой коннице, очевидно, подошло подкрепление и опять повторилась атака на орудие и пулемёты, прикрывавшие вход в колонию. И опять, не выдержав огня, они отхлынули назад. Только несколько коней без всадников, с болтавшимися стременами, носились по степи, а вал из конских и людских тел перед орудием и пулемётами стал почти сплошным.

Вдали же, справа по степи, шли вперед красные кавалерийские массы. Тут уже была стихия. До самого горизонта, как мог только охватить взор, неслась конница, тачанки, конные батареи. Казалось, что сама степь находится в движении.

— „Видите, что там делается, они обходят колонию и там больше дивизии конницы", обратился я к Гельбке.

— „Выпустим наши оставшиеся снаряды и будем спасать орудие", решил он.

— „Прямой наводкой! По кавалерии справа!" последовала команда.

Я наводил. Орудие повернули под прямым углом. Прицел роли не играл, так как каждый снаряд всё равно попадал в густо идущие лавы. Шрапнель у нас вышла и били мы бризантными бомбами. В панораму орудия ясно было видно, как после разрыва нашего снаряда, летели в разные стороны кони и люди, но, как образовавшееся пустое пространство заливали новые массы конницы. Старался попасть по орудиям или тачанкам с пулемётами. Видел, как опрокинулась одна тачанка, как вздыбились кони в другой, шедшей за ней, и как падали всадники. Но ощущение, которое я испытывал, было чем-то подобным удару кулаком в резину или жидкое месиво. Эффект удара продолжался только несколько мгновений и, казалось, что расплавленная густая масса опять заливает всё.

Вышли все снаряды. Снимаемся и карьером идём к Мунталю. Ведь пехота не нуждается даже в „психологической" поддержке, так как батальон перестал существовать. Ян Обремский и Галицинский уступами следуют за нами к окраине колонии, прикрывая нас огнёем своих тяжелых пулемётов.

По Мунталю наши мулы неслись со скоростью совершенно невероятной. Все люди и животные одинаково ясно сознавали, что скорость это единственный шанс спасения. Прикинув расстояние, отделявшее нас от конца колонии, я пришел к заключению, что красные дойдут степью туда раньше, чем мы.

Мысль о возможности попасть в плен заставила растег-

нуть кобуру и вытащить верный „Наган". Однако по дороге еще не видно всадников. Вылетаем на окраину. Шагах в четырехстах, наперерез нам, шагом идёт эскадрон кавалерии.

Тут произошло что-то странное. Вместо того, чтобы броситься на нас, красные всадники начали стрелять из винтовок с седла. Никогда, кажется, свист пуль не казался нам такой приятной музыкой, как в этот момент. Попасть, разгоряченными ездой, не спешившись, по быстро движущейся цели, не так просто. Очевидно, кони у них были загнаны. Расстояние между нами увеличивалось. Наши тачанки, идущие сзади, открыли на полном ходу из пулемётов огонь по всадникам. Вдалеке были видны подходившие конные массы красных.

— „Ну, слава Богу, выскочили", сказал Гельбке.

Не больше чем версту сделали мы от колонии, когда навстречу нам показалась на подводах наша пехота с легкими пушками, шедшая, чтобы заткнуть прорыв. Был и разведчик с приказом для нас от командира батареи: „идти в Фридрихсфельд и пополнить снаряды и патроны".

Через час, покрытые пылью и копотью, мы вчетвером сидели за большим, не накрытым столом во дворе немецкого колониста. На столе лежал, по крайней мере десяток дынь и арбузов. Мы совершенно незаметно уничтожили всё. Хозяйка, увидав это, всплеснула руками:

— „Вы все помрёте!"

— „Нет, знаете, если мы из Ново-Мунталя сегодня выскочили от двух дивизий Второй Конной армии, то от ваших арбузов и дынь умирать не собираемся. Сколько мы вам должны?"

— „Ничего от вас не надо. Только не пускайте сюда „товарищей".

Хозяйка ушла.

— „Если бы она видела с какой быстротой мы неслись по Мунталю, она никогда не дала бы тебе дынь и арбузов", пошутил Обремский.

— „Не могу же я стрелять арбузными корками", немного обиженно отозвался Гельбке.

В стороне Мунталя глухо ухали орудия. Но, очевидно, бой затихал.

В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Ярко светит южное солнце. Кукуруза уже пожелтела. Обильным урожаем покрыты благодатные равнины Северной Таврии. На бахчах темнозелеными пятнами выделяются огромные арбузы, называемые здесь, как везде на Украине, кавунами. Промеж арбузов выделяются золотисто-желтые, ароматные дыни. Всё, кажется, дал людям Господь в этом богатом краю.

Так думали и чувствовали несколько молодых людей в посеревших от пыли гимнастерках. Людская злоба и зависть, поднявшая одних на других, заставила их покинуть семьи, любимых, друзей и уйти в эти далекие степи, отстаивая честь России и русского имени. Перед ними противник — красные мадьяры. Это, по большей части бывшие военнопленные, которые, вскоре после октября, влились добровольцами в ряды красной гвардии и с того времени, то в Сибири, то на Юге России, составляли, вместе с красными латышами, наиболее верные Советам боевые отряды.

Один из добровольцев — разведчик наблюдает за степью, всматриваясь в горизонт. Другой, сидя у телефона, от времени до времени проверяет связь с батареей. Третий, тоже телефонист, просто лежит на спине около ящика с телефоном и катушек с запасным проводом. Смотрит на синее небо, на маленькие белые облачки, которые медленно плывут, а, иногда даже кажется, что стоят на месте. От движения нагретого около земли воздуха горизонт как бы колеблется. Обычные предметы: одиночные деревья, ветряк (ветряная мельница), группа кустов принимают какие-то причудливые очертания и танцующие формы. Разведчик усиленно вглядывается через стёкла полевого бинокля, с мелкими делениями угломера в поле зрения. Наконец, со вздохом, опускает руку с биноклем и начинает просто наблюдать, смотря невооруженным глазом. Это оказывается даже вернее.

— „Здесь наблюдатель 7-ой гаубичной", второй раз однотонно повторяет в трубку телефонист.

Легкое дуновение ветра со стороны кукурузного поля доносит, уже всем им хорошо знакомый, приторно-тошнотворный запах разлагающихся людских трупов.

— „Пооставляли убитых в кукурузе черти!" говорит телефонист.

— „Да, может, и кто из наших. По запаху не узнаешь", замечает лежащий на спине, „кто их теперь уберет. вчера красные венгры опять пытались нас выбить из Андребурга (немецкая колония). Ты видел вчера убитых пехотинцев?" обратился он к товарищу, приподнимаясь на локте: — „Наша цепь и ихняя лежали на бахче. Жара, жажда. Так вот, под-

ползёт пехотинец к арбузу, кулаком разобьет его и вгрызается в сладкое месиво. А потом опять за винтовку и стрелять. Грязь от пороховой гари и пыли кругом так и липнет на сладкое лицо. Лица черные — родного отца не узнаешь. Только по погонам своих убитых от чужих отличить можно".

Разговор прерывает телефон. Передают наблюдательному пункту сниматься, сматывать провод и отходить к орудиям.

Малое это удовольствие сматывать версту телефонного провода по такой жаре. Мокрая гимнастёрка совсем прилипает к спине. Но около орудия, как-то веселее. Номера орудия — народ запасливый, и вода у них всегда есть. А там, смотришь, и кухня, дымя, подъедет. Даже, когда переплёт начнется, то гаубица гремит, подпрыгивает при выстрелах, несёт смертоносные снаряды навстречу врагу и увереннее чувствует себя телефонист, хотя, иногда, почти ничего не может услышать в телефон от грохота кругом.

Был в седьмой батарее такой телефонист-вольнопёр, по фамилии Жук. Этому самому Жуку, когда он сматывал под неприятельским огнём провод, пуля попала в зад. Конечно, смешного тут ничего нет. Исполнял человек свой долг, как полагается; горел жертвенным чувством подвига и т. д. Спиной же к противнику обернулся, так как иначе нельзя же провод сматывать. А всё же обидно. Даже геройство какое-то смешное вышло. Хорошо хоть, что скоро из госпиталя вышел. А тут глупые шутки приятелей: „Ты возьми, на всякий случай, щит на то место, которое у тебя красных так привлекает". Нудная, неблагодарная служба телефониста.

А к вечеру бой разгорелся. Опять какие-то свежие подкрепления подошли к красным и снова они пробовали выбить дроздовцев из Андребурга. Несколько раз орудия меняли позицию. Уже низко было солнце, когда заняли позицию около кукурузного поля и приказано было держать под наблюдением дорогу из соседней колонии, откуда ожидали красных броневиков. Недалеко около орудия валялись брошенные подсумки, простреленные гильзы, обоймы, открытые ящики от патронов — свидетельство о том, что каких-нибудь полчаса тому назад здесь кипел ожесточенный бой.

Наступило некоторое затишье. Со стороны дороги, по которой ожидали бронеавтомобилей, ничего не появлялось. На батарею была передана команда „отбой", и люди уселись или улеглись на сухую, пыльную, местами потрескавшуюся, землю. Наводчик сел на лафет орудия, лицом к кукурузному полю, до которого было не более десяти шагов. Кукуруза поднималась выше человеческого роста.

Неожиданно, раздвигая стебли кукурузы, показался человек без фуражки, со сбившимися, спутанными и от пота прилипшими ко лбу волосами. Был он в защитной гимна-

стёрке, но без погон. Быстро направился к наводчику и остановился перед ним.

— „Возьмите меня в плен, г-н товарищ!"

Наводчик смотрел на бледное, хотя и покрытое пылью, лицо. В серых глазах был одновременно испуг, страдание и какая-то доверчивость. Перевел взгляд на руки красноармейца. Тот крепко зажимал левой рукой правую, согнутую в локте, ниже кисти. Кисть же правой висела, а из окровавленного рукава торчали две переломленные кости.

„Как перебитые крылья у птицы, подстреленной охотником", это сравнение так и запечатлелось в памяти наводчика.

Первым движением, когда человек выбежал из кукурузы, а доброволец вскочил с лафета, было схватиться за револьвер. Теперь, стыдясь своей поспешности, он нащупал в кармане индивидуальный пакетик красного креста, разорвал его, взял обезображенную руку, вылил на нее иод и начал забинтовывать. Раненый только скрипел зубами и тяжело дышал.

— „Мы тебя отвезем в тыл", наконец сказал доброволец.

— „Я сам могу идти, вы только что-нибудь своим напишите".

Наводчик вытащил из кармана гимнастёрки довольно грязный, измятый листок бумаги, положил его на отогнутую часть орудийного щита, *) в другом кармане нашел огрызок карандаша, спросил красноармейца фамилию и написал:

„Удостоверение.

Красноармеец Александр Сидоренко взят в плен 4-ым орудием 7-ой гаубичной батареи генерала Дроздовского Артиллерийской Бригады".

Подумал немного и приписал: „Сдался добровольно". Поставил подпись: „Старший фейерверкер такой-то".

Пленный взял левой рукой записку и, перехватив выше локтя и подняв перебитую руку, пошел по дороге к Андребургу.

— „Он еще свалится где-нибудь — крови много потерял", сказал Болотов; „но, конечно, нас тут четыре номера вместо полагающихся на орудие восьми, и никто не может отлучиться. А что ты ему написал?" обратился он к наводчику.

— „Что он сам сдался", неохотно ответил тот.

— „Посмеется над тобой пехоташка. Ведь, если тебе руки и ноги перебьют, то и ты тоже сам сдашься. Но парень то, видно, не плохой. Как ты его перевязывал, ни разу не пикнул даже".

---

*) Английские полевые 45-ти линейные гаубицы имеют отгибающуюся верхнюю часть орудийного щита. Этими гаубицами была вооружена батарея в тот период кампании.

— „Батарея к бою!" закричал телефонист, передавая приказ командира с наблюдательного пункта.

Наводчик, привычным движением поднял верхнюю часть орудийного щита и наклонился к панораме.

•

ПОСЛЕДНИЙ СМОТР НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ.

Фридрихсфельд. Немецкая колония в Северной Таврии.

Длинной, прямой полосой растянулась широкая улица. По обоим сторонам стоят, под черепицей, одинаковые дома из красного кирпича. От улицы дворы огорожены каменными изгородями, покрашенными в белый цвет. Дома и хозяйственные постройки резко отличаются от крытых соломой хат и клунь соседних крестьянских селений.

Яркий солнечный день конца лета.

При выезде из колонии необычная группа.

Впереди, выше всех окружающих почти на голову, худой, с продолговатым мужественным лицом и большими серыми глазами, генерал Врангель.

Около него офицеры штаба, командир корпуса и начальник Дроздовской дивизии генерал Туркул. С ними военные представители иностранных армий. Маленький француз в расшитой золотом кэпи и еще меньший японец. Серб с тёмным от загара лицом и итальянец в высокой кэпи.

От колонии, по-батальонно, проходят дроздовские полки. Дивизия вышла из тяжелых боев в районе Андребурга (тоже немецкая колония). Сейчас главнокомандующий Русской Армией устраивает смотр и дивизия сразу идёт опять на север, где обозначился сильный нажим на сменивших нас марковцев.

Батарея следует за пехотой. Необычный парад. Слышится команда:

— „Смирно! Равнение направо!"

Отчетливо долетают слова здоровающегося Врангеля:

— „Здорово, орлы!"

Пауза. Только слышен шаг.

— „Здравия желаем, Ваше...ди...тст!" как один голос вырвавшийся из гигантской груди.

„Орлы" в запылённых, продымленных гимнастёрках. Тщетно утром искали по вещевым мешкам, что есть посвежее и почище. Много раненых в строю. У некоторых забинтованы головы. Повязки стали сероватыми от осевшей на них пыли.

Врангель, полуобернувшись, что-то говорит Туркулу.

Остановившись, чтобы получилась дистанция, полковник Соловьев проводит рысью нашу батарею. Команда:

— „Смирно!"

Видим близко Врангеля. Отвечаем на приветствие и догоняем свою пехоту.

По дороге поднимаются клубы желтовато-белой пыли от множества марширующих людей.

В голове встают образы древнего мира.

Громадная, покрытая желтым песком арена. Яркое южное солнце. Идут гладиаторы. Одни закованы в латы и несут короткие мечи, другие — трезубцы и сети. С трибуны цезарь приветствует проходящих. По римскому обычаю, проходя мимо него, бойцы поднимают правую руку и из могучей груди вырывается: „Да здравствует Цезарь! Обреченные на смерть Тебя приветствуют!"

Врангель был любимым Вождём. Он олицетворял для нас последнюю надежду в борьбе за Честь Родины. Ему мы верили, его мы любили — нашего Белого Рыцаря. Но всё же чувство обреченности в 1920 году было у многих из нас.

Мы шли на север. Над горизонтом облачками белой ваты висели разрывы далёких шрапнелей. Глухо доносилась канонада и шум боя.

„MORITURI TE SALUTANT!"

„Обреченные на смерть Тебя приветствуют!"

●

ЧУВСТВО ОБРЕЧЕННОСТИ.

В одном из своих отрывков — воспоминаний о кампании в Северной Таврии, под командованием генерала барона Врангеля, я писал о чувстве обреченности. Один из наших же дроздовцев позже поместил свои воспоминания, написанные в очень бодром тоне и утверждал, что ни о каком чувстве обреченности не могло быть речи.

Может быть и были лица так настроенные, но я хотел бы указать на чем я основывал свои воспоминания и это утверждение.

Дроздовская дивизия в Таврии почти не выходила из линии огня, не считая коротких стоянок в Фридрихсфельде и Александровске.

7-ая легко-гаубичная батарея, в которой я служил, за четыре месяца кампании имела 29 ночных переходов и боев, кроме очередных дневных. Потери только среди офицерского состава достигли 15-ти человек, при обычном числе офицеров боевой части нашей батареи 19-ти человек. Люди и командный состав были совершенно вымотаны. В пехоте обстояло с потерями гораздо серьёзнее, чем в артиллерии. Мне дважды пришлось видеть самоубийство пехотных офицеров.

Почти каждый день, судя по пленным, мы имели про-

тив себя свежие части красных. Еще на Перекопе мы столкнулись с частями 8-ой советской армии, в которую входили очень высококачественные в боевом отношении латышские дивизии. Корпус кавалерии Жлобы, 2-ая конная армия, венгерские части, 12-ая советская армия с китайцами, входившими в нее, школы петроградских курсантов, это всё, как в калейдоскопе, прошло перед нами в течение нескольких месяцев. Потом нахлынули свежие части с польского фронта, включая первую конную армию Будённого и сибирские дивизии Блюхера.

У нас же с пополнениями дело обстояло очень слабо. Например, пехотные роты Первого Марковского полка перед началом наступления на Перекопе насчитывали около двадцати штыков в роте. Тяжело было и с боеприпасами.

От солдата до Главнокомандующего все,, за очень малыми исключениями, понимали безвыходность положения. Генерал Врангель, приняв командование, сразу же начал готовить эвакуацию войск.

Чувство обреченности совершенно не уменьшало боеспособности наших частей. Всё так же, без громких фраз, изо дня в день, умирали в боях солдаты и офицеры. „Умирали молча, стиснув зубы, как умирает русский человек" (проф. Кизеветтер „Лекции по русской истории").

Эти настроения нашли себе отражение в добровольческой песне, появившейся в Крыму:

„Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слёз, не надо.
Молись за павших и живых —
Молитва нам отрада.
Не плачьте, матери, отцы,
Не плачьте жены, дети,
За благо Родины своей
Забудем всё на свете".

Ведь эта песня почти та же панихида, которую служили о себе, преданные англичанами русские люди в горах Австрии, четверть века спустя.

Совершенно иначе дело обстояло в 1919-ом году. Тогда Главнокомандующий генерал Деникин обратился к нам со словами:

„Дроздовцы! Вы первые вышли на большую дорогу к Москве!"

Через Харьков, Богодухов, Сумы, Путивль до Камаричей под Брянском дошла с боями дивизия, и занятие Москвы тогда казалось всем реальностью.

Но славнейшие страницы русской военной истории были вписаны не фанфарами побед, а силой духа, выразившейся в обреченности, часто, при безнадежной обстановке битв.

Так было, начиная с седой старины, воспетой неизвест-

ным бардом в „Слове о Полку Игореве", и до бастионов Севастополя. А русские военные песни, прославляющие гибель „Варяга"? Ведь это славословие „павшим за русскую честь" в неравном бою с врагом.

Если обреченность в Крыму была, и ее чувствовала и понимала Русская Армия генерала Врангеля, то это нисколько не умаляет ее героизма, а, наоборот, делает ей честь и неувядаемой славой покрывает ее знамёна и тех, кто, сознавая это, пролил свою кровь за Родину на Перекопе и на раскалённых жарким солнцем степях Северной Таврии.

Пусть же молчаливые курганы седой старины стоят им стражами и памятниками.

Нам же, случайно уцелевшим, остается только благоговейно склонить головы перед памятью погибших соратников.

И верить, что близятся сроки, когда и весь народ наш, стряхнув с себя большевицкое наваждение, придёт к их могилам, чтобы почтить верных сынов своих — тех, которые, сознавая безвыходность положения, всё же нашли в себе силы отдать добровольно жизнь за чест своего народа. Они отдали единственное их богатство, молодую жизнь, в искупительную жертву за грехи остального народа.

GLORIA VICTIS!

Слава побежденным!

●

БЫЛЬ

I

С грохотом орудий и шумом боев идут на север добровольческие полки.

„Сегодня я отдал приказ наступать на Москву!", говорит войскам после молебна на Николаевской площади в Харькове генерал Антон Иванович Деникин.

Нет той силы, кажется, которая могла бы остановить этот порыв вперед. Вперед к освобождению Родины от красной неволи.

Взвод батареи придан 3-ему Корниловскому полку. Что ни полк, то свои обычаи. Не нравятся эти обычаи дроздовской батарее — привыкла, срослась, сжилась со своей дроздовской пехотой.

К ночи заняли село Белозёрки или Копани или Новосёлки, столько их было — Большие, Малые, Верхние, что и в памяти не удержишь. Одним словом, российские солдаты заняли какое-то российское село для освобождения от интер-

национальных поработителей России, которые гнали против них тех же российских людей.

„У каждого барона своя фантазия". Командир корниловского батальона не был бароном, но всё же у него была своя фантазия. А заключалась она в следующем: на ночь в заставу, в направлении откуда ожидался противник, поставить 45-ти линейную гаубицу при одном номере и одном пехотинце. Орудие поставили в лощине на дороге. Было приказано сделать выстрел, как только покажутся красные и это должно было послужить сигналом тревоги для всей заставы, расположившейся в хатах, в двухстах шагах сзади — в селе. Одним словом — гаубица в секрете. Командир артиллерийского взвода был искренне возмущен, но начальником боевого участка был командир батальона, и не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Ночь спустилась тихая. Была неполная луна, при неясном свете которой, ярко очерчивалась только верхная часть дороги-гребень. Шагах в тридцати перед орудием, в глубине лощины журчал обросший ольшиной ручеек, через который на дороге был перекинут — бревенчатый мостик.

Компаньоном артиллериста, дежурившаго при заряженном орудии, оказался весьма нервный вольноопределяющийся 3-его Корниловского полка, с эмблемами на черной гимастёрке и пехотной винтовкой с примкнутым штыком. Оба уселись на лафете орудия, откуда в колеблющемся лунном свете отчетливо обрисовывался гребень оврага. Сами же они вместе с орудием совершенно тонули в темноте и не могли быть видны никому, кто начал бы спускаться в долину.

В секрете не полагается ни курить, ни разговаривать, а надо смотреть в оба. Поэтому две пары зорких глаз внимательно обозревали гребень холма.

Прошло около часу. В селе где-то изредка тявкнет спросонья собака, как будто для того, чтобы лишний раз подчеркнуть спокойное молчание ночи. Даже сверчки, казалось, уставши, прекратили свой вечерний концерт.

Вдруг, на фоне неба на дороге ясно обрисовались фигуры двух людей.

— „Видите?", прошептал вольноопределяющийся артиллеристу: „дергайте за шнур!"

— „Да что вы с ума сошли — их же двое — по двоим 48-линейной бомбой?" также шепотом, но возмущенно, ответил артиллерист.

— „Ведь это красные, дальше может быть больше!"

— „Оставайтесь здесь около орудия, и, если нужно, дергайте за шнур, а с этими двумя я постараюсь покончить сам — иду вперед".

С этими словами артиллерист вынул из кабуры свой унтер-офицерский наган, взвел курок и направился к ольховым кустам и мостику. Его уверенность успокоила вольноопределяющегося.

Две фигуры продолжали некоторое время дальше стоять на вершине дороги. Всё внизу было в тени — им не видно было ни орудие, ни движение людей. Потом, они начали спускаться к мостику. Глаза артиллериста привыкли к темноте и он следил за приближавшимися. Теперь он различал за плечами идущих винтовки. В случае столкновения перевес был всегда за винтовками, но на стороне добровольца была внезапность. До людей оставалось шагов десять. Может быть, пока у них винтовки за плечами, а у него револьвер на взводе, надо использовать преимущество неожиданности? Но, повинуясь внутреннему голосу, он не сделал этого. Подождал, когда они подошли еще ближе. Подняв револьвер, приглушенно, может быть такой отзвук был в овраге, он остановил их со словами:

— „Стой! Кто идёт?"

— „Свои!"

— „Кто свои?"

— „Свои, товарищи, 116-го советского стрелкового! А вы какой части?"

— „Третьяго Корниловского Ударного!" услышал он за спиной крик пехотинца.

— „Бросай винтовки!" окриком прервал он его.

С металлическим лязгом, стукаясь одна о другую, почти к его ногам упали две винтовки.

— „Ну, идём!"

— „Мы мобилизованные. Нас послали в связь, думали, что здесь наши".

— „Не бойсь земляки — идём! Ничего вам не будет!"

И артиллерист спрятал в кабуру свой револьвер. Вольноопределяющийся забрал пленных и повёл их к командиру заставы. Артиллерист вернулся к ручейку, взял обе винтовки и, принеся их, положил их около лафета. Опять безмолвие ночи охватило овраг.

Сидя на лафете он пристально всматривался в гребень холма.

II

Транспорт „Херсон" перегружен живым грузом, а настоящего груза-тяжести, которая заставляет океанский пароход сидеть глубоко и прочно в воде, — нет. Людской муравейник везде — на палубе, в трюмах, в корридорах.

Корабль то накренится на одну сторону, капитан кричит в рупор:

— „Всем перейти на правый борт".

Как ванька-встанька корабль выравнивается и начинает крениться в противоположную сторону.

— „Перейти всем на левый борт!" с нотками отчаяния в голосе, взывает капитан.

Недавно скрылся для глаз Севастополь. Но у всех в глазах: освещенная солнцем Графская пристань, широкая сходящая к морю лестница, высокого роста Главнокомандующий, на катере подъехавший к остающейся толпе, и громкий крик „ура" тех, что оставались.

Артиллерийский подпоручик Н. сейчас на корабле в офицерском карауле. Их немного офицеров, отобранных начальником дивизии, генералом Туркулом, нести караульную службу. Сейчас винтовки у них сложены, а сам он лежит на койке, погруженный в свои невеселые размышления. Туркул сам входит в караульное помещение. Раздается команда:

— „, Господа офицеры!"

Туркул обращается к караульному начальнику:

— „В машинном отделении начался пожар. Нужно предотвратить всякую панику на пароходе. Иначе корабль может опрокинуться. Главное не выпускать людей на палубу из трюмов. Выставить караул по всем трапам, чтобы могли спокойно тушить пожар".

Н. стоит на узком трапе, ведущем на палубу. Уже несколько раз люди из трюма пытаются пробраться на палубу.

— „Приказ генерала Туркула никого наверх не пропускать!"

В какие то щели дым проникает в трюм.

— „Пожар на пароходе! Пропустите поручик!"

— „Приказ начальника дивизии никого не пропускать!"

Перед ним изможденное лицо пехотного офицера. Чернильным карандашом отмечены звездочки на погонах. Глаза горят взглядом измученного, теряющего самообладание человека.

— „Поручик! Последний раз говорю вам пропустите! Корабль горит!"

Он видит, как обезумевший офицер вытягивает револьвер и наводит на него. Черное отверстие дула. Воспаленные глаза человека, замученного, затравленного.

Он стоит выше его. Сильнее, моложе. Дан приказ. Ему грозят оружием. Он вправе, он обязан применить свое право. Это так легко. В руках его винтовка с примкнутым штыком. Быстрый, как миг, удар штыком или разбивающий, дробящий все кости удар прикладом сверху. Он в порядке. Он часовой. И не будет этого черного, зловещего отверстия

дула и этих безумных глаз. Одно только короткое мгновение или глупый конец.

Но что то властно удерживает его, он наклоняется вперед навстречу к нагану:

— „Опомнитесь! Вы офицер!"

Вряд ли эти слова, а две крепких руки, которые ухватили сзади за локоть пехотинца, заставили руку с наганом опуститься и револьвер с шумом упал на металлический пол. Кто то из его же боевых товарищей подоспел во время и предотвратил кровопролитие.

Минут через пятнадцать караульный начальник снимал разставленные на корабле посты — пожар в машинном отделении был потушен. Там загорелась пакля.

Опасения саботажа, дым валивший из отделения машин, возможность расширения пожара на перегруженном корабле среди открытого моря, всё это осталось где то позади в памяти, как эти страшные годы отчаянных попыток спасти Россию от красного гнёта.

Они встретились позже в Галлиполи. К артиллеристу подошел пехотинец.

— „Знаете, поручик, я вас тогда чуть не застрелил".

— „Чуть чуть не считается, господин штабс — капитан, а я вам чуть не проломил головы прикладом".

Оба засмеялись и крепко пожали друг другу руки.

●

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НЕУДАЧИ.

В 1921-ом году мы сидели интернированными в Галлиполи. Дроздовский гаубичный дивизион был сведен в одну батарею и помещался в большой палатке. „Женатики" — так мы называли женатых офицеров, которым удалось вывести жен, жили в отдельных малых палатках. Удел потерпевших неудачу, вообще, малопривлекательный.

Начальство, с генералом Кутеповым во главе, делало всё возможное, чтобы поддержать дух частей. Шли занятия, возстанавливали в памяти уставы, вспоминали теорию артиллерийского дела, процветал футбол и т. д.

Самодеятельность проявлялась в издании журналов. У нас в дивизионе выходил юмористический журнал „Лепта Артиллериста". Начальство решило, что не мешает написать историю бригады. Отдельным офицером, участникам боев, были розданы темы и многие из нас погрузились в литературную деятельность. Была назначена и редакционная коллегия из штаб-офицеров. Мне дали написать: „Перекопский бой 25-26 мая 1920 г." и „Бой под Богодуховым летом 1919 г."

С энтузиазмом взялся за писание. Писали мы в длинные зимние вечера, при свете фитилька, горевшего в банке от консервов, наполненной кокосовым маслом. Писательское воодушевление — энтузиазм творчества были на очень высоком уровне и, безусловно, превосходили литературные дарования.

В обоих боях, будучи еще солдатом добровольцем — наводчиком орудия, я не мог иметь широкого горизонта и наблюдать ход всей операции. Поэтому описывал возможно точнее то, что видел и в чем принимал участие. Насколько припоминаю, мною было дано довольно точное воспроизведение картины этих боев.

Писательская трагедия началась позже, когда со своими творениями я предстал пред строгим представителем редакционной коллегии полковником Ниловым. Прочтя мое произведение, относящееся к Богодуховскому сражению, полковник строго вопросил:

— „Поручик, а что же это у вас обозначает: „слева от нас начался драп якутцев"? Вы могли бы написать „на левом фланге начали отход или был отведён, под натиском противника, якутский полк".

— „Г-н полковник, да их никто не отводил, некому было, они просто удирали".

— „Слушайте, поручик, так нельзя, а вот, например, при описании второго дня Перекопского боя, когда под селением Владимировка дроздовцы сбросили латышскую дивизию в Сиваши, вы пишете: „Когда батарея подходила к Сивашу, там копошилось несколько тысяч человек". Поймите же", голос полковника повысился; „что копошиться могут только вши, но не в коем случае войска, хотя бы и противника! Ваши отрывки не подходят!"

Повышенный, безапелляционный тон полковника показывал, что всякая дальнейшая дискуссия и борьба за „реалистическое" описание боев безнадежны. Я молча взял свои произведения, произнес покорно „Слушаюсь!" и вышел из палатки.

Было темно, вдали завывали шакалы и шумело море. Поручик Вадковский, сидя на корточках около костра, сложенного из пучков колючей галлиполийской травы, варил суп в большой консервной банке. За день перед этим мы наловили с ним черепах, а теперь они пошли на ужин. Я подошел к костру и мрачно погрузил свои рукописи в огонь.

— „Что ты делаешь?"

— „Видишь, сжигаю свое писание".

— „Положим это твое дело. Хорошему писателю так и полагается — помнишь Гоголя. Он только в конце своей карьеры этим занялся, а ты уже с первых шагов", добродушно пошутил Вадковский.

— „Смотри!" продолжал он: „суп уже готов, хотя дымком и отдает. Приноси свою ложку".

•

ПЕСНИ.

Бедная, бедная, что тебя бросило
В быстрые волны реки? и т. д.

Как сейчас помню приоткрытые двери теплушек. С Кубани в Донецкий Бассейн перебрасываются части 3-ьей пехотной дивизии Добровольческой Армии, а слышно всё это заунывное, щемящее. Или еще:

Чуть звезды зажгутся над спящей долиною
Там, где течет Тихий Дон,
Банды „товарищей" бьются в равнине,
Льется там братская кровь.

Чтож вы, товарищи, дерзко и нагло
Взялись Россию губить,
Бог же сказал нам, что все люди братья,
И нам велел всех любить...

Кто, когда сочинил и напел эту несовсем складную песню? В какой станице ее сложили?

Как то спрашивал первопоходников:

— „Помните эту песню?"

— „Конечно, помню".

— „А помните, чтобы ее пели в Крыму в 20 г.?"

— „Нет не слышал".

И я не слышал.. Был какой то период, когда пели, а потом перестали.

Но есть и такия, которые пели всё время:

Мы смело в бой пойдем
За Русь Святую
И, как один, прольем
Кровь молодую.

Вот и окопы,
Трещат пулеметы,
Но их не боятся
Ддоздовского (Корнилова) роты.

Может быть ни у одного народа песня не имеет такого значения, как у народа русского. Нет на Руси памятников, высеченных из камня — сфинксов и пирамид Египта, нет

прекрасных изваяний древней Греции, нет устремленных к небу готических соборов Западной Европы. Русь — бревенчатая на севере, а мазанки на юге. Да и не могло быть иначе. Слишком много нашествий, разрушений перенесла страна без природных рубежей на протяжении своего исторического пути. Одно, в чем народ всегда выражал свои мысли и чувства, была песня, то бодрая, захватывающая своей живостью, но чаще заунывная, печальная, хватающая за душу.

Каждая эпоха имеет свои песни и в них она отражается. Я ограничусь песнями белого стана на Юге России в годы гражданской войны и только теми, которые мне сохранила память.

Песни были разнообразны, как разнороден был и состав белых сил. Донцы пели свои донские, кубанцы-свои, добровольцы, собравшиеся на Дон почти со всех концов России, — свои. Были и общие всем. „Варяга" („Плещут холодныя волны") пели одинаково во время первой великой войны, во время гражданской и даже во время последней войны.

У Блока есть стихотворение, как грузился эшелон в германскую войну:

Одни запевали „Варяга".
Другие, не в тон, „Ермака"...

Особенно много говорили русскому сердцу заключительные слова песни:

Миру всему передайте, чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдалися, пали за русскую честь.

Пели добровольцы „Бородино", „Вещего Олега" „Взвейтесь соколы" и другие песни, принесенные с собой на Тихий Дон и Родную Кубань.

В частях Дроздовской Дивизии пелся Дроздовский Марш:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес он свой тяжелый долг.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой он верил твердо,
Что он родину спасет.

Ведал он, что Русь Святая
Изнывает под ярмом,
Словно свечка догорая,

Угасает с каждым днём и т. д.

Корниловский марш перекликался с дроздовским словами:

Верим мы близка развязка
с чарами врага,
И спадёт с очей повязка
у Руси тогда.

Пусть кругом одно глумленье,
Клевета и гнёт,
Нас корниловцев презренье
Черни не убьет и т. д.

В Дроздовском полку пели о погибшем под Белой Глиной полковнике Жебраке, командире полка:

Вот перед нашим отрядом
Взвился Андреевский стяг,
Вынул палаш пред парадом
Славный полковник Жебрак.

Вот он по фронту шагает,
Нашу обходит семью,
Сильно, заметно хромает —
Был он поранен в бою.

Крест его грудь украшает,
Крест, то символ храбрецов,
Взгляд его нас провожает,
Верим ему мы без слов.

В бой он ходил с нами вместе,
Пулям не кланялся он,
В самом решительном месте
Он появлялся верхом.

Храбрость его погубила,
Храбрость та дерзка была,
Вражая пуля лишила
Нас командира полка и т. д.

Была и дроздовская боевая, которую пели больше всего в первом полку:

Вперед, дроздовцы удалые,
Вперед без страха,
С нами Бог! и т. д.

В Крыму появилась, написанная, кажется, Виноградовым:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В дни веселого, светлого мая
Потянулись на север дрозды и т. д.

Но самой типичной для крымского периода войны была, без всякого сомнения, общая для всех частей песня:

Не плачь о нас Святая Русь,
Не надо слёз, не надо,
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.

Не плачьте матери, отцы,
Не плачьте жены, дети,
За благо Родины своей
Забудем всё на свете.

В нас дух отцов богатырей,
А дело наше право,
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Пуст свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед —
Мы русские солдаты.

Вперед же, братцы, на врага,
Вперед полки лихие!
Господь за нас, мы победим,
Да здравствует Россия!

В Галлиполи были и несколько иные песни. Учебной командой Дроздовского полка (дивизия была сведена в полк) командовал полковник Владимир Переслени. Строевик он был безподобный. Окончив фельдфебелем лучшее по пехотному строю Павловское училище, из нашей батареи в Крыму он перешел в пехоту и получил у Манштейна в третьем полку офицерскую роту. В Северной Таврии был ранен тяжело в ногу осколками снаряда. Ходил, слегка прихрамывая. Обладал тембром голоса идеальным для командования и также был великим любителем пения. Учебная команда была у него вымуштрована замечательно и, маршируя, пела

всякие воинственные песни. Научил он их петь под ногу «Тореодора». Ария известна всем из оперы «Кармен».

Тореодор, арена ждет тебя,
Тысячи глаз жадно глядят и т. д.

Идём мы раз с, покойным теперь, поручиком Вадковским и показалось нам, что солдаты как то странно арену произносят. Встретив вечером одного из солдат учебной команды, Вадковский спрашивает:

— „Что вы там пели сегодня?"

— „Тореодора, господин поручик".

— „А какие там слова?'"

— „Тореодор, арина ждёт тебя".

— „А что это за арина?"

— „Так, что, известное дело, баба, господин поручик".

— „Ну, вот я так и думал", — подмигнул мне Вадковский.

•

ТЕНИ ПРОШЛОГО.

Он приоткрыл глаза. Над дверью висело тёмное Распятие. Ему казалось, что там два Распятия — одно наклонившееся к другому. Попрежнему чувствовал боль в голове, как будто муравьи бегали под черепной коробкой. Потом всё опять смешалось, поплыло. Больной впал в беспамятство.

Тогда выступили образы далекого прошлого. Кажется ему, что он в степи. Яркое южное солнце. Стоит около орудия. Слева построившаяся пехота с ружьём к ноге. Загорелые лица сосредоточены, глаза устремлены вперед. Всё пространство степи впереди заполнено быстро движущейся к ним массой скачущей конницы. Отчетливо уже видны фигуры отдельных всадников, слышен наростающий гул, в который сливается топот тысяч копыт о высохшую землю. В руках всадников, играя на солнце сверкают обнаженные клинки.

— „Почему же мы не открываем огня?" думает он.

— „Огонь открыть только после залпа пехоты", слышит он приказ командира.

Молча, впившись глазами в приближающуюся конницу, замерли на тачанках пулемётчики, держа в руках ручки тяжелых пулемётов. Свешиваются вставленные ленты.

Поразительный контраст — этот шумящий, волнующийся, быстро надвигающийся вал всадников и молчаливо застывшая в напряжении пехота с орудиями между ротами.

Вот, наконец, командир офицерской роты резким голосом подает команду:

— „По кавалерии... рота...“

Как машина, словно движением одного человека, одновременно поднимаются винтовки.

— „Отставить!“ подает опять команду командир роты.

Ружья опускаются к ноге. С каждой секундой расстояние между ними и кавалерией уменьшается.

„Да, что же они с ума сошли?“ мелькает мысль: „ведь еще несколько минут и мы все будем сметены этой несущейся, неудержимой лавиной“.

Он смотрит на пехоту, видит их стиснутые зубы и напряжение в каждом мускуле молодых лиц.

— „Рота... пли!“

Короткий, отрывистый, только более громкий, чем одиночный, выстрел. Сейчас же, захлёбываясь, подхватывают пулемёты. Он хватает за шнур давно наведённого орудия. Дождь картечи несется навстречу всадникам. Впереди ничего не видно от поднявшейся пыли.

— „Бомбы без замедлителя!“ кричит старший офицер.

— „Есть! бомба без замедлителя!“ отвечает заряжающий номер.

Наводить в панораму занятие бесполезное. Он смотрит через щит и только рукой показывает „хоботовому“ номеру поворот и сейчас же опять и опять дёргает за шнур. Около колеса, слева, проскакивает серый конь с болтающимися стременами — без всадника. Впереди пыль немного расходится и видна сплошная тёмная масса лежащих коней и людей. Конница откатывается по степи, как откатываются волны, ударившись о каменистый утёс.

Меняет прицел. В это время слышит над ухом голос старшего офицера:

— „По броневику, справа, прицел тот же. Огонь!“

Наклоняется к панораме. Отчетливо видит двигающуюся серо-зеленую бронемашину. Можно прочесть надпись красной краской около красной звезды: „Вперёд! За красный Крым!“ Наводит тщательно, пока красная звезда не попадает в перекрестья панорамы. Быстро дёргает за шнур. Видно, как снаряд небольшим недолётом разрывается перед самой бронемашиной. Пулемётный огонь броневика обрывается. Он поворачивается и дает полный ход назад. Исчезает в балке.

На этот раз атака отбита. Чувствует песок на зубах.

Но вот опять из балки немного правее показывается новая конная лава.

— „Снарядов!“ кричит он, полуобернувшись назад: „скорей снарядов!“

— „Что вам надо?“ слышит над собой мелодичный женский голос.

Открывает с трудом глаза и видит обрамлённое белой накрахмаленной косынкой молодое лицо наклонившейся над ним католической монахини. А за ней, на белой стене над дверью, чернеет Распятие. Сёстры-монашки обслуживают госпиталь старинного польского города. Сестра поправляет повязку на его голове.

— „Успокойтесь! А что вы так кричали — снарядов, снарядов?“

— „Ничего, сестра“, отвечает он, постепенно возвращаясь к сознанию.

Выбеленная комната, столик около постели, а во рту всё еще кажется на губах песок далёкой Таврии.

На стене черное Распятие.

•

„СПИТЕ ОРЛЫ БОЕВЫЕ“.

Были ошибки, были увлечения, были даже преступления. Не приходится утверждать, что участники Белой Борьбы всегда были в белоснежных одеждах рыцарей, но было одно общее для всех них, начиная с тех, кто носил генеральские погоны, и кончая теми, на рукаве которых был только шеврон рядового добровольца. Это было священное горение и решимость отдать Родине всё, что у них было — свою жизнь.

Своей кровью и жертвенным порывом они навсегда сняли с русского народа в целом обвинение в коммунизме. Будучи сами нераздельной, составной частью этого народа, они выступили на борьбу с красной неволей и, если и пали в этой борьбе или должны были покинуть пределы своей страны, то всё же до конца несли тот светоч Русской Правды, который зажгли генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Дроздовский, Деникин, Врангель на юге, адмирал Колчак и генерал Каппель на востоке, генерал Миллер на севере и генерал Юденич на западе Российской Земли. Унесли его с собой в безвестную могилу в степном ковыле или в далекое изгнание.

Долина роз тянется вдоль невысоких гор, поросших кустарником, к морю. Недалеко городок Галлиполи. Необычные поселенцы обосновались в этой долине. Правильными рядами стоят белые длинные палатки, между ними белеют малые. Передние линейки расчищены и посыпаны песком. В центре расположения частей стоят под навесом полковые знамёна. Замерший часовой около них.

В дальнейшем этих людей ждёт неизвестность. Некоторые не выдержали ожидания и, под влиянием организованной агитации, в которой соперничали отечественные пораженцы социалистических толков и представители командования союзников, перешли на „беженское положение", отказываясь от общности с теми, кто всё еще стоял, тесно сплотившись около своих знамён и командиров.

Но всё это наступило позже, когда настало жаркое время. Трава, зазеленевшая ранней весной, выгорела. Появились трещины в высохшей земле. Быстро облетели цветы дикого шиповника, и вся долина роз, выжженная солнцем, приняла унылый вид. С такой же желтоватой шерстью, как и выгоревшая трава или обнажившаяся земля, бродили на некотором разстоянии от лагеря шакалы, оглушавшие тихие ночи своим воем и тявканьем, ставшим для обитателей лагеря знакомой музыкой.

Зимой же все они были еще вместе. В начале января была панихида по генерале Дроздовском и по павшим воинам. Войска были построены четыреугольником на ровном пространстве за лагерем. Служили полковые священники, которые участвовали со своими частями во всех походах. Пел многочисленный и прекрасно спевшийся хор молодых, сильных голосов. К синему, безоблачному небу поднимался дымок курящегося ладана и вместе с ним молитвы людей, оторванных от близких и Родины.

Когда же прозвучали вдохновенные слова панихиды, то мысли всех потянулись туда, где навсегда остались лежать боевые товарищи, шедшие на борьбу с тем же порывом, который воодушевлял и этих, оставшихся в живых. Только слепая судьба предназначила одним смерть, а другим изгнание.

По окончании панихиды наступила тишина. Всё еще дымились кадила, всё еще стояло на месте духовенство. Хор запел:

Спите орлы боевые,
Спите спокойны душой,
Вы заслужили родные
Славу и вечный покой.

Широкими, торжественными звуками эта песня наполнила долину... а высоко в небе, над стоящими в строю людьми, медленными кругами, не шевеля длинными крыльями, парило несколько могучих орлов.

◇◇

Георгий Александровский.

НА ПОЛЯХ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

Вместо предисловия.

Автор ниже помещаемых очерков не принадлежал к личному составу седьмой гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады. Будучи морским офицером, он тем не менее сражался в составе офицерской роты Третьего Дроздовского полка на полях и степях Северной Таврии летом 1920 года бок о бок с седьмой гаубичной батареей.

Батарея была придана по большую часть времени к третьему полку и обе части участвовали в одних и тех же боях. В очерках Димитрия Федоровича Пронина много места уделяется описанию действий пехоты, которые наблюдались им с боевого поста у орудия. Также и мы, в стрелковом полку, были свидетелями действий артиллеристов, бывших самыми верными нашими соратниками, бравотой которых мы многократно восхищались.

Кроме того, многие лица, упоминаемые в последующих очерках, перешли в Третий Дроздовский полк из личного состава батареи. Таким образом, эти очерки, написанные лицом, не принадлежавшим к личному составу батареи, дополняют рассказы Д. Ф. Пронина и восполняют дневник Н. Н. Ребикова, в котором описание действий батареи от 26-го июня до 28-го июля 1920 г. как раз случайно пропущено.

Автор вел дневник событий гражданской войны, который бережно хранил. К сожалению, этот дневник погиб в огне, когда за две недели до окончания второй мировой войны триста американских четырех-моторных бомбардировщиков бомбардировали и сожгли заводы Шкода в Пильзене в Чехословакии, на которых тогда служил автор этих строк. Как говорится, на чужом пиру — похмелье. За сорок прошедших со времени гражданской войны лет память уже не сохранила многих деталей пережитых событий и автор просит снисхождения читателей за возможные неточности в изложении описываемых событий.

ГАЛЬБШТАДТ.

Поля и степи Северной Таврии, простиравшиеся между Приазовской возвышенностью и Днепровскими плавнями, были местом упорных боев и глубокого маневра летом 1920 года.

После разгрома красного конного корпуса Жлобы, Третий Дроздовский полк стоял в Большом Токмаке или в Старом Мунтале и оттуда выступал обыкновенно ночью на подводах на Нижний Каркулак. Полк двигался в полной темноте в глубокой лощине, образованной речками Молочной или Каркулак, пересыхавшими на лето.

Дойдя до назначенного места, полк выгружался с подвод, поднимался влево на плато с расположенными на нем многочисленными немецкими колониями. Здесь полк шел в атаку на скопления красных войск, находясь под перекрестным огнем красных батарей. Наши бесподобные артиллеристы, в том числе 7-ой гаубичной батареи, выезжали на открытую позицию между цепями и своим метким огнем заставляли красные орудия замолчать. После этого они поворачивали свои орудия на клубы пыли, которые поднимали красные войска, и шли вперед вместе с пехотными цепями. К полудню, обыкновенно, сопротивление красных бывало сломлено, захвачены пленные, а разбитый противник спешно отступал. Эта операция повторялась несколько раз.

Кооперация между артиллеристами и дроздовскими стрелками была замечательной. Когда стрелки видели на поле невысокого, коренастого полковника, всегда ходившего без головного убора, то один его вид вселял в стрелках уверенность в верной поддержке со стороны артиллеристов. Этим полковником был командир 7-ой гаубичной батареи — Соловьев.

Иногда красным удавалось обмануть стрелковые дозоры и наблюдательные посты наших артиллеристов и, пользуясь складкой местности, неожиданно атаковать кавалерией наши пехотные цепи. Если цепи не успели во время сомкнуться, то солдаты, в прошлом взятые в плен красноармейцы, поддавались панике и несколько раз сдались, поставив тем полк в критическое положение. Из опасного положения выручала быстрая способность ориентироваться в боевой обстановке и решимость командира полка — безрукого генерал-майора Владимира Владимировича Манштейна, бросавшего в атаку для спасения положения своих пеших и конных разведчиков и, как последний резерв, — офицерскую роту. Иногда критическое положение возникало из за отсутствия снарядов к нашим английским орудиям, так как в это время Англия перекинулась в стан соглашателей и скрытых покровителей крайних революционных элементов, захвативших насилием власть над Россией.

Южное солнце немилосердно палило. Солнечные удары и припадки временного помешательства — были рядовым явлением. Воду было трудно достать. В Нижнем Каркулаке имелся всего лишь один колодец, из которого черпали мутную желтую воду. Для получения этой отвратной на вид и запах воды всегда стояла длинная очередь людей и лошадей.

— Что, Коля, — говорю я своему другу, такому же молодому морскому офицеру и состоявшему рядовым офицерской роты Третьего Дроздовского полка, как и я, — когда ты был боцманом на „Живом" (легендарный „белый" миноносец, который бесстрашно врывался в крымские порта летом 1919 года и освобождал их от коммунистической власти), то ты вряд ли бы согласился этой водой окатить палубу миноносца.

Коля, сын доблестного морского офицера, зверски убитого матросами осенью 1917 года, был на один год старше меня по классам в Морском Корпусе. Летом 1917 года за участие в минных постановках с легких катеров перед Босфором он был награжден двумя Георгиевскими крестами. Он отличался исключительной выдержкой и спокойствием, не покидавшим его при всех обстоятельствах. В силу этих своих качеств, он пользовался чрезвычайной популярностью среди своих товарищей. Более авторитетного лица для занятия боцманской должности на первом настоящем военном, надводном корабле Добровольческой Армии, укомплектованном офицерами, гардемаринами, кадетами и учащимися крымских средних учебных заведений, трудно было найти.

— Ты прав, Жорж, этой водой только размывать грязь, да ее еще — как кот наплакал. Ее вряд ли бы хватило не только для миноносца „Живого", но и для глисто-подобной „Утки", где ты был боцманом (Подводная лодка „Утка" имела большее водоизмещение, чем „Живой", но ее главный корпус находился всегда под водой, а над водой выступала только длинная и узкая надстройка).

Мы оба оставались почти единственными дроздовцами, которые не соблазнились напиться этой мутной воды.

— Эх вы, самотопы, — корили нас наши товарищи, сухопутные офицеры, — пусть вода и грязная, но зато в ней не утонешь, как у вас на море.

Примеры из русско-японской войны, когда наши корабли гибли в бою, исчезая под водой со всем экипажем, произвели в свое время сильное впечатление на жителей континентальной России, никогда не видавших моря. Однако риск пребывания в Дроздовском полку был куда более серьезнее опасности, которой подвергались моряки. Потери, которые нес полк, были исключительно большими и, вероятно, являлись одними из самых высоких в военной истории. Смерть ожидала на каждом шагу и в любую минуту. Пребывание

большинства офицеров в полку на позициях не превышало срока от двух недель до двух месяцев.

Были, конечно, исключения — вроде „безрукого черта", как прозывали красные нашего командира полка, генерал-майора Манштейна. В предыдущих боях он потерял левую руку вместе с плечом и генеральский погон свисал у него с левой стороны от шеи отвесно вниз. Ранение — страшное. Однако, на полях Северной Таврии ему невероятно везло и, немотря на постоянное пребывание в первой линии огня, он, кажется, остался невредим в течении всей кампании 1920 года.

Зато очень невезучим был его помощник, полковник Владимир Степанович Дрон, отличавшийся наравне с бесстрашием также внимательным и заботливым отношением ко всем окружающим. Пуля его умела найти почти немедленно после излечения предыдущего ранения и возвращения его в полк.

Помню свою встречу с ним в Севастополе, где мы оба лежали ранеными.

— Обещайте мне, что вы снова вернетесь в полк, — горячо убеждал он меня.

Ему удалось вернуться в полк еще до наступления трагического конца белой борьбы в России, но он вернулся только для того, чтобы стать последним командиром полка и найти свое последнее смертельное ранение и смерть с почти всем офицерским составом полка, защищая вход на последний клочек белой земли — Крым. Мое ранение оказалось более серьезным, и судьбой я был обережен от участия в этом последнем кровавом эпилоге белой борьбы.

Самые большие потери несли пешие и конные разведчики. Это была — прислуга на все. Их можно было приравнять к ломовым и при том исключительно верным лошадям. Пешими разведчиками командовал капитан Владимир Иосифович Коваленко. Бравый и спокойный офицер. Мы его называли — первым кандидатом на другой свет.

Офицерский состав стрелковых рот был следующей категорией, несшей большие потери.

Офицерская рота несла потери, главным образом, от артиллерийского огня, так как составляла резерв полка и бросалась в бой только, когда нужно было спасать положение. Обычно, появление офицерской роты создавало перелом в военном счастье и атака кончалась полным успехом с минимальными потерями роты от ружейного огня. После каждого боя из ее рядов переводились новые офицеры с рядовых должностей для занятия освободившихся офицерских вакансий в стрелковых ротах взамен убитых или раненых в бою. Таким образом офицерская рота являлась становым

хребтом, опираясь на который держались солдатские роты, укомплектованные бывшими красноармейцами, и кузницей офицерских кадров для этих рот.

Под жгучим солнцепеком, страдая от жажды, поливаемые сверху стальным дождем рвущихся шрапнелей, а когда нужно-идущие в штыковую атаку на прорвавшегося противника, со стертыми до открытых ран ногами, мы были в вечном движении, делая иной раз за сутки несколько десятков верст с боем. Таков был лик войны для офицерской роты на полях Северной Таврии.

И, вдруг, в полку разнеслась весть. Полк идет на отдых в Гальбштадт, в котором он уже один раз останавливался перед выступлением для разгрома корпуса Жлобы. Радость была всеобщей, но, как оказалось потом, — несколько преждевременной.

В Гальбштадте немцы, потомки старых швабов, сохранили язык, на котором говорили их предки 150 лет тому назад и который уже не сохранился в Германии. Они жили исключительно зажиточно.

Просторные кирпичные двухэтажные особняки, прекрасные сады, огромные сараи, заваленные всяческими земледельческими машинами и снаряжением; сотни голов скота. Колония в несколько десятков домов имеет собственный кирпичный и черепичный заводы. На несколько колоний — мельница и небольшой пивоваренный завод.

Внутри особняков — все удобства, вплоть до центрального отопления с радиаторами в комнатах. Пианино — в гостинных. Кровати с матрасами, в которых человек проваливался, с горой пуховых подушек и перин. Провести несколько дней с такими удобствами, это могло быть, действительно, настоящим отдыхом, но...

В Гальбштадте имелась просторная площадь, на которой, вероятно, устраивались ярмарки для скота. Теперь на ней с раннего утра до позднего вечера производились строевые учения. В мирное время, когда на военную службу приходили деревенские парни от сохи, такое учение являлось неотъемлемой частью подготовки призванных для выработки в них военной выправки и сноровки. Однако, когда подобный курс обучения проходит офицерская рота в порядке получения отдыха и восстановления своих физических сил после беспрерывных боев и длинных переходов, то цель такого „дриля" нам в то время была малопонятной и вызывала возмущение.

Тем не менее этот дриль вовсе не был бессмысленным. Состав офицерской роты был очень пестр. Были там офицеры с боевым стажем первой мировой войны, но несколько позабывших тонкости строевого учения — восстановление

этих тонкостей в их памяти не занимало много времени. Но были также офицеры тыловых служб и военные чиновники, никогда, вероятно, тонкостей строевого учения не проходивших. Им строевое учение давалось очень туго. Были молодые офицеры и юнкера, только что пришедшие из военных училищ и корпусов, как, например, автор этих строк, которым строевое учение давалось легко и просто. В результате эта молодежь лучше выполняла строгие требования командира роты капитана Владимира Переслени, чем уже несколько обрюзгшие офицеры старшего возраста или не обладавшие никакой военной выправкой военные чиновники. На учении они по-очереди заменяли начальников отделений и взводов и командовали всеми остальными, готовясь к занятию тех же должностей в солдатских ротах. Результат у многих был плачевный: они производили не те перестроения, какие были нужны, или отдавали неправильную команду. После нескольких замечаний, капитан Переслени потерял терпение и раздраженно приказал:

— Рота бегом — марш!

И вот, на большом плацу, офицерская рота начала бегать как какие-нибудь наказанные дети. Но рота состояла уже не из юношей, а в большинстве из людей пожилого возраста (когда зрелые мужчины в тридцать пять — сорок лет мне казались стариками). Солнце жгло немилосердно. Пыль, подымаемая бегущими ногами. В горле пересохло от жажды. Тяжелая винтовка давит плечо. Полное военное снаряжение отягчает пояс. Многие из „стариков" уже страдают одышкой или другими физическими пороками, по которым они были освобождены от отправки на фронт и были назначены в тыл. Лица у них красные, обливаются потом, глаза — на выкате. Видно, что бегут из последних сил. Вид у них был жалкий и... для физически развитого и спортивно воспитанного 18-летнего юноши, каким был я тогда — смешной. Невольно на моем лице заиграла улыбка.

— Рота стой! — неожиданно раздалась команда Переслени.

Еще под свежим впечатлением смешного и жалкого вида, каким представились мне наши „старики" во время бега, я запоздал проглотить свою улыбку, как рота, точно вкопанная, остановилась.

— Подпоручик Александровский, что за смех в строю? — раздался взбешенный голос Переслени: — Два шага вперед, марш!

Отпечатал два шага и замер.

— Капитан (такой-то) и поручик (имя рек), возьмите у подпоручика Александровского винтовку и отведите его на гауптвахту!

Сдал винтовку, круто по приказанию повернулся и, под конвоем двух часовых, перед фронтом всего полка, через всю площадь меня повели на гауптвахту.

Гауптвахтой оказалась какая-то комната на чердаке одного из домов колонии. Поместили меня туда и заперли дверь на ключ. Перед дверью стал часовой. Надо признаться, что настроение у меня в этот момент было кислое. На фронте не любят церемониться. Возиться с арестованным нет ни времени, ни людей для охраны. Виноват — расстрелять и все тут.

Прошло несколько часов сидения. Жара начала спадать. Время клонилось к вечеру. Ключ в дверях заскрипел. В комнату вошел Переслени. Приготовился получить разнос и головомойку.

— Что же это вы, батенька, задумали смеяться в строю?.. Я вас вполне понимаю: удержаться от смеха при виде бегающих старичков было трудно и мне, но не подал виду. Строй есть строй. Я понимаю, что вы еще молоды и вам было труднее сдержаться, чем мне. Но вперед — вам наука. Отсидели несколько часов и баста. Возвращайтесь в роту и постарайтесь больше уже не смеяться в строю. Идет? — хлопнув по плечу, он слегка меня подтолкнул и рассмеялся над счастливым видом человека, совершенно не ожидавшего такого поворота событий.

●

КАМЫШУВАХА.

После длиного и утомительного перехода, чередующегося с тяжелыми боями, полк разместился на ночь вдоль канавы, с левой стороны пыльной дороги, уходящей от Орехова на север к Александровску. Усталые люди, как сошли с дороги, так и повалились на сырую землю. Мокрые от пота рубашки прилипли к телу и в наступившем ночном холоду жгут его раскаленными угольками. Прикрыться нечем — ни одеял, ни шинелей. Полковой обоз остался далеко позади. Зубы стучат мелкой дробью, тело дрожит в лихорадке, но безумная усталость сильнее и тяжелый сон сковывает веки.

Сон перелистывает страницы только-что начинающейся жизни вспять. Снится, что спишь не на твердой, холодной и грязной земле, а на белоснежной простыне, покрывающей теплую и удобную койку в ротной спальне Морского Корпуса в Петербурге. Горнист играет побудку. Продираешь глаза и рука тянется к аккуратно сложенному чистому белью на табурете в ногах у постели. Летишь в умывалку. Окатываешься холодной водой до пояса. Накидываешь морскую форму, на которую еще не перестал смотреть влюбленными

глазами. Расправляешь складки и перетягиваешь стройный мальчишеский стан поясом.

Становимся в строй. Утренная молитва. Каптенармус раздает свежие платки. Звучный голос фельдфебеля, сына морского министра — адмирала Вердеревского, направляет роту по длинным корридорам мимо стен, овешенных огромными портретами в тяжелых рамах. Наши знаменитые предшественники, пронесшие славу Андреевского флага по всем морям и океанам земного шара за двухсотлетнюю историю Российского Императорского Флага, строго смотрят на нас, желторотых юнцев, из этих рам. Отдельные роты почти одновременно вступают в Столовый Зал, появляясь из разных дверей.

Этот зал — самый большой в Петербурге. Да и, наверно, во всей России. Потолок подвешен на тяжелых якорных канатах. Когда баталион гардемарин и кадет выстраивается в нем, то занимает только пол-зала, а другая половина остается свободной для прохождения баталиона по-взводно и по-ротно церемониальным маршем. Высокие белые стены сплошь покрыты белыми мраморными досками с вписанными золотыми буквами именами питомцев корпуса — георгиевских кавалеров. У передней стены, посредине зала высится высокая медная статуя Основателя первого светского учебного заведения в России — Петра Великого, принадлежащая резцу скульптора Антокольского. В глубине зала с распущенными белыми парусами стоит модель славного брига „Меркурий", в половину натуральной величены.

По блестящему паркету проходят стройные ряды темно-синих галанок и выпущенных голубых воротников форменок. Команда — „Смирно! На молитву!" Из тысячи молодых глоток несутся в высь бархатные тона торжественной молитвы:

Очи всех на Тя, Господи, уповают...

Всматриваюсь в своих однокошников. Какия знакомые и симпатичные лица. Среди них мне бросается в глаза нежное, зардевшееся от румянца, как у красной девицы, лицо всеобщего любимца нашей роты и всего корпуса — Жоржа Терехова. Он перешел в Морской Корпус из Киевского Владимирского Корпуса. Прошло три года гражданской войны. И вдруг из какого то провала памяти встает, как живое, перед моими глазами это милое, чистое лицо.

Открываю глаза.... На востоке небо начинает светлеть. Стоит предразсветный туман. Вместо размерной поступи стройных рот по паркету Столового Зала Морского Корпуса раздается нестройный, путанный топот конских подков. По дороге в клубах пыли проходит на север конница генерала Барбовича.

В голове стоит передо мною лицо Жоржа Терехова, которое каким-то таинственным роком выплыло передо мною во сне после трех-летней разлуки, выделенное из длинной галлереи лиц, которые пришлось повстречать за три года скитаний в гражданской войне.

Кавалерия проходит по три всадника в ряд. Ряд за рядом, взвод за взводом, эскадрон за эскадроном, полк за полком. Всматриваюсь невидящими глазами в лица всадников. Взгляд проскользывает по заспанным лицам, не оставляя отпечатка в памяти. И вдруг взор остановился, сначала не реагируя, на молодом лице всадника в серой солдатской шинели, затем точно блеск молнии промелкнул в голове. Да, ведь-же, это — Жорж Терехов! Никогда бы его не узнал, если бы его лицо не приснилось только-что во сне.

— Жорж, — кричу я.

— Жорж, — раздается в ответ (мы были тезки), и всадник с юным лицом подлетает ко мне: — Какими судьбами? Ты — Дроздовец?

— Да, — отвечаю я: — а ты?

— Вольно-определяющийся 9-го уланского Бугского полка, которым командуют мой дядя. Ну, ты прости меня, мне нельзя отстать от полка. Теперь мы знаем, где друг друга искать, и при первой возможности встретимся и поговорим обо всем подробно... — прервал он разговор и поскакал догонять свою часть.

Опять всадники идут за всадниками.

Серый предразсветный свет. Серые шинели, серые пыльные лица, облако пыли стоит над дорогой, а всадники все идут и идут...

После тяжелого боевого дня очутился на площади большого села Камышуваха. На площади расположилась конница. Солдаты кормят лошадей, любовно похлопывая их по крепкому заду. Подхожу к ним и спрашиваю:

— Какого полка?

— Девятого уланского Бугского, господин подпоручик.

— А вольноопределяющегося Терехова знаете?

— А вы ему кем будете?

-- Я — его товарищ по школе.

Солдаты замялись, лица потемнели, потупили глаза...

— Нету уже больше Терехова. Утром его послали вместе с четырьмя другими в разведку. Дозор сняли красные. Командир полка повел полк в атаку, чтобы их отбить. Во время атаки командир был убит, но дозор не отбили...

„Боже мой — какая ужасная судьба. Вот и не встретились! Бедный Жорж, что сделают с ним большевики?” — мысль за мыслью проносятся в моей голове. Благодарю сол-

дат за печальные новости и отхожу. Наполненный душевной болью за своего жизнерадостного, так неожиданно встреченного и так быстро потерянного товарища, приближаюсь к школе, где разместился штаб генерала Барбовича. На веранде происходит допрос пленных. Разсказывают о захваченных утром пяти белых кавалеристах. Красные их расстреляли...

„Упокой, Господи, душу новопреставленного воина Георгия", молюсь я, вытирая навернувшуюся на глаза слезу. Стыжусь за проявление этой душевной слабости, но, слава Богу, темно и никто моих слез не видит.

„Так и не удалось еще раз встретиться на этом свете", мысли текут дальше: „Но какая странная судьба. Видно, ей было угодно, чтобы я увидел Терехова во сне и встретился, когда ему оставалось жить на этом свете всего несколько часов, и чтобы весть о его безвременной кончине дошла до его друзей".

Утром наш полк покидает деревню и отходит назад по направлению к нашему фронту. Очевидно, хождение Третьего Дроздовского полка вместе с нашей конницей по красным тылам приходит к концу. Однако, мы не отошли далеко и остановились на холмах, возвышающихся над деревней. Роты лежат в цепи. Снизу на нас, от деревни, идут красные цепи. Но под нашим огнем залегают, а потом откатываются назад. Несколько раз за день ходила красная пехота в атаку, но безрезультатно. Наконец, залегла, наполовину поднявшись на наши бугры. „Мало приятное соседство будет на ночь", думается нам.

Солнце склоняется к горизонту. День подходит к концу. Вдруг откуда-то со стороны появляется эскадрилья аэропланов. Чьи они, наши или чужие? Над нашей головой они начинают снижаться. Затем летят от нас в сторону красных бреющим полетом. „Ура, это — наши!" От аэропланов отделяются бомбы и начинают рваться в расположении красных цепей. Среди коммунистов — паника. Их цепи подымаются и бегут вниз, к деревне. С воодушевленными криками „ура" наш полк бросается в атаку на красных, вышибает их из села и отбрасывает далеко, по другую сторону от села. Выставив ночные дозоры, полк поздним вечером получает пищу и проводит в селе вторую ночь.

Однако в селе находится только наш полк. Наша конница куда-то ушла. Первый Дроздовский полк вел тяжелые бои с бригадой красных курсантов справа от нас, под Ореховым. Генерал Туркул в книге „Дроздовцы в огне" пишет: „Конные лавы генерала Барбовича появились из Камышувахи. Наша кавалерия напала там на бригаду за день до того, раз-

битую под Ореховым...” Очевидно, наша конница была брошена на подмогу первому полку, сдерживавшему наступление красных на нашем правом фланге. Прикрывать левый фланг остался только наш полк. А к красным, повидимому, подошли подкрепления и с левого фланга, со стороны Синельниково.

На утро мы снова покинули Камышуваху и снова заняли наши позиции на буграх южнее села. Красные цепи занимают село, обходят его и снова идут в атаку на нас. Недойдя до нас, залегают. Несколько раз снова бросаются в атаку, но безрезультатно.

К вечеру снова появляются наши аэропланы. Приветствуем их веселыми криками, но вряд ли летчики из за шума моторов слышали наши крики. Радостно сознавать, что мы не забыты, что где то там в штабе Армии о нас думают и посылают посильную подмогу.

Вот это она — современная война. Летчики безстрашно снижаются и между красными цепями снова рвутся метко сброшенные бомбы. С криками „ура” снова идем в атаку, снова опрокидываем красных, загоняем их далеко за село, получаем наш поздний обед и в третий раз проводим ночь в этом злополучном селе.

На утро третьего дня опять возвращаемся на наши насиженные бугры. Но на этот раз слево от нас наблюдается на горизонте большое скопление красных войск. Опасность не впереди, а со стороны. Роты лежат в цепи, обращенной на все четыре стороны. В интервалах между ротами притаились жерлы орудий.

На горизонте поднимаются к небу клубы пыли. Доносятся звуки отдаленной канонады. У нас — полное молчание.

Вдруг скопление людских масс на горизонте стало принимать более отчетливые формы и увеличиваться в размерах. Очевидно, красные подтянули резервы и выделили дополнительные силы — покончить с нами.

Отдан приказ — ротам сомкнуться и приготовиться к отражению кавалерийской атаки.

Безформенная волнующаяся масса удлиняется и уже занимает всю линiю горизонта. Из общей массы начинают выделяться отдельные фигуры. Эти фигуры превращаются во всадников. Можно различить лошадей и сидящих на них людей. На всадниках, скачущих в первом ряду, вырисовываются лица. Размеры всадников быстро растут и уже видны движения их рук. У нас попрежнему — гробовое молчанiе.

Очевидно, что Димитрий Федорович Пронин был участником того же самого сражения и, наверно, его четвертое орудие седьмой гаубичной батареи стояло где-то бок о бок с нами, так как это был командир офицерской роты, капитан Переслени, который в этот момент, как вспоминает

Димитрий Федорович лежа много позднее в польском госпитале и находясь в бреду, скомандовал:

— „По кавалерии... рота..."

„ Как машина, славно движением одного человека, одновременно подымаются винтовки".

— „Отставить!" — подает опять команду командир роты".

„Ружья опускаются к ноге. С каждой секундой расстояние между нами и кавалерией уменьшается..."

„Да, что же они с ума сошли?" мелькает мысль у Пронина: „ведь еще несколько минут и мы все будем сметены этой несущейся, неудержимой лавиной".

Это была лихая бравота, но бравота намеренная и имевшая большое психологическое действие на стрелков. Мы, стоявшие в сомкнутом строю, представляли собою маленький остров, стоявший на пути бушующего моря огромной конной массы, быстро приближавшейся к нам и готовой нас затопить своим чисельным перевесом. Красная лава подобно огромному удаву, способному загипнотизировать крохотного кролика, своей подавляющей массой действовала и на нас. Отставленное приказание Перeслени как бы разбудило и вывело нас из этого оцепенения, навеянного динамичной подвижностью и размерами готового на нас обрушиться конного удара. Мы как то внутренни подтянулись, вспомнили, кто — мы, и напрягли все наши душевные силы и нервы, чтобы встретить хладнокровно приближающуюся смертельную опасность.

— По кавалерии рота....

На лицах дроздовцах написаны плохо скрываемое нервное ожидание и большое внутреннее напряжение. Винтовки подняты. Затворы взведены и приготовлены к выстрелу. Глаза пулеметчиков прилипли к мушке, а руки судорожно сжимают ручки, направляющие пулеметные стволы.

Всадники быстро приближаются. Видно как они пригнулись к седлам и яростно погоняют лошадей. Конная масса закрыла все поле перед нами и, как снежная лавина, готова обрушиться на нас.

— Пли!

Залп следует за залпом с невероятной быстротой. Орудия рядом оглушительно бьют картечью. Пулеметы, как бешенные, строчат и посылают на красных дождь стальных пуль.

Неприятельская лава все еще стремительно движется вперед, но меткий огонь дроздовцев вырывают из ее движущейся массы большия клочья. Красные ряды заметно редеют.

Винтовки накалены до крайности. Руки все в ожогах. Боли не замечаешь. Лишь бы скорее зарядить винтовку и выстрелить в противника.

Красные всадники уже в нескольких десятках шагах. Но вот они не выдержали. Останавливаются. Поворачивают и несутся назад. Все поле перед нами усеяно трупами людей и лошадей. Потерявшие всадников кони носятся по полю. Красная лава откатывается назад.

Как признают советские историки, две кавалерийских дивизии (16-ая и 2-ая) были брошены на помощь 23-ой пехотной дивизии для захвата Камышувахи, которую защищал только один полк белых. Весь день красная конница ходила в атаку на нас, то с одной стороны, то с другой, то с нескольких сторон одновременно. Однако ни одна из этих атак не достигла порыва и не приблизилась так близко, как их первая атака. Каждый раз их атаки разбивались об огневую мощь Третьего Дроздовского полка.

В этот день уже больше не прилетели наши аэропланы. Мы также не пытались вернуться в Камышуваху.

С наступившей темнотой полк был собран в тесное карэ. Внутри карэ наши батареи и повозки с аммуницеей и ранеными.

Отдан приказ — двигаться на юг.

С обеих сторон и сзади доносятся крики „ура". Наш полк молчит и настойчиво продвигается в неизвестную для нас темноту. Когда крики „ура" приближаются вплотную, то полк останавливается и бросает залпы в сторону, откуда доносятся крики или ведется по нас стрельба.

Какая жуткая феерия — ночной бой. Страшная, но захватывающая своей фантастичностью картина. Огромные огненые шары разрывающейся картечи... Бенгальския огни непрерывно строчащих пулеметов... И, как свечи, вспыхивают и тухнут выстрелы из винтовок... Фейерверк, который не способны воспроизвести никакия искусные пиротехники, но который смастерила сама безыскусная жизнь.

Красная атака отбита, стрельба по нас прекратилась, крики „ура" замолкли. Полк немедленно возобновляет свой прерванный марш вперед. Сохраняем гробовое молчание. Следим, чтобы никто не закурил папиросу. Прислушиваемся к отданным в пол-голоса приказаниям.

Крики „ура" снова возобновились, но к нам не приближаются. Сохраняем все то же гробовое молчание и упорно продвигаемся вперед.

Очевидно, вперед были посланы разведчики. Неожиданно для нас подходим к залегшим и изготовленным к стрельбе цепям, которые, однако, не открыли огня по нас. Ими были марковцы. Пропустили нас, молча, приветствуя толь-

ко руками. Из нашей груди вырвался вздох облегчения. Красное кольцо не успело сомкнуться и мы вырвались из окружения.

Крики „ура" не прекращаются и растут за нами в темноте. Вот эти крики уже доносятся из ближайшей темноты, но марковцы зловещи молчат. Затем по команде вся линия марковской обороны опоясывается огненными вспышками орудий, пулеметов и винтовок. Крики „ура" обрываются на полу-слове. Стрельба так же резко прекращается, как она началась. Тишина возстановилась. Изредка ветер доносит стоны раненых красных.

Ночь, наконец, вступила в свои права.

•

МЕЖДУ РОЗЕНТАЛЕМ И АНДРЕБУРГОМ.

Борьба, которую вел Командующий вооруженными силами Юга России генерал Врангель, опираясь на Крымский полуостров, против красного засилья, имела смысл, пока имелась хоть малейшая надежда, что эта борьба будет поддержана русским народом. Поэтому генерал Врангель делал героические усилия расширить фронт борьбы, производя десанты на Кубани и на Дону и совершив рейд на правобережную Малороссию по направлению к Никополю. С той же целью Дроздовская дивизия два раза доходила до Александровска и после второго занятия Александровска, даже до Синельникова.

Однако, очевидно, еще не прошло достаточно времени, чтобы народ распознал подлинное звериное лицо коммунизма. Александровск с большим рабочим населением встретил белые войска радостно и приветливо, но еще без сознания, что нужно самим включиться в борьбу с целью стереть интернациональную красную напасть, присосавшуюся к телу русского народа.

Каких только международных ландскнехтов не посылали коммунисты против нас: латыши, венгры, китайцы... По признанию начальника политического управления советских вооруженных сил Голикова в 1958 г. — двести тысяч иностранцев приняло участие в гражданской войне на стороне большевиков. В то же самое время у генерала Врангеля всех родов войск было не более 40.000. Советская власть была утверждена при помощи иностранных коммунистов вопреки сопротивлению, оказанному частью офицерского состава русской ормии и главным образом учащейся молодежью, оказавшихся, увы, в меньшинстве, при безразличном отношении всего остального населения. В 1920 году красная повязка с

очей русского народа еще не спала и это обстоятельство предвосхитило исход белого движения.

После первого занятия Александровска наши войска отошли, чтобы остановить красное наступление, начатое ими у Каховки и на правом фланге первого корпуса. Красные хотели воспользоваться отводом кубанской конницы для производства десанта на Кубани. Об этих боях, в начале августа 1920 года рассказывает А. Ф. Пронин в очерке „Бой под Ново-Мунталем". Было ли это под Новым Мунталем или Розенталем, спорить не берусь. Обе колонии находятся по соседству. Моя память почему-то сохранила имя колонии Розенталь, как о месте, где описываемые бои имели место.

Наша рота лежала в цепи с левой стороны от северного выхода из колонии. Вдруг, что-то произошло по другую сторону колонии. Что именно произошло — нам тогда известно не было. Н. Н. Ребиков рассказывает в своем дневнике, что на 3-ий батальон полка наскочила красная конница и батальон сдался. Две артиллерийские батареи, в том числе гаубичная, оказались со снарядами на исходе и без пехотного прикрытия.

Наша рота была поднята и срочно направлена к северной окраине колонии. Когда мы вытянувшимся строем подва в ряд подбегали к первым жилищам, то с другой стороны колонии появилась красная тачанка со станковым пулеметом.

Тачанка появилась столь внезапно, что мы не успели поднять винтовок и встретить ее ружейным огнем, как она уже развернулась и, с расстояния шагов в 50, облила нас дождем стальных пуль. Устье ствола пулемета, до которого, казалось, рукой подать, изрыгало на нас огненные молнии. Пули зацокали по земле под ногами. Красный пулеметчик, очевидно, исправил свою ошибку и приподнял ствол. Немедленно одна из пуль ударилась в приклад моей винтовки и его разбила, но мое тело под прикладом осталось невредимым.

Еще несколько скачков и мы, находясь под прикрытием ближайшего к нам дома, открыли огонь по красной тачанке, удивившей нас своей смелостью. Тачанка столь же быстро, как появилась, стала удаляться. Но вместо одной появилось несколько тачанок. Наши пулеметы израсходовали все патроны. Поединок винтовок с пулеметами не сулил нам успеха.

На северном конце колонии появилась красная кавалерия. Приказано немедленно отступать, цепляясь за каждый дом и обороняясь. „Вот бы ударить по кавалерии из орудия", мечтали мы. Точно по мановению волшебной палочки, от южного конца колонии приближалось к нам легкое полевое орудие. Развернувшись и встав под пулеметным огнем на позицию поперек улицы, орудие открыло стрельбу по

кавалерии. Совместными усилиями орудия и наших винтовок красные были отражены и покинули окраину села.

Только теперь я заметил, что у меня вся левая штанина в крови. Пошел на перевязку. Очевидно, в то время, когда пуля разбила приклад, другая прострелила икру левой ноги. Рана — ерундовая, в пылу боя даже ее не заметил. Почувствовал боль только, когда фельдшер залил рану иодом. Получив перевязку, вернулся в строй.

Это было предупреждение.

За ночь подошли резервы, а главное, были доставлены снаряды для орудий и патроны для пулеметов. Получили по котелку чая. Еще перед рассветом двинулись вперед.

Бои были очень тяжелые, но красные не удержались и были выбиты из колоний, захваченных ими в течении предыдущих дней. Во время этих боев был убит начальник команды пеших разведчиков, капитан Владимир Иосифович Коваленко. Не ушел он переселения на другой свет и наша шуточная кличка оказалась, увы, пророческой. Без одной остановки на отдых продвигались вперед. Также не получали никакой пищи — желудки были пусты и только потуже затянуты были ремни.

Наконец день начал склоняться к вечеру. За день прошли с огнем верст пятнадцать — двадцать. Впереди колония Андребург (на советской карте она называется Андербург). Между ней и соседней колонией Грюндаль — небольшой чахлый лесок. На опушке это рощи полк был остановлен для отдыха. Полу-сидим и полу-лежим.

Вдруг, откуда-то из нашего тыла появился броневик. Приняли его за свой. Полк не пошелохнулся и продолжает отдыхать. Однако, броневик оказался красным. Из пулемета, высунутого из круглой башни, замелькали огоньки. Пули застучали по стволам деревьев. Внезапная боль появилась где-то в нижней части туловища и я моментально потерял сознание...

Страшно тяжело дышать. От боли при каждом вдохе и выдохе внутри все переворачивается Пальцы судорожно корчатся и что-то в отчаянии ломают, как потом разобрался, стебли соломы. Лежу на санитарной повозке. Надо мной в тумане какие-то лица. Слышу знакомый голос полкового врача, доктора Леонидова:

— Ранение в полость живота. Вряд ли выживет. Возьмите у него бумажник и документы и перешлите родителям.

— Есть, — отвечает взволнованный голос моего друга, Коли.

— Слава Богу, что больше нет потерь. Могло быть больше, — хладнокровно продолжает доктор.

Голоса обрываются. Снова впадаю в беспамятство.

Слышу, как скрипят и визжат колеса. Подо мной уже нет больше соломы. Лежу не на полковой санитарной коляске, а на досках телеги, на которой вывозят навоз на поле. От каждого содрогания телеги по ухабистой дороге — точно ножи переворачивают свои лезвия где-то между грудью и животом.

Очевидно я был мертвенно бледен и не проявлял признаков жизни.

— И куды вы энтот труп везете-то? — слышу чей-то бабий голос.

— А вот туды, на станцию. Там разберут, труп энтот чи живой, — отвечает возница, у которого вижу сквозь туман только спину. Неизвестный возница честно вез труп в течении нескольких часов и уже в сумерках привез на станцию железной дороги в Пришибе.

Раздается озабоченный женский голос, вероятно, сестры милосердия:

— Там привезли офицера — дроздовца. Перенесите его в вагон в первую очередь.

Труп положили на пол теплушки. Через некоторое время вагон вздрогнул, подтолкнутый подошедшим паровозом. Паровоз с вагоном начал маневрировать. „Боже мой, зачем нужно так бесчеловечно жестоко толкать вагоны с ранеными", мучительно проносится в моей голове. Опять память куда-то теряется.

На станции Федоровка нас переносят в мягкие пульмановские вагоны санитарного поезда. Над моей головой висит записка:

„Ранение в живот. Никакой пищи".

Но мне повезло: ранен в наступлении, ранен во время привала — один из всего полка, было когда возиться и отправить в тыл, а главное, был ранен в живот — на пустой желудок.

И труп выжил.

ДНЕВНИК
Капитана 7-ой гаубичной батареи Дроздовской Артиллерийской Бригады Николая Николаевича Ребикова.

Предисловие

Капитан Ребиков переслал мне свой дневник, который он почти непрерывно вел во время боев в 1918, 1919 и 1920 гг., кратко и точно записывая всё происходившее. Некоторые бои им не были описаны, так как он находился или в командировке или на ином участке фронта со своим орудием или взводом. Через все эти смутные годы и перепитии второй мировой войны, Николай Николаевич бережно пронёс и сохранил свои заметки и теперь дал свое согласие на их опубликование (все даты — по старому стилю).

Считая их — документом большой исторической ценности, помещаю их без всяких изменений, поправок или литературной отделки. Только схемы боев перечерчены тушью. Схемы эти были нарисованы на страницах дневника карандашом и в таком виде не могли быть напечатаны.

Относительно дневника капитана Н. Н. Ребикова у меня нет иных слов, кроме слов А. С. Пушкина:

„Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...”

Димитрий Пронин

2-ой КУБАНСКИЙ ПОХОД.

Май 1918 г.

23. Батарея стоит в Новочеркасске. В 4 часа получено приказание к 5-ти часам прибыть на сборный пункт. В 6 часов колонна 3-ей дивизии выступила вдоль железной дороги на ст. Аксайскую. Шел проливной дождь. В ст. Аксайской было объявлено, что завтра батарея в составе двух 48 линейных гаубиц системы Шнейдера будет погружена на баржу. Жители в станице относились к добровольцам очень предупредительно.

24. В 11час. батарея погрузилась на баржу и в 13 час. буксирный пароход потянул баржу вдоль по р. Дону. В 20 ч. прибыли в станицу Манычскую, где, несмотря на темноту, выгрузились и стали по квартирам.

25. Днёвка в станице.

26. На рассвете колонна 3-ьей бригады русских добровольцев выступила вглубь донских степей. Шел сильный дождь. На ночь остановились в хуторе Полячки. Хутор населён иногородними. Жители бедные. Разместились тесно. Переход 25 верст.

27. В 8 ч. колонна выступила на станицу Мечетинскую. В 2-х верстах от станицы колонна остановилась. Пехота сошла с подвод и построилась. Вперёд пошла кавалерия и конно-горная батарея. На дороге 3-ью бригаду встретили генералы Деникин и Алексеев, которые сказали приветственные речи. У станицы были выстроены части Добровольческой Армии. Ответную речь сказал полковник Дроздовский. После чего был произведен смотр частям. Сперва проходили части Добровольческой Армии, а затем 3-ья бригада. Таким образом состоялось соединение 3-ьей бригады с Добровольческой Армией. Разместились по квартирам в станице.

28. Вся 3-ья бригада перешла в станицу Егорлыкскую, где стояла кавалерия ген. Эрдели. Ген. Эрдели произвел смотр бригаде. Переход 25 верст.

От **29** мая по **9** июня бригада стояла по квартирам в станице Егорлыкской.

Июнь 1918 г.

Прибытие отряда Дроздовского произвело большое впечатление на старые Добровольческие части. Особенно обилие боеприпасов, а также броневик „Верный". Всё это вселяло бодрые надежды на будущее. В этот период времени из батареи было командировано в Новочеркасск несколько офицеров для приёма 6-ти дюймовой полевой гаубицы.

10. Батарея в 21 часу в составе колонны 3-ьей дивизии выступила в направлении на Торговую. Пехота была посажена на подводы.

11. В 12 часов был большой привал у зимовника Пишванова. В 16 часов колонна тронулась дальше. Движение происходит среди безбрежных степей, покрытых высокой травой.

12. В 2 часа колонна прибыла на разъезд Трубецкой и остановилась на привал. В 5 1/2 час. пехота пошла в направлении на ст. Торговую. Приближаясь к посёлку пехота развернулась в цепь. Батарея стала на открытую позицию на склоне, обращенном к красным. Красная артиллерия открыла огонь, но стреляла очень плохо. Батарея своим огнём сперва заставила замолчать красные батареи, а затем перенесла огонь по пехоте красных. В виду малочисленности снарядов приходилось расходовать их чрезвычайно экономно. К 12 час. красные начали приходить во всё большее и большее замешательство. Наша пехота ворвалась на станцию. Полковник Дроздовский, не зная, что наша пехота уже на станции, приказал обстрелять станцию. Батарея выпустила по станции несколько снарядов, а там уже находились 9-ая рота и броневик „Верный". В 17 час. село Воронцовско-Николаевское было окончательно занято нами и батарея разместилась по квартирам. Весь переход от Егорлыкской с боем — 75 верст. К концу боя прибыла 6-ти дюймовая полевая гаубица с передком. Гаубицу вёз грузовой автомобиль.

13. Батарея стояла по квартирам в селе Воронцово-Николаевском.

14. Для обезпечения Добровольческой Армии с севера было приказано занять мосты через реку Маныч. Выполнение этого началось в 8 час. выступлением дивизии на село Шаблиевку. Пехота дивизии была погружена в эшелон. Артиллерия же вместе со 2-ым конным полком и конно-горной батареей двигалась походным порядком под командой полковника Ползикова. Мортирный взвод шел в составе двух 48 линейных и одной 6-ти дюймовой гаубицы при двух снарядных ящиках. 6-ти дюймовые снаряды везли на обывательских подводах. Село Шаблиевку занял 1-ый офицерский полк. Село Шаблиевка обстреливалось красным бронепоездом. Колонна 3-ьей дивизии, пройдя Шаблиевку, остановилась на ночлег в хуторе Екатерининском.

15. В 5 час. батарея в составе колонны полковника Жебрака выступила к переправе через р. Маныч для занятия жел. дор. моста. Колонна двигалась из Екатериновки на зимовник Кульгавов. Вдоль жел. дороги наступал отряд полковника Фридмана: бронепоезд и 6-ая рота. При подходе к зимовнику Кульгавов колонну начали обстреливать артиллерийским огнём. Батарея выехала из колонны и стала на по-

**Положение Добровольческой Армии
10 июня 1918 г.**

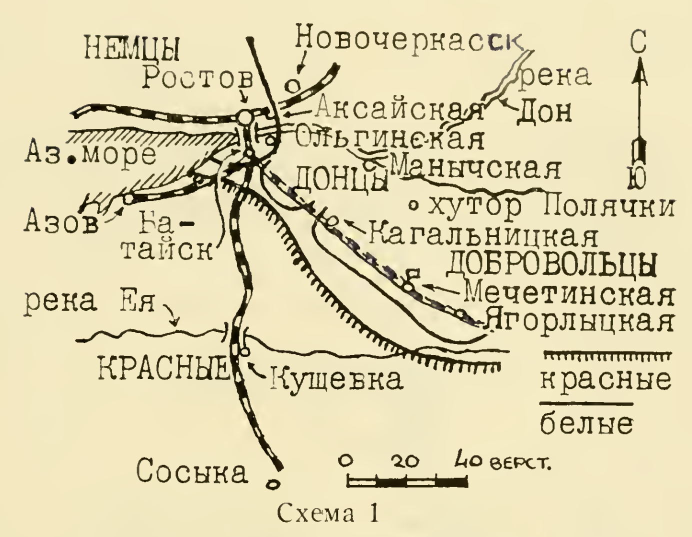


Схема 1

зицию на западной окраине зимовника. Здесь впервые открыла огонь 6-ти дюймовая гаубица. Подступы к мосту были укреплены; были вырыты окопы и были устроены проволочные заграждения. 6-ти дюймовая гаубица очень удач-

**Бой под Воронцовско-Николаевским
12 июня 1918 г.**

Схема 2

но стреляла по окопам и произвела замешательство у красных. Пехота двинулись во весь рост в атаку. 3-ья рота переправилась по горло в воде через реку Маныч и пошла в обход моста, артиллерия усилила огонь. Пехота подошла к мосту и его заняла. Батарея снялась с позиции и двинулась к мосту. Пошли дальше развёрнутым порядком на жел. дор. будку к северу от моста. У станицы Великокняжеской красные сопротивления не оказывали. Отряд свернулся в колонну и вошел к 17 час. в станицу. Артиллерия стала по квартирам на западной окраине станицы. В результате боя красные были отброшены и была захвачена большая добыча.

Бой у железно-дорожного моста через реку Маныч 15 июня 1918 г.

Схема 3.

16. Батарея стоит в станице Великокняжеской. Захвачены у красных кони, столь нужные для батареи.

17. В 8 час. батарея в составе колонны походным порядком перешла на ст. Торговую. 6-ти дюймовую гаубицу погрузили в жел. дор. эшелон и перевезли по ж. д. на ст. Торговую. Переход 34 версты.

18. Мортирный взвод (т. е. гаубичная батарея) стоит в селе Воронцовско-Николаевском. В виду предполагавшегося перехода красных в наступление, главное командование решило не упускать инициативы из своих рук и перейти самим в наступление. 3-ьей дивизии было приказано занять ст. Развильное. Для чего: 1) отряду полк. Жебрака — 2-ому

офиц. стрелковому полку под прикрытием бронепоезда к 23 час. перейти жел. дор. эшелоном на ст. Крученскую. 2) Отряду полк. Ползикова: 2-ой конный полк, легкая батарея и мортирный взвод — в 23 часа выступить на село Николаевку и там сосредоточиться.

19. Село Николаевка оказалось занятым красными. В это время на ст. Крученскую высаживался 2-ой офиц. полк Жебрака. Красные бронепоезда открыли сильный огонь и подбили наш бронепоезд. (собственно говоря это не был бронепоезд, а платформа с 3-х дюймовым орудием. Вместо щитов платформа была кругом обложена шпалами, которые давали гораздо меньшую защиту. Бронепоезд называли „Еловый"). В 6 часов 30 мин. колонна полковника Жебрака и полк. Ползикова соединились. Мортирный взвод стал на позицию и вёл огонь по красному бронепоезду. Пехота пошла в атаку на село Николаевку с востока. В 14 час. наша пехота ворвалась в село и выбила красных. В 16 час. без боя было занято село Поливечное, а в 20 час. ст. Развильное.

20. 3-ей дивизии совместно с 2-ой дивизией приказано занять село Песчаннокопское. В 14 час. мортирный взвод в составе колонны полк. Ползикова (2-ой конный полк и легкая батарея) выступили на село Песчаннокопское. Колонна шла правее жел. дор. пути и 2-ой офиц. полк везли в эшелоне под прикрытием „елового" бронепоезда. 5-ый польский эскадрон 2-го конного полка ворвался было в село, но был оттуда выбит. Мортирный взвод стал на позицию и открыл огонь по окраине села и по цепям красных. Красные бронепоезда вели сильный огонь по нашему бронепоезду и пехоте. В 19 час. красные, вследствие наступления колонны ген. Боровского со стороны села Богородицкого, начали отходить. Наша пехота перешла в решительное наступление и заняла село. В селе нашли много скрывшихся матросов. Мортирный взвод ночевал в поле перед селом. Переход 17 верст. (Карта Кубанской области — см. в конце книги.)

21. Днём мортирный взвод перешел в село и стал там по квартирам. Жителей в селе осталось мало. Мужчины почти все были мобилизованы красными, а другие бежали, боясь „кадетов", вследствие разсказов большевиков о якобы грабежах и насилиях белых.

22. Приказом Главнокомандующего Добровольческой Армии от 22 июня за № 331 мортирный взвод переименован в гаубичную батарею. В 18 час. все части 3-ьей дивизии сосредоточились и выступили на село Белую Глину. 3-ьей дивизии приказано взять село Белую Глину с северо-востока между жел. дор. и речкой Рассыпной. Левее со стороны Павловки наступал отряд полк. Кутепова. Правее с севера

отряд ген. Боровского. Колонна шла без мер охранения. Перед выступлением из Белой Глины прибыли парламентёры. В 12 вер. от Песчаннокопской гаубичная батарея остановилась у жел. дор. переезда. Наша пехота пошла вперёд. Красные ракетами освещали местность. В колонне было запрещено курить и разговаривать.

23. В 2 часа полк. Жебрак во главе 2-го батальона самостоятельно атаковал Белую Глину и занял хутор перед селом. Баталион попал под сильный огонь и понёс очень большие потери. Красные перешли в контр-атаку и выбили баталион из хутора. 3-ий баталион также понёс потери. В это время начало светать. Гаубичная батарея стала на позицию и открыла огонь по красным. В это время слева — колонны полковника Кутепова и справа — ген. Боровского продвигались с успехом. В 8 ч. 30 м. наша пехота вновь перешла в наступление и большевики бросились бежать. К 11 ч. батарея вступила в село и стала по квартирам. Тотчас же после занятия села началось вылавливание красных, которые там скрылись массами. В пехоте были убиты полковник Жебрак и 43 офицера — часть офицеров была сожжена живьём, будучи ранеными. Полк. Жебрак был также сожжен. Переход 20 верст.

24. Состоялись торжественные похороны полк. Жебрака и 43 офицеров.

Бой под Белой Глиной 23 июня 1918 г.

Схема 4.

25-28. Батарея стояла в Белой Глине — село огромное.

29. В 13 час. 3-ья дивизия выступила на станицу Ново-Покровскую, где она должна сменить 1-ую дивизию. Станица обстреливается артиллерийским огнём красного бронепоезда. Ново-Покровская — первая кубанская станица, занятая добровольческими частями. Жители встречали очень хорошо. В станице сформирован 4-ый пластунский баталион, который придан 3-ьей дивизии. Переход 20 верст.

30. 3-ья дивизия стоит спокойно в станице Новопокровской. Вечером пришло приказание ночью выступить из станицы в направлении на станицу Терновскую.

Июль 1918 г.

1. Колонна перед рассветом двинулась в направлении на ст. Терновскую. Двигались недалеко от полотна жел. дороги. В 6 час. у ст. Порошино появился красный бронепоезд, который открыл огонь по колонне. Наша легкая батарея открыла огонь по бронепоезду, появился и наш „ёловый" бронепоезд. Красный бронепоезд начал быстро отходить, а наш бросился преследовать. Во время перестрелки наш бронепоезд был подбит и загорелся. Несмотря на это он огонь не прекращал. Всё это время колонна безпрепятственно продолжала путь вперёд. Без большого боя были взяты станица Терновская и ст. Порошино. Пройдя станицу, 2-ое орудие батареи стало на позицию и открыло огонь по уходившему поезду красных. Было выпущено 3 снаряда. В 12 ч. колонна от ст. Порошино двинулась дальше в направлении станицы Тихорецкой. Приказано атаковать Тихорецкую с востока. Гаубичная батарея двигалась за солдатским полком. (Солдатский полк, впоследствии Самурский, был сформирован из военнопленных красных. Бой под Тихорецкой был его первым боем. Полк действовал очень хорошо. Первым его командиром был полковник Шаберт). Во время движения вперёд колонна всё время обстреливалась беспорядочным огнём красных бронепоездов, которых последовательно отгоняли своим огнём легкие батареи. В 17 час. у переезда, в 5 верстах от Тихорецкой батарея стала на закрытую позицию и открыла огонь по цепям красных. Солдатский полк двинулся храбро в атаку. В это время передки батареи, стоявшие сзади, были обстреляны артиллерийским огнём. Пришлось переменить место стоянки. В передках были убиты две лошади. В это время колонна полковника Кутепова заняла станицу Тихорецкую, а колонна ген. Боровского атаковала красных со стороны Демьяновки. Красные начали в безпорядке отходить, неся большие потери. Батарею в это время посетил генерал Деникин, который разговаривал с офицерами батареи. Батарея снялась с позиции и двинулась

в направлении на хут. Тихорецкий, который уже был занят нашими войсками. С темнотой батарея расположилась под открытым небом у водокачки. На станции была захвачена большая военная добыча, несколько эшелонов и два или три бронепоезда. Батарея с боем сделала 52 версты.

Бой у станции Тихорецкая 1 июля 1918 г.

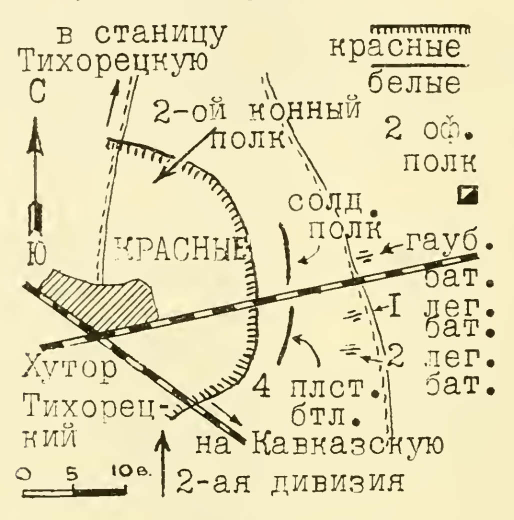


Схема 5.

2. Батарея стоит в Тихорецкой на площади. Батарея выделила на формирование захваченного бронепоезда несколько офицеров во главе с полковником Скопиным, который был назначен командиром бронепоезда. Из 2-го орудия ушли капитан Романов и прапорщик Горяный (Полк. Скопин — бывший командир 28 тяж. арт. дивизиона. Кап. Романов служил в Кавказ. Гренадерской Арт. бригаде. Прап. Горяный окончил 10 ускор. курс. Сергиевского Арт. Учил.)

3. Батарея разместилась по квартирам в хут. Тихорецком.

4. Батарея стоит в армейском резерве.

5. В 23 час. 6-ти дюймовая гаубица под командой капитана Львова погружена в эшелон для следования на стан. Сосыка в распоряжение 1-ой дивизии.

6. Батарея стоит в хут. Тихорецком.

6-ти дюйм. гаубица присоединилась к колонне 1-ой дивизии и участвовала в бою под станицей Крыловской, которая была занята без большого труда. 18 верст — переход.

7. Ночью 6-ти дюйм. гаубица была вызвана для поддержки атаки на станицу Ново-Екатериновскую, которая была

взята на разсвете. После чего гаубица вернулась на ст. Крыловскую.

8. На рассвете батарея погрузилась на ст. Тихорецкой в жел. дор. эшелон для перевозки на ст. Крыловскую, куда она и прибыла и выгрузилась в 14 часов.

Действовавшая отдельно 6-ти дюймовая гаубица на разсвете участвовала в наступлении на ст. Кисляковскую, где она вела огнёвой бой с красным бронепоездом. Удачным попаданием снаряда была взорвана площадка бронепоезда. После упорного боя станция была взята. На ночь батарея расположилась в станице. Переход 19 верст.

9. Батарея стоит в станице Кисляковской. В 23 час. батарея в составе колонны 1-ой дивизии выступила на ст. Кущевку.

10. На разсвете занята без боя станица Кущевка, где батарея расположилась по квартирам. В 16 час. нашими подрывниками взорван жел. дор. мост через реку Ею. Как тогда говорилось, то было сделано, чтобы не было жел. дор. сообщения с местами, занятыми немцами.

6-ти дюйм. гаубица направлена на ст. Кавказскую.

11. Батарея стоит в Кущевке. В 20 час. две 48 лин. гаубицы были погружены в эшелон для переброски на Екатеринодарское направление.

6-ти дюймовая гаубица прибыла на ст. Кавказскую.

12. Батарея в составе двух 48 лин. гаубиц перевозится на Екатеринодарское направление.

6-ти дюймовая гаубица выгрузилась в станице Темюжбекской и вела огонь по красным.

13. Эшелон с батареей прибыл на ст. Платнировскую. В 16 час. эшелон с батареей перешел на ст. Пластуновскую. Станция обстреливается красным бронепоездом.

14. На разсвете батарея выгрузилась и стала по квартирам в станице Пластуновской. Станица обстреливается красной артиллерией.

15. В 14 час. батарея приказано спешно перейти в ст. Платнировскую, ввиду прорыва красного отряда Сорокина на станицу Кореновскую. Батарея совершила движение в ст. Платнировскую без прикрытия. Переход — 18 верст. Станица Платнировская занята пластунами.

16. На разсвете начался бой с целью выбить отряд Сорокина из Кореновской. Батарея стала на открытую позицию в одной версте к северу от ст. Платнировской, влево от жел. дор. линии. Поле было покрыто снопами скошенной пшеницы. В прикрытие батарее была дана сотня пластунов и пол-сотни конных. В 7 час., вследствие отхода нашего левого фланга и сильного натиска красных, наша пехота нача-

ла быстро отходить. Стоявшее немного впереди легкое орудие взялось „на задки" и пошло рысью назад. Тогда полковник Медведев разослал всех своих разведчиков, чтобы остановить пехоту. Батарея же усилила огонь. Наша пехота остановилась на уровне батареи. Вскоре наша пехота перешла в контр-атаку и отбросила красных. Позиция батарея сильно обстреливалась артиллерийским и ружейным огнём красных. На батарее был ранен доброволец Охременко (в шею — ружейной пулей). Батарея на ночь осталась в поле на позиции. День был очень жаркий и воду доставали с трудом. Обед в походной кухне был привезен на позицию. К вечеру на батарее осталось всего 2 снаряда.

Бой у станицы Кореновской 16 июля 1918 г.

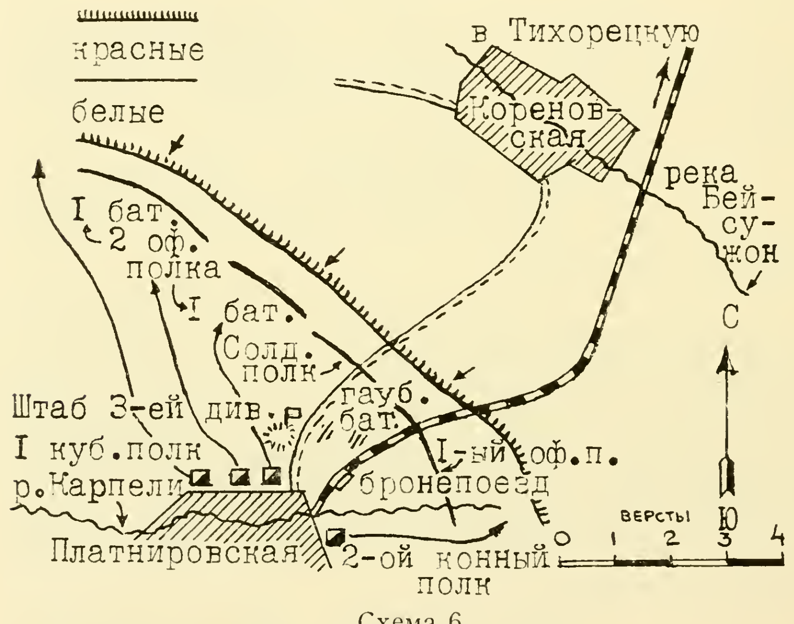


Схема 6.

6-ти дюймовая гаубица участвовала во взятии г. Армавира в составе 2-ой дивизии.

17. Батарея продолжала стоять на позиции, имея всего один снаряд (один снаряд был выпущен по отходившим красным обозам). День начался ружейной и артиллерийской перестрелкой. Днём наша пехота перешла в наступление и заняла станицу Кореновскую. В 14 час. батарея сперва перешла в ст. Платнировскую, а в 16 часов было приказано перейти в станицу Кореновскую, куда батарея пришла в 20 час. и стала по квартирам.

6-ти дюйм. гаубица была поездом перевезена на разъезд Милованово, где она выгрузилась 18-го числа.

18. Батарея стоит в Кореновской. Станица обстреливается артиллерийским огнём красных. В 19 часов батарея получила 100 снарядов. Снаряды были привезены из г. Ейска. В 24 часа батарея выступила в составе колонны 1-го кубанского стрелкового полка.

6-ти дюймов. гаубица имела бой под станицей Тифлисской. Ранен прапорщик Троицкий. В 18 час. орудие было погружено в поезд и перевезено на ст. Тихорецкую.

19. На рассвете колонна 1-го кубанского стр. полка внезапно попала под сильный пулемётный и ружейный огонь. Оказывается — колонна проходила вдоль фронта расположения красных, бокового же охранения в колонне не было. К счастию кубанские казаки не растерялись и бросились с подвод с криками ура в атаку. Батарея рысью свернула с дороги и стала на позицию и открыла огонь. В начале удалось потеснить красных, но потом они сами перешли в решительное наступление и начали теснить кубанских стрелков, у которых было очень мало патронов. Скоро прицел на батарее дошел до 13-ти. Командир батареи приказал отходить. В 1-ом орудии были убиты два коня и его вывезли с трудом. 2-ое орудие стало вновь на позицию и выпустило по красным цепям несколько снарядов. В это время ружейной пулей в висок был убит кап. Коваленко, во 2-ом орудии был ранен подпоручик Колесниченко. Тяжело контужен подпоручик Ребиков, а в обозе ранен капитан Петрович. Батарея отходила самостоятельно через хутор Малеванный сперва на восток, а затем на север, гд она присоединилась к колонне 1-го офицерского полка. Колонна вышла на ст. Выселки, где

Бой у станицы Журавской 19 июля 1918 г.

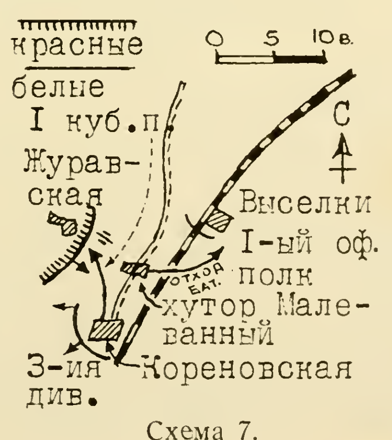


Схема 7.

батарея и расположилась. 1-ое орудие батареи вследствие преждевременного разрыва вышло из строя. На батарее осталось 7 снарядов.

20. В 7 час. 2-ое орудие стало на позицию под Выселками и выпустило по красным свои последние снаряды.

21-24. Батарея стоит на ст. Выселки.

25. Батарея без снарядов погрузилась в эшелон и перешла на ст. Тихорецкую, где выгрузилась и разместилась по квартирам.

6-ти дюйм. гаубица погрузилась 20-го в эшелон и переехала на ст. Выселки, где выгрузилась и стала на позицию.

31. 6-ти дюйм. гаубица погрузилась в эшелон и переехала на ст. Динскую, где поступила в распоряжение 1-ой пехотной дивизии.

Август 1918 г.

1. 6-ти дюйм. гаубица в составе 1-ой дивизии (1-ый куб. стрел. полк) стояла на позиции на юго-запад от ст.Динской и стреляла по красному бронепоезду.

2. То же орудие в составе колонны 1-ой пех. дивизии вступила в город Екатеринодар с северной стороны и встала на позицию на Крепостной площади, имея наблюдательный пункт на чердаке Мариинского женского института.

3. То же орудие погрузилось на ст. Екатеринодар в эшелон и переехало на ст. Кавказскую, где выгрузилось 4-го числа.

5. Гаубичная батарея (две 48 лин. гаубицы) погрузилась в эшелон и перешла на ст. Кавказскую, где выгрузилась и стала по квартирам.

6. Гаубичная батарея (все три орудия) погрузилась в эшелон и переехала на ст. Ставрополь.

7. Батарея выгрузилась и перешла в распоряжение 2-ой пехотной дивизии. В 16 час. батарея стала на позиции на сев. восточ. окраине города. Взвод 48 лин. гаубиц севернее жел. дор. насыпи Ставрополь-Дивное, а 6-ти дюймовая гаубица севернее. Позицию занимает Ставропольский офицерский полк.

8. На рассвете красные повели энергичное наступление на Ставропольский офицерский полк со стороны села Надежда. Наша пехота начала отходить. Вышедший вперед броневик „Верный" загорелся. 6-ти дюйм. гаубица очутилась впереди жел. дор. насыпи без пехоты. Орудие было взято „на задки" и начало отходить сперва вдоль, чтобы пройти под жел. дор. мостом, т. к. сзади была высокая жел. дор. насыпь. Близко подошедшие красные цепи перестре-

ляли коней и орудие очутилось в критическом положении. В это время начали бегом подходить роты корниловского полка, которые только что прибыли эшелоном со стороны ст. Кавказской. Подошел также бронепоезд „Вперед за Родину!" Энергичной контр-атакой красные были отброшены и положение восстановлено. В 6-ти дюймовой гаубице были смертельно ранен — кадет Еланский, ранены: капитан Хенцинский, подпоручик Станкевич, прапорщики Зрюнин и Коваленко, кадеты Андреев и Завжалов, добровольцы Деменчук, Бурдин и Рожнов. Убито и ранено 15 коней. Красные обратились в бегство. Гаубичная батарея своим огнем преследовала красных и потом пошла за пехотой. К вечеру перешли в село Надежда, где ночевали.

Бой под Ставрополем 8 августа 1918 г.

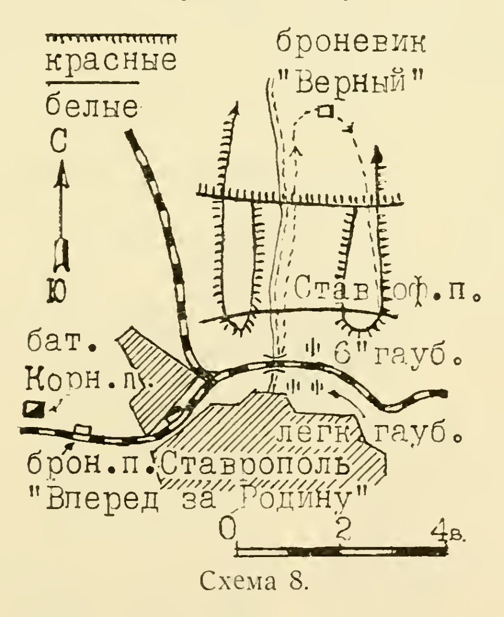


Схема 8.

9. Гаубичная батарея с Корниловским батальоном перешла в Темнолесскую, где стала по квартирам.

12. Батарея вместе с корниловцами без боя перешла в станицу Ново-Екатериновскую, где расположилась по квартирам. Переход 18 верст.

13. Красные попытались занять город Ставрополь со стороны Сингелеевской. Корниловский полк вместе с гаубич. батареей получили приказание занять станицу Сингелеевскую. В 20 час. батарея в составе колонны Корниловского полка выступила в поход.

14. Движение колонны шло через Темнолесскую-Татарку. На рассвете прошли Ставрополь. Батарея стала на юго-зап. окраине Ставрополя. В 13 часов 30 мин. батарея вместе с полком выступила дальше. Подойдя на 6 верст к Сингелеевской, колонна попала под огонь красных. Корниловцы рассыпались в цепь и повели наступление на Сингелеевскую. Гаубичная батарея стала на позицию. 6-ти дюйм. гаубица несколькими снарядами заставила замолчать красную батарею, а взвод 48 лин. гаубиц вел огонь по пехоте красных. Красные начали быстро отходить, но Сингелеевскую занять не удалось в виду наступившей темноты. Батарея ночевала в поле. Переход — 60 верст.

15. С рассветом наступление на Сингелеевскую возобновилось. Батарея своим огнем поддерживала наступление пехоты. На правом фланге действовал кубанский полк Улагая. В 12 час. нам удалось занять ст. Сингелеевскую. Красные в беспорядке отходили на юг. В 13 час. отряд выступил для преследования красных в направлении станицы Николаевской. В 24 часа колонна без боя вошла в станицу Николаевскую, где расположилась по квартирам.

Бой у станицы Сингелеевской 14 и 15 августа 1918 г.

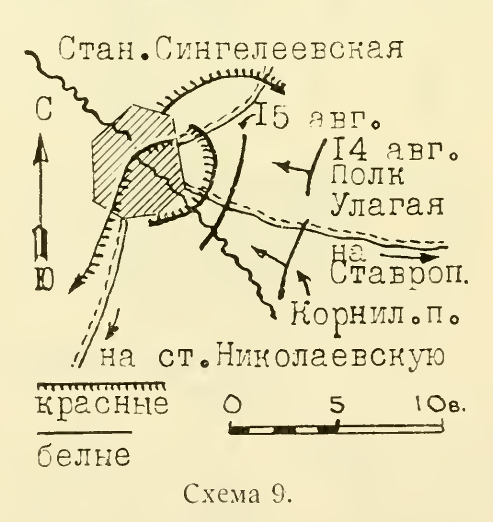


Схема 9.

16. Батарея стоит в станице Николаевской в распоряжении генерала Черепова.

17. 6-ти дюйм. гаубица получила приказание перейти в распоряжение полковника Писарева у горы Недреманной. В 18 час. гаубица погружена в эшелон и перевезена под город Ставрополь.

18. На рассвете 6-ти дюйм. гаубица выгрузилась и по-

ходным порядком перешла на гору Недреманную. Орудие пришлось поднимать по очень крутой дороге. Орудие везли на волах. Подъем продолжался 8 часов. На горе Недреманной был окружен красный отряд Балахонова, числом около четырех тысяч человек. Осада Балахонова продолжалась уже несколько дней, но сбить его с горы не удавалось.

Взвод 48 лин. гаубиц стоит в станице Николаевской.

19. 6 дюйм. гаубица весь день стояла на позиции. В 24 час. отряд Балахонова открыл сильный ружейный огонь, после чего наступила полная тишина.

Взвод 48 лин. гаубиц перешел в хутор Горькореченский, где стал по квартирам. Переход — 20 верст. В хуторе отдыхают две роты корниловского полка.

20. Утром выяснилось, что отряд Балахонова ночью незаметно прошел мимо расположения офицер. Ставропольского полка. 6-ти дюйм. гаубица пошла в направление Ново-Екатериновской. Ввиду тяжелой дороги орудие везут на волах. Ночевали по дороге на хуторе.

21. Днем 6-ти дюймовая гаубица выступила на станицу Ново-Екатериновскую. Орудие везут волы. Гаубица прибыла в Ново-Екатериновскую в 14 час. В 15 часов орудие выступило в составе отряда для занятия Невиномысской. Орудие имеет всего два снаряда. Пройдя хутор Голопузовку наша пехота начала наступать, но была обращена в бегство красным бронепоездом. Гаубица выпустила по бронепоезду последние две бомбы, после чего начала отходить на Ново-Екатериновскую, куда в беспорядке отошла наша пехота. Красные не преследовали.

Взвод 48 лин. гаубиц перешел в станицу Убеженскую, дабы воспрепятствовать переправе красных через реку Кубань. Во время спуска с горы взвод был обстрелян пулемётным огнем с противоложного берега реки Кубани. Батарея стала на позицию, но огня не открывала.

22. Взвод 48 лин. гаубиц стоит в станице Убеженской. На фронте 6-ти дюйм. гаубицы затишье.

23. Взвод 48 лин. гаубиц вернулся в хутор Горькореченский, где стоит в резерве отряд генерала Черепова. Во время подъёма на гору взвод был обстрелян шрапнельным огнём красных.

24-30. Взвод 48 лин. гаубиц стоит в хут. Горькореченском.

Сентябрь 1918 г.

1. 1-ое орудие перешло в Форштадт напротив Армавира и стало на позицию. 2-ое орудие и обоз остались в хуторе Горькореченском.

2-5. 1-ое орудие изредка ведёт редкий огонь по Армавиру.

6. С рассветом 1-ое орудие начало обстреливать Армавир, содействуя наступлению 3-ьей пехотной дивизии на город. С высокого берега прекрасный обзор и хорошо видны все перепетии боя. 3-ья дивизия наступает со стороны Отрады Кубанской. Корниловцы перешли в наступление со стороны Форштадта и также ворвались в город. Армавир был взят. Батарее приказано перейти из хут. Горькореченского в Армавир.

Бой под Армавиром 6 сентября 1918 г.

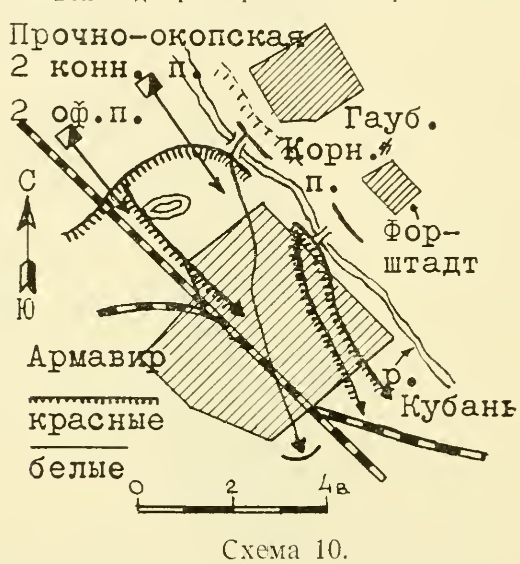


Схема 10.

7. В 6 часов батарея с обозом перешла в город Армавир и стала по квартирам.

8. Батарея спокойно стоит в Армавире. Снарядов на батарее нет и на складах их тоже не имеется. Вообще весь второй Кубанский поход батарея очень страдала от недостатка снарядов.

6-ти дюймовая гаубица вместе с пластунами участвовала в наступлении на Невинномысскую. Занят хутор Голопузовка. Орудие обстреляло станцию.

9. Город Армавир. На Николаевском проспекте был устроен перад частям третьей дивизии. Взвод 48 лин. гаубиц в параде участия не принял.

6-ти дюйм. гаубица вместе с пластунами участвовала в небольшом бою при занятии станции Невинномысской. Гаубица стоит на позиции в станице.

10. 3-ья дивизия стоит спокойно в Армавире, выставив заставы от 4-го пластунского батальона на станицу Чамлыкскую и Урупскую, с придачей дежурного орудия от 2-ой батареи. К вечеру в город стали прибывать беженцы из Чамлыкской и Урупской. Оказывается Таманская армия двигается на Армавир. В городе жизнь течет без перемен.

11. К вечеру красные потеснили заставу, стоявшую в 6-ти верстах от города по Туапсинской жел. дороге. Несмотря на это, ввиду нахождения вблизи города винокуренного завода барона Штейнгеля, пьянство в частях не прекращалось. К ночи красные начали группироваться под городом.

12. В 6 часов послышалась стрельба и отдельные орудийные выстрелы. Это красные повели наступление на 4-й пластунский батальон, лежавший в окопах под городом. В городе началась суматоха. Обозы и жители начали уходить из города. Стрельба приближалась. В 9 час. гаубичный взвод, стоявший в городе без снарядов, получил приказание перейти в Форштадт. В 10 час. батарея по деревянному мосту перешла в Форштадт, где стала по квартирам. С высокого правого берега реки Кубани был великолепный обзор и можно было хорошо наблюдать бой под городом.

13. В 10 часов батарея (без 6-ти дюйм. гаубицы) получила приказание перейти в резерв на станцию Кавказскую (хут. Романовский). Через станицу Прочноокопскую, наполовину разграбленную и разрушенную красными, батарея перешла в станицу Григорполисскую. Переход — 22 версты.

14. В 9 часов батарея выступила и перешла в станицу Темижбекскую. Переход — 20 верст. Вся дорога усеяна беженцами из Армавира. Многие идут с маленькими детьми пешком. Видя идущую батарею, многие беженцы прибавляли шаг, думая, что отступают части, ведущие бой.

15. В 13 часов батарея вступила в хутор Романовский, где стала по квартирам на Пушкинской ул. Хутор Романовский — большой жел. посёлок у станции Кавказской.

15 по 4 октября. Батарея стоит в резерве в хут. Романовском. 17-го сентября командированы от батареи в Екатеринодар 4 офицера батареи во главе с кап. Петровичем (пиротехником) для изготовления дымного пороха П. К. О. для 48 лин. зарядов, т. к. имелись 48 лин. снаряды, но не было к ним зарядов.

На основании приказа Ком. Добр. армии от 12 сент. 1918 г. за № 483 и начальника артиллерии от 23 сент. 1918 года за № 11/4 из батареи выделена 6 дюймовая гаубица с личным составом, конями и имуществом для формирования 1-ой отдельной полевой тяжелой батареи. Этот приказ подтвер-

дил только существовавшее положение вещей, т. к. 6-ти дюймовая гаубица только формально числилась в составе 1-ой гаубичной батареи. Приказом по группе Армейской артиллерии от 23 сентября 1918 года за № 11, 1-ая гаубич. батарея переименована в 3-ью легкую гаубичную батарею Добровольческой Армии.

Октябрь 1918 г.

4. В 7 часов батарея получила приказание погрузиться в эшелон и перейти на станцию Ставрополь. В 21. час. эшелон батареи прибыл на ст. Ставрополь. Перед отбытием батарея получила снаряды.

5. В 6 час. батарея выгрузилась и перешла походным порядком в станицу Темнолесскую, где вошла в состав отряда Партизанского полка. Переход — 25 верст.

6. Батарея выступила в Ново-Екатериновку, но в 16 ч. вернулась назад в станицу Темнолесскую. Переход — 24 версты.

7-9. Батарея стоит в станице Темнолесской, занимаемой 2-ым баталоном 2 офицерского стрелкового полка. Красные сосредотачиваются в районе станицы Барсуковской, имея направление на гору Недреманную.

10. К 10-му числу 3-я дивизия имела нижеследующее расположение: Станица Темнолесская — 2-ой батальон 2-го оф. стрелк. полка и гаубичная батарея (две 48 лин. гаубицы); в хуторе Темнолесском — две роты Корниловского ударного полка; в станице Ново-Екатерининской: первый и второй батальоны 2-го оф. полка и 1-ая батарея; на горе Свистухе — две сотни 4-го пластунского батальона и одно орудие 2-ой батареи; в станице Барсуковской 3-ья сотня 4-го пластун. батальона и 2-ая батарея без одного орудия. Штаб дивизии в деревне Татарка. В 6 час. красные начали наступление на фронте гора Свистуха — станица Ново-Екатерининская. Красные вели наступление по лощине на северо-восток от станции. Наступали густыми цепями. Наша пехота начала отходить. Из станицы Темнолесской вызвали 2-ой батальон 2-го оф. полка и гаубичную батарею. Сперва после небольшого боя вытеснили красных из хутора Темнолесского. После этого батарея стала на позицию на восток от хутора Мальчевского и открыла огонь по красным, наступавшим на сев.-восток от Ново-Екатерининской. Красные, не выдержав огня и атаку 2-го батальона, начали в беспорядке отходить на юг от Ново-Екатерининской, где начали окапываться. Батарея на ночь отошла в хутор Мальчевский. 1-ое орудие испортилось во время боя и отошло в обоз. Переход — 15 верст. Выпущен 31 снаряд. Бой у го-

ры Свистухи окончился для нас неудачно и красные заняли гору.

Бой у станицы Ново-Екатерининской 10 октября 1918 г.

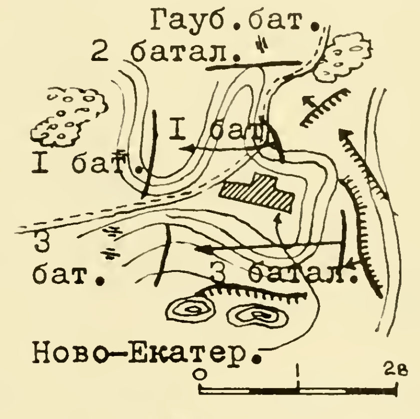


Схема 11.

11. В 7 час. 2-ое орудие было вызвано на позицию в Ново-Екатериновку, где оно стало на восточной окраине хутора рядом с 1-ой батареей. Батареи вели редкий огонь по красным. 2-ой офицерский полк должен был атаковать, как только начнется наступление на правом фланге. Ввиду неудачи у горы Недреманной наступление не состоялось. В 23 часа красные заняли гору Недреманную. Чтобы не быть отрезанными от Ставрополя, приказано отойти к деревне Татарка.

12. В 4 часа 2-ое орудие выступило в колонне 2-го офицерского полка и к 10 час. стало на позицию на высотах к востоку от деревни Татарка. В 15 час. к востоку от реки Егорлык показались красные, имевшие на правом фланге кавалерию. С наступлением темноты красные подошли к нашим цепям версты на две. На ночь орудие отошло в деревню Татарку. 1-ое орудие, бывшее с обозом в станице Темнолесской, перешло в гор. Ставрополь. Переход — 25 в.

13. В 10 час 2-ое орудие стало на позицию на восточной окраине деревни Татарка и в течение дня обстреливало приближавшиеся цепи красных. За день выпущено 15 снарядов. С наступлением темноты орудие перешло в деревню Татарку, где расположилось на ночь. Кони остались заамуниченными. Ночью ожидалась атака красных. Люди очень утомлены предыдущими боями. Красные сосредоточили против нас лучшие силы — Таманскую армию.

14. В 1 час ночи большевицкие цепи без единого выстрела подошли к деревне Татарка и открыли огонь залпа-

ми. Заамуниченные кони, испугавшись стрельбы, понесли. Повозка с офицерскими вещами налетела на склад бревен и остановилась. На нее налетело орудие и также остановилось. К запутавшейся запряжке выбежали командир батареи полковник Медведев, поручик Маслов и добровольцы Деев и Василиу. Через четверть часа орудие распутали. В корень сел командир батареи, в средний унос Деев, а в передний Василиу и орудие тронулось. Подошедшие красные открыли по орудию ружейный огонь, но безрезультатный. Орудие, проплутав в заросшем деревьями овраге, наконец, вышло на дорогу и пришло к 5 часам в Ставрополь. Номера, проспав завязку боя и не найдя на месте орудия, пришли пешком в Ставрополь. В Татарке была брошена подвода с офицерскими вещами. Зарядный ящик и телефонная двуколка прискакали без ездовых во 2-ой конный полк и были возвращены в батарею. В 8 часов 1-ое орудие прибыло после починки на станцию Ставрополь за снарядами, а 2-ое орудие отправилось на позицию. По пути 1-ое орудие нагнало батарею. Около 10 час. батарея подошла к будке на шоссе у деревни Татарка и получила приказание стать на позицию на участке Самурского полка, который занимал позицию левее шоссе. В 12 часов батарея стала на позицию. В 12 часов 15 минут наша пехота, ввиду обхода нашего левого фланга, начала отходить. Батарея снялась с позиции и отошла на шоссе. В общей колонне батарея пошла по направлению города Ставрополя. Приказано оставить Ставрополь. В 14 час. на южной окраине г. Ставрополя был большой привал. Батарея получила приказание идти за Самурским полком. Около 22-х часов прибыли в по-

Ночной бой у Татарки 14 октября 1918 г.

Схема 12.

сёлок Пелагиада, где расположились по квартирам. Переход — 26 верст.

15. После полудня батарея выступила из посёлка Пелагиада и перешла в хутор Михайловский, но через два часа вернулась назад в Пелагиаду. Переход — 3 версты.

16. В 10 часов красные повели наступление на село Михайловское, батарея стала на позицию к западу от жел. дороги и открыла огонь по цепям. Красные, потеснив цепи Самурского полка, ворвались в огромное село Михайловское. В 16 часов Самурский полк перешел в контр-атаку и вновь занял село. В 20 час., ввиду успешного продвижения красных на станицу Николаевскую по правому берегу Кубани и угрозы быть отрезанными от станции Кавказской, было приказано отойти на станицу Рождественскую, где стали квартиро-биваком. Выпущено 15 снарядов. Переход — 15 верст.

17. 1-ое орудие отправлено для окончательной починки в гор. Екатеринодар в подвижную артиллерийскую мастерскую.

19. В станицу Рождественскую прибыл Главнокомандующий Добровольческой Армии ген. лейт. Деникин и произвёл смотр частям 3-ьй дивизии.

21. 2-ое орудие получило 20 снарядов. Батарея отдала коней для 2-го орудия тяжелой батареи.

22. В 2 часа. батарея выступила в составе колонны Самурского полка из станицы Рождественской правее жел дор. линии. На „129-ой" версте колонна вошла в соприкосновение с красными. Около полудня 4-ый пластунский батальон атаковал правый фланг красных и обросил красные цепи за село Михайловское. Батарея стала на позицию на участке Самурского полка. В 13 часов была занята станция Пелагиада. В 15 часов появился красный бронеавтомобиль и начал теснить наши цепи. Орудие также отошло назад. Немного спустя наша пехота вновь заняла прежние позиции. Орудие также вернулось назад. Снова показался броневик, орудие зарядили, но при этом заклинился заряд. Несмотря на все усилия орудие разрядить не удалось. Бронеавтомобиль, обстреляв наши цепи, ушел. В 17 часов бой закончился. Орудие (з заклиненным зарядом) осталось ночевать в поле. Обмундирование на людях было очень плохое и поэтому эта ночевка под открытым небом при сильном ветре и холоде были весьма мучительна. За день выпущено 50 снарядов. Переход — 24 версты.

23. Ввиду того, что орудие разрядить не удалось, то его отправили на станцию Рыдзвяную, где погрузили и от-

Бой у станции Пелагиада 22 октября 1918 г.

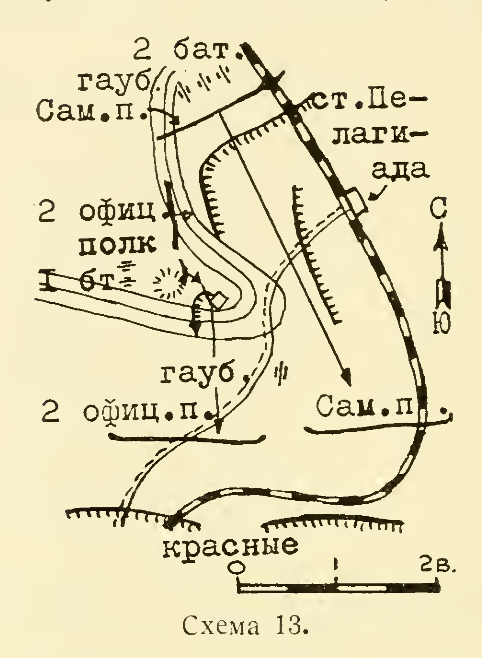


Схема 13.

везли в Екатеринодар на починку. Передок и зарядный ящик отправили в село Михайловское.

24. В 15 часов прибыло из починки 1-ое орудие.

25. В 7 часов 1-ое орудие стало на позицию в полуверсте к северу от монастыря под городом Ставрополем. Орудие несколько раз открывало огонь по окопам красных. Ночь орудие провело в поле.

26. 1-ое орудие вело редкий огонь по красным.

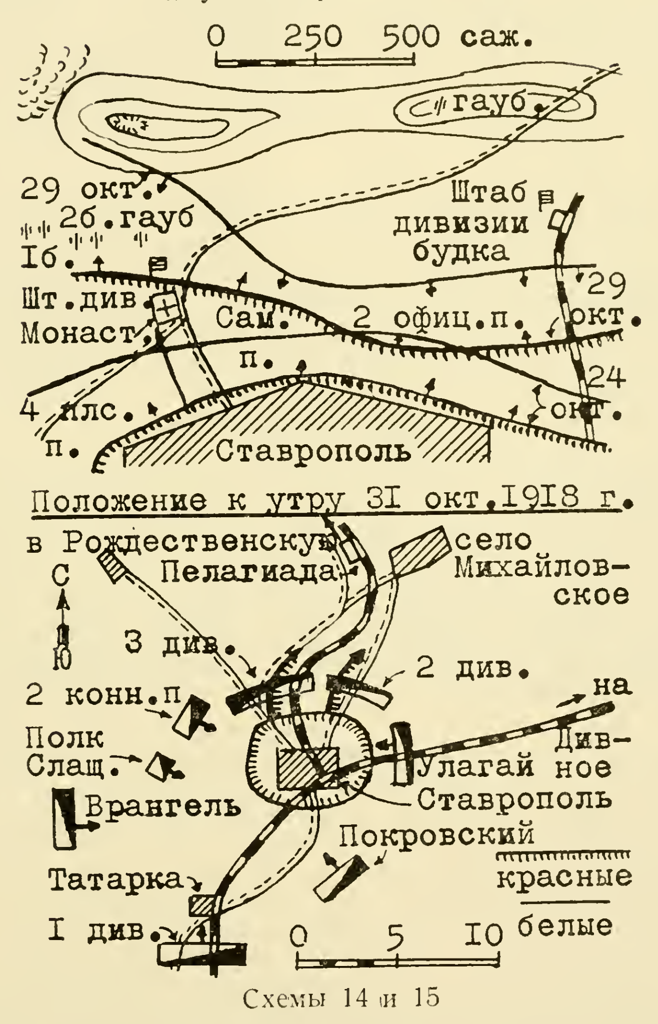
27. 1-ое орудие по прежнему стояло на позиции в поле и несколько раз стреляло по красным. Вечером было приказано отойти на ночь в монастырь.

28. С рассветом 1-ое орудие стало на позицию. Днём артиллерийская перестрелка. На ночь орудие отошло в монастырь.

29. В 5 часов красные, сбив наше сторожевое охранение, повели наступление на монастырь. Наша немногочисленная и окончательно измученная пехота начала отходить. Орудие стало на позицию к северу от Ставрополя и продолжало вести огонь по красным. К вечеру, выпустив последние снаряды, орудие перешло в село Михайловское, где стоял обоз батареи. Переход — 9 верст. Из Екатеринодара после починки прибыло 2-ое орудие. Снарядов нет.

БОИ ПОД СТАВРОПОЛЕМ С 24 ПО 31 ОКТЯБРЯ 1918 Г.

Бой у монастыря 24-29 октября



Схемы 14 и 15

30. Батарея ввиду отсутствия снарядов стоит в селе Михайловском.

31. С рассветом при сильном тумане на фронте началась сильная ружейная и пулемётная стрельба. Батарея, не имея снарядов, выступила из села Михайловского (с опозданием, так что красные цепи были видны в тумане). Батарея двинулась в направлении на станцию Пелагиаду, вдоль жел. дороги. При этом батарея попала под ружейный огонь. Тяжело ранен прапорщик Уласюк и подбита одна лошадь.

Батарея пошла рысью. С разъезда уходил жел. дор. эшелон. На поле была видна наша одинокая сестра милосердия, искавшая раненого (ее потом подобрала наша тачанка). В 11 часов батарея прибыла на станцию Рыдзвяную, где были получены 26 бомб и 13 шрапнелей. 1-ое орудие снова для починки отправлено в Екатеринодар. 2-ое же орудие получило приказание вернуться на фронт. В 14 часов 2-ое орудие выступило и прибыло на будку „129"-ой версты. Батареей временно командует полковник Де Полини. Во время боя 3-ья дивизия понесла весьма значительные потери: ранены начальник дивизии полковник Дроздовский и командир Самурского полка полковник Шаберт. В Корниловском ударном полку 31-го октября был убит командир полка полковник Индейкин. Орудие ночевало при сильном холодном ветре в поле. Несмотря на потери, на завтра назначено наступление.

Ноябрь 1918 г.

1. На рассвете 3-ья дивизия перешла в наступление на город Ставрополь. Левее наступает Корниловский ударный полк. Орудие под командой полковника Де Полини стреляло по станции Пелагиада. Наша пехота, несмотря на свою малочисленность, решительно наступала. В 11 часов удалось занять станцию Пелагиаду. Стало известно, что генерал Врангель со своей конницей наступает со стороны станицы Сингилеевской. Положение красных в городе Ставрополе становилось критическим. Со стороны г. Армавира наступала 1-ая дивизия. Из села Михайловского красных выбить не удалось ввиду малочисленности нашей пехоты (село огромное) и наступления темноты. Орудие ночевало в посёлке при станции Пелагиада. Самурский полк выставил сильное сторожевое охранение в сторону села Михайловского.

2. В 7 час. орудие стало на позицию к северу от села Михайловского, но потом, т. к. оно стояло слишком далеко в стороне от пехоты, перешло на западную окраину села. Орудие стреляло по показавшейся кавалерии красных, а затем по пехоте красных за кладбищем. Орудие, выпустив все снаряды отошло в посёлок Пелагиада, где стало по квартирам. Ввиду отсутствия снарядов орудию приказано отойти в резерв. В 20 час. орудие выступило в поход.

3. К 2-м часам орудие прибыло на ст. Рыдзвяную, где, соединившись с обозом, перешло в станицу Рождественскую, где стало по квартирам. В 20 час. батарея выступила снова и, пройдя хутора Спорные, прибыла в 24 час. в жел. дор. посёлок Изобильное.

4-17. Батарея стоит квартиро-биваком в посёлке Изобильное. Из г. Екатеринодара прибыло, после починки, 1-ое

орудие. 17-го получено приказание переехать на станцию Кавказскую.

17. Батарея погрузилась в эшелон на ст. Изобильное и переехала на ст. Кавказскую, где разместилась по квартирам в хуторе Романовском.

С 18 ноября по 17 декабря батарея стояла в резерве в хуторе Романовском.

Обзор боевых действий за 2-ой Кубанский поход.

Огнеприпасы. За время 2-го Кубанского похода батарея очень страдала от недостатка снарядов и зарядов. Из дневника видно, что батарея несколько раз стояла продолжительное время без снарядов — в резерве.

Самозащита батареи. Прикрытие батарее (за исключением боя под Кореновской) не придавалось. Пулеметов на батарее в это время не было. Орудийные номера (офицеры) винтовок не имели, револьверами же были вооружены далеко не все офицеры. Зато пехота, с которой действовала батарея, была прекрасна и на ее защиту можно было положиться.

Формирование. На станции Тихорецкой батарея выделила офицеров под командой полковника Скопина на формирование бронепоезда „Единая Россия". Затем выделила 6-ти дюймовую гаубицу для образования тяжелой полевой батареи.

Пехота в бою. Наша храбрая пехота часто стремительно двигалась в атаку во весь рост. Возникает при этом вопрос, что может быть это было напрасно и даже вызывало излишние потери. Я думаю, что это не так: стремительная атака во весь рост безусловно производила на красных большое впечатление и они часто в беспорядке отступали. Как правило, на стороне красных был большой перевес в силах. Красные в бою не проявляли большой стойкости.

Солдатский Самурский полк. Из многочисленных пленных был сформирован солдатский полк. В начале к этому формированию относились с недоверием. В первом же бою под Тихорецкой Солдатский полк себя вполне оправдал и заслужил доверие. В батарее также появились солдаты из пленных, которые служили верой и правдой.

БОИ В ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ.

Декабрь 1918 г.

17. Началась погрузка батареи в эшелон для перевозки в Донецкий бассейн. Перед этим на станции Кавказской стоял несколько дней эшелон 2-го офицерского полка, который также был направлен в Донецкий бассейн. Боевой состав батареи состоит из двух 48 линейных гаубиц системы Шнейдера при двух зарядных ящиках. В 21-ом часу эшелон отбыл со станции Кавказской.

18-20. Эшелон батареи в пути.

21. Эшелон с батареей прибыл на станцию Юзово, где остановился, не разгружаясь.

23. В 15 часов батарея выгрузилась и стала по квартирам города Юзовка на 4-ой линии. Батарея поступила в непосредственное подчинение генералу Мальцеву. В городе Юзовка находятся штаб 3-ьей дивизии, Самурский пехотный полк и 2-ая батарея. Квартиры хорошие, но лошади стоят на коновязи под открытым небом, а на дворе — довольно сильный мороз. Население, главным образом рабочие, относится недоброжелательно, хотя пока этого не показывают. Интеллигенция же относится весьма благожелательно.

27. Согласно телеграмме инспектора артиллерии Добровольческой Армии в Армавирскую артиллерийскую школу откомандировано десять офицеров.

Январь 1919 г.

1. Получено тяжелое известие о смерти, вследствии полученного ранения 31 октября под Ставрополем, ген.-майора Дроздовского (произведен посмертно на основании Георгиевского Статута). В соборном храме г. Юзовки была отслужена торжественная панихида.

4. На формирование в Мариуполе 15 сантиметровой полевой тяж. батареи командированы: полковник Де Полини, шт. кап. Тидеманн, прапорщик Валицкий, пор. Формаж.

Батарея получила от ремонтной комиссии 19 упряжных лошадей.

15. Батарея получила приказание погрузиться в эшелон на ст. Юзово и перейти на станцию Криничная, где находиться в резерве группы ген. лейт. Май-Маевского. В 21 часу эшелон отбыл со станции Юзово.

16. На разсвете эшелон батареи прибыл на ст. Криничная, где батарея не разгружалась. Из города Мариуполя в бата-

рею прибыло на пополнение двадцать два солдата.

17. На основании телеграммы начальника 3-ьей дивизии эшелон с батареей перешел на станцию Бальфуровка (станция Бальфуровка являлась станцией гор. Юзовка, ст. Юзово же находилась от города Юзовки в 9-ти верстах).

18. С разсветом батарея выгрузилась и стала по старым квартирам в г. Юзовка. От ремонтной комиссии получено 14 лошадей.

19-20. Батарея стоит в г. Юзовка в распоряжении начальника 3-ьей пехотной дивизии.

21. В 19 часов батарея погрузилась в эшелон для перевозки на станцию Никитовка. Красные заметно усилились в районе станция Попасная — Бахмут. Ген. лейт. Май-Маевский решил их опередить и самому перейти в наступление.

22. В 17 часов батарея прибыла на ст. Никитовка.

23. В 8 час. эшелон с батареей перешел на ст. Попасная, где выгрузился. Батарея перешла в распоряжение отряда полковника Булаткина. В 14 часов батарея в составе отряда полк. Булаткина (батальон Корниловского полка) выступила на ст. Камышеваха. Сильный мороз. Движение было затруднено большими скатами и подъемами. Отряд двигался через село Камышеваха. С запада на станцию должны были наступать марковцы. Однако красные оставили станцию без боя. В 17 час. батарея стала по квартирам в посёлке при станции Камышеваха.

24. Батарея стоит спокойно у станции Камышеваха. На случай появления бронепоезда красных на северной окраине посёлка дежурит одна гаубица.

25. В 15 часов красные при сильном тумане начали наступать на Камышеваху. Вследствие сильного тумана батарея на позицию не выехала. После упорного боя малочисленный Корниловский батальон начал отходить. Во время отхода при переезде через жел. дор. полотно взвод Марковской батареи потерял две пушки. Вскоре пошел сильный снег. 1-ый батальон Корниловского полка, понесший потери в бою, отошел с гаубичной батареей на жел. дор. полу-казарму, на пути между Камышевахой и Попасной. Во время отхода батарея выпустила три снаряда. Ночевали в полу-казарме. Влево марковцы отошли от Ныркова на Натальино.

26. На разсвете к батальону Корниловского полка присоединились марковцы из Натальина. Кроме того подошла рота Кабардинского полка (Южной Армии). Было приказано перейти в наступление на Камышеваху и выбить оттуда красных. Отряд перешел в наступление вдоль жел. дор. линии. Вправо от жел. дор. наступал Корниловский батальон

и батарея. В двух верстах от Камышевахи батарея стала на позицию и открыла огонь. Пехота ворвалась на станцию, но была выбита оттуда красными. Красные продолжали теснить нашу пехоту. В это время в 1-ом орудии произошел преждевременный разрыв снаряда. Орудие выбыло из строя и было отправлено на ст. Попасная. 2-ое орудие стало на позицию на северной окраине Попасной и открыло огонь, прикрывая отход своей пехоты. Часть пехоты остановилась на некоторое время на уровне орудия, но затем ввиду обхода слева начала отходить. Орудие вело огонь до последней возможности, а затем, пройдя рысью посёлок, присоединилась к отходившей колонне в направлении на разъезд Логиново. Навстречу для подбора раненых был выслан жел. дор. поезд. На разъезд Логиново прибыл для смены 1-ый стрелковый полк Южной Армии под командой полковника Федорова. Полк был очень слабого состава: вероятно не более 100 — 120 штыков. Остальная пехота ушла. Гаубица осталась на позиции у разъезда. Во время боя был смертельно ранен доброволец-бомбардир Деев и тяжело ушиблен прапорщик Курганов. Убито четыре лошади и ранена одна. Выпущено 100 снарядов. Переход — 25 верст.

Бой у станции Попасная 25-26 января 1919 г.

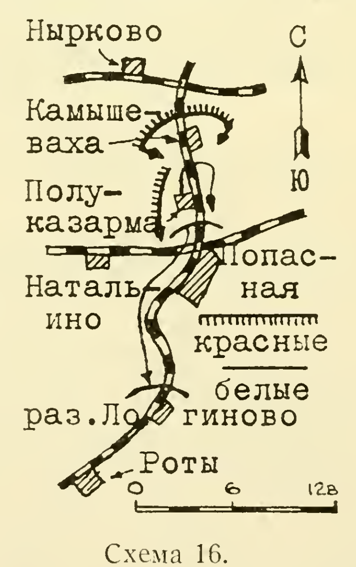


Схема 16.

27. Гаубица дежурит на разъезде Логиново для борьбы с бронепоездами красных. Красный бронепоезд дважды пытался выйти со ст. Попасная, но оба раза отгонялся назад. Выпущено три снаряда.

28. В 9 час. красные повели энергичное наступление на разъезд Логиново. Красный бронепоезд также двинулся вперед, не обращая внимания на выстрелы гаубицы. На разъезде Логиново, кроме гаубицы, был также взвод Марковской батареи под командой капитана Айвазова. Многочисленные красные цепи обходили разъезд справа и слева. Наша немногочисленная пехота, разсыпавшись в редкую цепь, едва сдерживала густые цепи красных. Гаубице поминутно приходилось менять направление огня, причем удачным попаданием был повреждён паровоз красного бронепоезда, и он, остановившись в выемке, ничего больше не предпринимал. К счастью, красная пехота была нестойка к нашему артиллерийскому огню, и часто после одного снаряда вся цепь ложилась. В самый критический момент, когда отряду грозила серьёзная опасность, подошел бронепоезд „Генерал Корнилов", а сзади подходила рота марковцев. Бронепоезд был встречен нашей пехотой криками „ура!". „Ген. Корнилов" врезался в наступавшие цепи красных, разстреливая их беглым огнём. На бронепоезде находился командир гаубичной батареи полковник Медведев, как начальник артиллерии отряда. Красные с криком „ура" бросились на бронепоезд, но были отбиты огнём. Красные, сбившись в толпу, начали в безпорядке отступать. Гаубица и марковский взвод усилили огонь по толпе. Положение было вполне возстановлено. По разсказам пехоты потери красных от артиллерийского огня были велики. В 20 час. гаубица, разстреляв все свои снаряды (65), отошла на ст.Роты, где разместилась по квартирам. Контужен доброволец бомбардир Юргенс (из Риги — очень храбрый солдат).

29. Гаубица погружена в эшелон и переехала на ст. Никитовка (см. схему 17 на странице 161).

30. Эшелон стоит на ст. Никитовка.

31. Эшелон батареи перешел на станцию Харцызск.

Февраль 1919 г.

1. Эшелон с погруженной батареей — хозяйственная часть, одно орудие и два зарядных ящика, перешел на ст. Кутейниково в резерв, Получено 124 — 48 лин. гаубичных снарядов. В Кутейникове часть батареи выгрузилась и разместилась в станционном посёлке. Хозяйственная часть большей частью осталась погруженной в вагонах. Вообще эшелон, который был на станции Бальфуровка целиком, остался в распоряжении батареи. В составе был также один пассажирский вагон 3-ьяго класса для офицеров батареи. Часть батареи разместилась в посёлке очень тесно, т. е. предполагалось развернуть батарею в четыре-орудийную, то в батарее было много заводных лошадей. Солдаты же, в большин-

стве добровольцы, учащиеся и городские жители, с лошадьми обращаться не умели и к тому же были непривычны к физическим лишениям.

2.-5. Батарея стоит на ст. Кутейниково.

6. Батарея погрузилась в свой старый эшелон и в 18 час. отбыла на ст. Никитовка. Из Новороссийска получены две гаубицы и два зарядных ящика. Во время стоянки в Кутейниково был смертельно ранен, вследствие неосторожного обращения с оружием, подпоручик Дьяконов, недавно прибывший в батарею (умер в Таганроге).

7. Батарея прибыла на ст. Никитовка и поступила в распоряжение командира 2-го офицерского Дроздовского полка.

8. На разсвете боевая часть батареи — две 48 лин. гаубицы была в поезде перевезена на ст. Дылеевка, где перешла в распоряжение отряда кап. Тихменева (три роты Дроздовского полка, батальон корниловцев, 1-ое орудие 1-ой батареи и бронепоезд „Генерал Алексеев"). Орудия и зарядные ящики выгрузились, а походная кухня осталась в поезде. Отряду было приказано занять ст. Константиновка. Батарея двинулась западнее жел. дор. с Корниловским батальоном. Подойдя к деревне Александровка, отряд вошел в соприкосновение с красными. Пехота пошла в атаку, а гаубицы стали на позицию. В эта время красные незаметно обошли наш правый фланг по лощине Баламутовки. Наша пехота не имела резервов для парирования обхода и начала отходить, остановившись на северной окраине Дылеевки. (Нет сведений о боевом составе рот пехоты, но можно с уверенностью сказать, что он был слаб — боевые потери и болезни). Во время отхода был ранен ружейной пулей пор. Твербус-Твёрдый и одна лошадь. Было выпущено 45 снарядов. Вследствие распутицы передвижения были весьма затруднительны, даже на небольшие расстояния. На ночь боевая часть осталась на ст. Дылеевка.

В хозяйственной части батареи приступлено к формированию 2-го взвода.

9. Приказано вновь перейти в наступление на Константиновку. Наступление началось в 8 час. Наступали две колонны: правая кап. Тихменева (отряд вчерашнего состава), левая со станции Кривой-Торец — батальон Марковского полка и бронепоезд „Полковник Жебрак". Красные не оказывали упорного сопротивления, за исключением одного бронепоезда, который энергично вёл огонь. К ночи отряд занял Константиновку, где расположился на ночь. Двигались медленно ввиду очень тяжелой дороги.

10. С разсветом батарея перешла на ст. Дылеевка, где погрузилась в ожидавший ее эшелон. В 12 час. эшелон бое-

вой части перешел на ст. Никитовка, где присоединился к эшелону хозяйственной части. Теперь эшелон батареи делится на две части: на боевую часть и на хозяйственную часть. Боевая часть состоит из платформы с орудиями и зарядными ящиками, вагонов с людьми и лошадьми и походной кухни.

11—12. Эшелон спокойно стоит на ст. Никитовка.

13. Одно орудие участвовало в экспедиции на Щербиновский рудник с одной ротой Дроздовского полка кап. Казака. Во время стрельбы в стволе орудия произошел преждевременный разрыв и орудие выбыло из строя, после чего оно вернулось на ст. Никитовка.

14. С рассветом боевая часть батареи переехала на ст. Майорская, где выгрузилась и вошла в состав отряда полковника Горбацевича. Приказано вытеснить красных из Кадемских хуторов. В двух верстах от Кадемских хуторов батарея стала на позицию у бугров. Пехота развернулась и пошла в наступление на Кадемские хутора, которые были в низине. Сперва наша пехота ворвалась в хутора, но красные перешли в наступление и вытеснили наших. Батарея открыла огонь по красным. Обнаружился обход слева. Туда было двинуто прикрытие батареи (как исключение в этом бою, батарее было придано прикрытие: слабый взвод пехоты — сплошь учащаяся молодёжь). Батарея усилила огонь. Слева по батарее был открыт ружейный огонь. Батарея снялась с позиции под ружейным огнём. Ранен прапорщик Хесин и смертельно ранен батарейный фельдшер, незадолго перед этим прибывший на службу. Отряд начал отходить на ст. Курдюмовка, куда пришел в 14 час. Красные дальше никакой активности не проявляли. В 18 часов боевая часть вернулась на ст. Майорская.

15. На разсвете батарея (две 48 лин. гаубицы) выступила на ст. Курдюмовка, где простояла до темноты. С темнотой орудия вернулись на ст. Майорская, где стоит эшелон боевой части. Эшелон хозяйственной части с формирующимся вторым взводом стоит на ст. Никитовка.

16—19. Каждый день орудия 1-го взвода перед разсветом выступали со ст. Майорская и шли для дежурства на ст. Курдюмовка. С наступлением темноты гаубицы возвращались на ст. Майорская, где люди ночевали в эшелоне боевой части. Эти выезды на позицию и стоянки на позиции были для людей весьма утомительны. Одна гаубица стояла в поле в направлении Кадемских хуторов и наблюдала лощину, шедшую на Никитовские хутора и дальше на ст. Никитовка. Другое орудие стояло, как бы в резерве, у жел. дор. будки южнее ст. Курдюмовка. Кухня на позицию не подавалась, так что весь день люди были без горячей пищи. С возвра-

щением вечером назад, на ст. Майорская, многие ложились немедленно спать, не ожидая горячей пищи. Кроме того прислуга орудия, стоявшего в поле, очень страдала от мороза и ветра.

20. С разсветом красные повели энергичное наступление на ст. Курдюмовка. Несмотря на все усилия красных, их атаки удалось отбить. Гаубицы вели огонь, главным образом, в направлении на Кадемские хутора. За день выпущено 50 снарядов.

21. На разсвете наша пехота атаковала Кадемские хутора, занятые красными. Эта попытка кончилась для нас неудачей, ввиду малочисленности нашей пехоты. Красные оказывали упорное сопротивление. Гаубицы вели огонь главным образом по бронепоездам красных. Наш бронепоезд „Генерал Корнилов" получил пять попаданий.

22—28. 1-ый взвод ежедневно выезжал на ст. Курдюмовка. Эшелон боевой части стоит на ст. Майорская, а хозяйственная часть — на ст. Никитовка. Красные эти дни держали себя пассивно. Из батареи в. г. Мариуполь командирована группа офицеров для дальнейшей службы в 15 сантиметровой полевой тяжелой батарее: поручик Станкевич, поруч. Киреенко, подпор. Будянский, подпор. Ребиков, подпор. Иноземцев.

Март 1919 г.

С 1-го марта по 1-ое апреля подпоручик Н. Н. Ребиков находился в командировке в 15-см. тяжелой батарее в г. Мариуполе, поэтому сведения за этот период отрывочны и неполны (Димитрий Пронин).

1. Красные перешли в наступление по всему фронту и постепенно вытеснили наши части из Курдюмовки, Константиновки и Дылеевки. Вечером боевая часть батареи перешла в Никитовку, где лошади всю ночь оставались заамуниченными.

2. С разсветом батарея стала на позицию на окраине Никитовки. Показались густые цепи красных. Батарея открыла огонь, но красные продолжали наступать. В это время из корпусного резерва прибыл в эшелоне батальон Корниловского полка. Выгрузка его происходила под огнём. Получив подкрепление, наша пехота бросилась в атаку. Красные, пораженные неожиданным наступлением, бросились бежать. Преследование с нашей стороны продолжалось, несмотря на тяжесть продвижения вследствие распутицы. К 12 час. удалось возстановить положение и вновь занять Курдюмовку.

3. Красные весь день держали себя спокойно.

4.—12. Сведений о боях не сохранилось.

13. Ввиду отхода марковцев и корниловцев из Дебальцева на Енакиево, приказано оставить Никитовку. В 21 час. батарея погружена в эшелон и перевезена на ст. Путепровод, откуда перешла на ст. Криничная. Дроздовскому полку приказано активно оборонять фронт Пантелеймоновка — Скотоватая.

14. С разсветом части стали на новые позиции. Эшелон батареи стоит на ст. Криничная. Одно из орудий выдвинуто на дежурство к буграм севернее ст. Пантелеймоновка. Другое орудие находится на ст. Авдеевка, занятой Белозерским полком (полк слабого состава прибыл в Дроздовскую дивизию из состава Южной Армии). С наступлением темноты орудия грузились в свои орудийные эшелоны и отвозились маневровыми паровозами на ст. Криничная, где присоединялись к общему батарейному эшелону. Такой орудийный эшелон состоял из теплушки для людей, двух вагонов для лошадей и платформы для орудия и зарядного ящика. Личный состав такого отдельного орудия состоял из двух офицеров, орудийной прислуги, ездовых, одного конного разведчика и трех телефонистов.

15. Под Авдеевкой и Пантелеймоновкой спокойно. 2-ой взвод окончательно сформирован под командой кап. Каминского. Ввиду недостатка снарядов, всего два орудия высылаются по очереди на позицию.

16. Красные обстреливали бугры под Пантелеймоновкой, которые являются ключем позиции. На одном из бугров устроен наблюдательный пункт дежурной гаубицы. На буграх вырыты окопы, которые занимаются стрелками Дроздовского полка. Кроме того з жел. дор. посадке стоит тяжелый бронепоезд „Единая Россия", который в случае необходимости может обстреливать весь район.

17. Под Пантелеймоновкой и Авдеевкой спокойно.

18. На разсвете красные яростно атаковали бугры под Пантелеймоновкой, а также весь фронт, занимаемый Дроздовским стрелковым полком. Наступление на бугры было отбито одним артиллерийским огнём.

19. Под Авдеевкой и Пантелеймоновкой спокойно.

20. Днём красные повели наступление на село Корсунь, занятое одной ротой Дроздовского стрелкового полка и в конце концов его заняли. Гаубица у бугров вела огонь по цепям красных. Ввиду занятия красными ст. Скотоватая вызвана еще одна гаубица, для дежурства к западу от Пантелеймоновки в направлении на Скотоватую. Под Авдеевкой артиллерийская перестрелка.

21. Конница ген. Шкуро предприняла рейд по тылом красных. Дроздовскому полку приказано перейти в наступление и занять линию Горловка — Железная. Вдоль жел. дор. наступали две роты, взвод гаубиц и бронепоезд. Красные, повидимому опасаясь за свой тыл, отступали без сопротивления. Ввиду непролазной грязи (распутица) движение происходило в очень тяжелых условиях. К ночи части вернулись в исходное положение.

22. С разсветом 2-ой взвод батареи в эшелон перевезен на ст. Горловка, где выгрузка производилась под артиллерийским огнём. Взвод стал на позицию на северной окраине Горловки. Рядом стал взвод 1-ой батареи. Попытки красных наступать были легко отбиты.

23. Весь день под станцией Горловкой шел бой с наступающими красными.

24. Под Горловкой весь день шел бой с наступающими красными. С наступлением темноты приказано, ввиду выдвинутого положения, отойти на бугры у ст. Пантелеймоновки.

25. Под Пантелеймоновкой было спокойно.

26. Красные повели наступление на бугры у Пантелеймоновки, но были отбиты с потерями.

28. Под Пантелеймоновкой против бугров красные сосредоточили сравнительно большие силы: два бронепоезда стояли скрытыми в жел. дор. посадке у Таганрогского Поста, кроме того там же стояла на позиции легкая четырех-орудийная пушечная батарея. С нашей стороны в посадке у Пантелеймоновки стоял бронепоезд „Единая Россия", под буграми на позиции стояла одна 48 лин. гаубица и 3-х дюймовая пушка. На ст. Пантелеймоновка находилась вторая 48-лин. гаубица, которая в случае необходимости выдвигалась в направлении на Скотоватую. Эти обе гаубицы принадлежали ко 2-му взводу. 1-ый взвод нёс службу под Авдеевкой. Гаубица у бугров всегда становилась на одно и то же место, т. к. оттуда были пристреляны все направления. Бронепоезда красных часто пытались выдвинуться вперёд, но отгонялись отдельными выстрелами.

29. Отряд Дроздовского полка под командой кап. Боровского повёл наступление на Скотоватую. Гаубица у Пантелеймоновки поддержала огнём это наступление. После упорного боя к вечеру Скотоватая была занята.

30. Под Пантелеймоновкой спокойно. Под Авдеевкой Белозерцы (Белозерский полк был очень слабого состава) наступали на Галушкино, но наткнулись на упорное сопротивление красных и продвинуться не смогли. К вечеру Белозерцы отошли на Блок-Пост № 5.

31. С разсветом батальон Алексеевского полка (Алексеевский полк прибыл в Донецкий бассейн с охраны Черноморского побережья) перешел в наступление с целью вновь занять Авдеевку. После упорного боя Авдеевку удалось занять, но к вечеру под натиском красных пришлось отойти на Блок-Пост № 5.

Район боев батареи с января до мая 1919 г.

Схема 17.

Апрель 1919 г.

1—6. Обычные выезды по жел. дор. со ст. Криничной на позицию: одно орудие на ст. Авдеевку на обычную позицию у Блок Поста. Два орудия на ст. Пантелеймоновку, где одно орудие занимало позицию к югу от бугров, а другое орудие оставалось у Пантелеймоновки в резерве. 1-го числа из Таганрога прибыла 48 лин. гаубица из 15-см. тяжелой батареи. Эта гаубица должна была заменить выбывшее вследствие преждевременного разрыва 3-ье орудие. Орудие доставил в батарею подпор. Ребиков. Начальником орудия назначен кап. Гржещук при младшем офицере подпор. Ребикове.

5-го числа 1-ое орудие у ст. Авдеевка под командой подпор.Лунина подбило красный бронепоезд, выехавший вперёд. Взорвались площадки бронепоезда.

7. Праздник Святой Пасхи. Заутреня была отслужена в садике около вокзала на ст. Криничная. Солдатам было дано по чарке и по яйцу. На разсвете орудия выехали на обычные позиции. На участке 3-ьяго орудия день прошел спокойно. Вышедший бронепоезд красных выпустил несколько снарядов по станции, орудие ответило также несколькими выстрелами. Во время возвращения с позиции наш бронепоезд „Полковник Жебрак" наскочил на заднюю площадку орудийного эшелона. Повреждения были незначительны.

8—25. За этот период почти ежедневно происходили перестрелки и мелкие столкновения с красными. Все четыре орудия батареи действовали на различных направлениях. 2-ой взвод под Пантелеймоновкой. Командир взвода кап. Каминский, начальник 3-ьего орудия кап. Гржещук при младшем офицере подпор. Ребикове. Начальник 4-го орудия поручик Камлач при младшем офицере прапорщике Курганове. Эшелон боевой части 2-го взвода стоит на ст. Пантелеймоновка. Эшелон хозяйственной части на станции Криничной. Орудия на разсвете идут на свои обычные позиции, а с темнотой возвращаются на ст. Пантелеймоновку. Пехотные роты весьма слабого состава: 20-25 штыков в роте. Бугры постоянно заняты ротой пехоты. Служба весьма утомительная и изнурительная.

17. На разсвете был произведен короткий удар в сторону Скотоватой. Состав отряда: 1-й батальон Дроздовского полка под командой капитана Петерса и недавно сформированные 13-ая и 14-ая роты и 2-й взвод гаубичной батареи. Вначале наступление развивалось удачно, но внезапно произошла заминка и наша пехота начала поспешно отходить. 13-ая и 14-ая роты, сформированные из бывших красноармейцев, перебили своих офицеров и перешли на сторону крас-

ных. Бугры пришлось также оставить (бугры являлись ключом позиции, т. к. без них нельзя было удерживать Пантелеймоновку). Капитан Туркул, начальник боевого участка, энергичными мерами быстро восстановил положение, при этом красные оказывали слабое сопротивление.

В один из дней в конце апреля начальник конных разведчиков Дроздовского полка поручик Григорьев (смертельно ранен в бою под Брасово в окт. 1919 г.) незаметно ночью разобрал путь у Таганрогского Поста и красный бронепоезд сошел с рельс. Красным пришлось бросить две броневых площадки.

26. Красные по всему фронту перешли в решительное наступление и потеснили наши части. Эшелон хозяйственной части батареи, а также эшелон с орудиями отошли от ст. Криничной на ст. Иловайскую. Три гаубицы погружены в эшелон и только 4-е орудие находится где-то в районе Харцызска и отступает с войсками. В штабе полка и дивизии было сказано, что связи с войсками нет. Эшелону приказано перейти на станцию Матвеев Курган. 3-му орудию под командой капитана Грежчука при младших офицерах подпоручиках Ребикове и Пежемском приказано выгрузиться и перейти в распоряжение начальника бового участка в Харцызске.

27. С разсветом орудие выступило. Перейдя в Харцызск, орудие получило приказание перейти в распоряжение командира Алексеевского партизанского полка князя Гагарина. С трудом удалось найти наши слабые и малочисленные части. Орудию приказано перейти на ночь в рудничный поселок около станции Моспино. Состав орудия: начальник орудия, два младших офицера, орудийные номера и ездовые, один конный разведчик, походная кухня и продуктовая повозка. Один ручной пулемет «Люиса» с двумя солдатами.

28. С разсветом орудие перешло на закрытую позицию в лощину у хутора к западу от рудника «Ломбардо». Хутор занимается сотней государственной стражи из Макеевки. Наблюдательный пункт сзади на гребне лощины. Впереди стоит лишь застава. Весь день прошел спокойно. На ночь орудие отошло на рудник «Ломбардо». Фронт занимается очень малочисленными и слабыми Алексеевским и Белозерским полками. Вправо от Харцызска стоит 2-й офицерский ген. Дроздовского полк. Отношение жителей — рудничных рабочих неблагожелательное.

29-30. Орудие с рассвета до темноты стояло на позиции. На ночь возвращалось в рудничный поселок.

Май 1919 г.

1. Днем красные повели наступление на нашу малочисленную пехоту, которая начала отходить. Орудие открыло

огонь. Красные всё более и более приближались. Начальник орудия шт.-капитан Прокопенко, который сменил кап. Гржещука, приказал орудию отходить. Орудие отошло за рудник и вновь стало на позицию. Несмотря на поддержку артиллерийским огнем, наша пехота продолжала отход. В это время красные на руках выкатили на дорогу 3-х линейную пушку (это был исключительный, единственный случай, который мне пришлось наблюдать, что красная артиллерия стояла на открытой позиции). Гаубица открыла огонь, но пушка красных также открыла огонь. Началось состязание двух открыто стоящих орудий. Гаубица это состязание выдержать не смогла и отошла за скат. Наша пехота дальше не отходила. Гаубица весь день спокойно простояла на позиции у какого-то полуразрушенного домика для пастухов. На ночь орудие отошло в поселок Моспино.

2-3. Стоянка на позиции была очень утомительной, т. к. каждую минуту можно было ожидать нападения красных. Шли беспрерывные дожди. На ночь лошади не разамуничивались. Люди не раздевались, даже оружие и снаряжение не снималось. Позиция была впереди хут. Колесниково.

4. На разсвете гаубица выступила на обычную позицию. В это время у Моспина послышалась оживленная ружейная стрельба. Оказывается ночью красные незаметно слева подошли к ст. Моспино. Самурцы, занимавшие фронт, этого не заметили. Вследствие этого хозяйственным частям пришлось поспешно уйти из Моспина. Перед орудием пехота также начала отходить. Орудию пришлось быстро отойти. Став на новую позицию, гаубица открыла огонь по направлению перед собой и влево, чтобы поддержать самурцев. Стрельба была удачная. На фронте самурцев очень удачно действовал бронеавтомобиль «Кубанец». Шел проливной дождь. Положение было вполне восстановлено. В 16 часов в нашем тылу было заметно движение обходных колонн конницы генерала Шкуро. У станции Харцызск во время обстрела позиции, занимаемой 4-ым орудием батареи, разрывом снаряда убит подпоручик Окиншевич.

5. Гаубица на позиции у хутора Колесникова, за ручьём. Наблюдательный пункт у пастушечьего домика по другую сторону ручья. Ввиду сильных дождей ручей разлился и телефонная связь часто прерывалась. Служба телефонистов, сплошь из учащейся молодёжи, была очень тяжелая. Позиция у хутора была приятная, так как там можно было купить молоко, поэтому эту позицию все прозвали — «молочной». На ночь отошли на стацию Моспино.

6-8. Орудие стоит спокойно на так называемой «молочной позиции». Вправо стоит батарея под командой полков. Самуэлова, которая довольно часто обстреливается красной

артиллерией. Носятся слухи о предстоящем в скором времени наступлении, но люди, измученные боевой службой, не хотят этому верить, считая себя обреченными. Говорят даже о прибытии танков.

9. В предстоящем наступлении боевой участок, занимаемый гаубицей , считается пассивным. Влево на Юзовку проводит обходное движение конница ген. Шкуро. Вправо наступают дроздовцы. С наблюдательного пункта видно наступление обходных колонн. Ночевали на старой квартире.

10. С рассветом орудие стало на обычную позицию. Вправо и влево идет бой. В 8 час. красные перешли в наступление и начали теснить белозерцев. В помощь белозерцам подошли кубанские пластуны. Гаубица вела огонь по красным с закрытой позиции. К концу боя, ввиду большого загрязнения, заклинился затвор (за последний период боев не было возможности вычистить и смазать затвор). С разрешения начальника боевого участка гаубица отошла на ст. Иловайскую, где затвор разабрали и вычистили. На ст. Иловайской люди впервые получили английское обмундирование. Вечером перешли в г. Макеевку, где стали по квартирам. Красные не задолго перед этим очистили город. Город при большевиках страшно изголодался. Всюду люди просили хлеба. Отношение жителей благожелательное. Настроение у солдат очень хорошее. Большое впечатление произвели танки.

11. На разсвете орудие было спешно вызвано на окраину города, т.к. красные начали наступать. Орудие стало на площади, наблюдательный пункт в доме. Вправо стоят три легких орудия под командой полковника Самуэлова. Впереди ведет бой 8-й пластунский баталион. Красных поддерживает своим огнём их бронепоезд. Пластуны не особенно стойки и продвигаются то вперёд, то назад. Офицеров у них мало — два, три на сотню. Сотни были большие: 150-200 штыков. К вечеру перестрелка затихла и орудие вернулось в Макеевку на старую квартиру. Выпущено 40 снарядов. Снаряды нужно было очень беречь.

12. Красные, чтобы не быть отрезанными, отошли. Из батареи должно прибыть другое орудие для смены 3-его орудия. Днем личный состав орудия помылся в городской бане, после весьма продолжительного перерыва. Наконец прибыло орудие смены под командой поручика Диденко. 3-ье орудие перешло на ст. Унион, где погрузилось в эшелон для переезда на ст. Амвросиевка, где стоит эшелон батареи. Капитан Прокопенко назначен командиром 2-го взвода. В орудие зачислился добровольцем местный учитель Г., ставший прекрасным разведчиком.

13. Гаубица едет в поезде по направлению на ст. Амвросиевка. По дороге идут эшелоны с войсками, в том числе и

эшелон с 42-ым Якутским полком (Южной Армии). Так закончился период боев в Донецком Басейне.

Этот период боев был чрезвычайно тяжелым. Наша пехота была весьма малочисленна: то, что называлось полками, было в действительности по числу штыков-ротами. Роты же имели: 15-20 штыков. Это объяснялось: 1) потерями в непрерывных боях, 2) многочисленными заболеваниями сыпным тифом, от которого многие умирали.

Ввиду слабого состава пехотных соединений, по ночам можно было всегда ожидать нападения, поэтому люди никогда не раздевались на ночь и даже снаряжение не снималось. Орудийные лошади никогда не разамуничивалось. Только днём, если было спокойно, у уносных лошадей снимались по очереди хомуты, а у корней опускалось дышло. Погода была почти всё время дождливая. Были перебои в доставке продуктов. Особенно трудно было с хлебом. Номера в 3-ем орудии были почти сплошь мобилизованные солдаты Ставропольской губернии. В большинстве это были зажиточные крестьяне, которые, однако, большевизм не изжили и надеялись на какие то блага со стороны революции. 4-ое орудие по своему составу было почти сплошь из добровольцев, учащейся молодёжи, которая была непривычна к лишениям походно-боевой жизни. Особенно тяжела была служба телефонистов. Переход в наступление, после ряда тяжелых боев, очень поднял настроение людей.

Прибыв на ст. Амвросиевку, орудие смогло отдохнуть. Лошади также получили давно заслуженный отдых.

НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ.

Май и Июнь 1919 г.

После 14-го мая фронт красных неудержимо покатился на север. Эшелон батареи в составе хозяйственной и боевой части тоже двинулся вперёд. Погода была прекрасная, настроение отличное. Пришли в Славянск, где остановились, затем перешли в Изюм. Здесь боевая часть выгрузилась и было приказано походным порядком нагнать в Балаклее Белозерский полк. Кругом было полное спокойствие. Отношение жителей было вполне благожелательное. В Балаклее нагнали белозерцев. Белозерским полком командовал молодой полковник Чертков. Полк был двух-баталионный, но по сравнению со своим составом в Донецком Бассейне он был более многочисленным. Пополнился взятыми в плен красноармейцами, многие из которых даже не имели еще погон. В дальнейшем батарея двинулась вместе с Белозерским полком. По пути было несколько боевых столкновений с красными, в том кисле

при Волчьем Яре. В последних числах мая подошли к Малиновке, населенному пункту напротив Чугуева. У Малиновки еще с прежних времен сохранились лагерные постройки 31-ой пехотной дивизии. 2-ой взвод под командой капитана Каминского стал на позицию под Малиновкой. Наблюдательный пункт был на крыше дома. Впереди был хорошо виден Чугуев, вправо был деревянный мост, влево железнодорожный, по которому курсировал бронепоезд красных. Было приказано не допускать, чтобы красный бронепоезд прорвался в наш тыл. Гаубицы вели огонь, как по району деревянного моста, так и по железно-дорожному мосту через Северный Донец. Красный бронепоезд несколько раз обстреливал Малиновку. Наша пехота пыталась взять деревянный мост, но неудачно. Тут же находилась 2-ая легкая батарея под командой капитана Николаева. Ночевали в Малиновке. На следующий день, ввиду неверного доносения о взятии моста восточнее Чугуева, колонна полка с батареей двинулась лесом в восточном направлении и попала под ружейный огонь красных с противоположного берега. Создалось неприятное положение, т. к. из-за леса нельзя было свернуть с дороги. Наконец, удалось с трудом свернуть с дороги в лес и по опушке леса вернуться в исходное положение. На следующий день было получено приказание приготовиться к выступлению, так как красные очистили Чугуев. Рано утром колонна вступила в город. Остановились на площади у Чугуевского училища. Жители особенно сердечно приветствовали добровольцев. В Чугуеве отряд простоял неделю. Дальше пошли в направлении на Харьков. Ночевали в одной деревне. Отношение жителей прекрасное. Утром разгорелся бой у ст. Лосьево. Упорное сопротивление оказывал бронепоезд красных у ст. Лосьево. Впереди бой вел 1-ый взвод под командой капитана Обухова. На ночь бой затих.

11. Утром приказано выступить из Рогани в составе колонны Белозерского полка на Харьков. Оказывается Харьков был оставлен красными. У ст. Лосьево был виден взорванный красными бронепоезд. Вступили в Харьков. После продолжительной стоянки батарея прошла через весь город. Жители встречали батарею с цветами. Батарея двигалась дальше и дошла до Куряжского монастыря, где остановилась на ночь.

12. Стоянка в Куряжском монастыре.

13. Переход в Ольшаны.

14-15. Ночной переход в Харьков. Жел. дор. эшелон батареи и хозяйственной части также прибыл в Харьков.

Приезд ген. Деникина в Харьков. Торжественное богослужение в соборе и затем парад войскам. В параде принимала участие батарея.

Июль 1919 г.

Действия 2-го взвода 7-ой гаубичной батареи.

2-ой взвод в составе двух 48 линейных гаубиц Шнейдера, при двух зарядных ящиках стоит в г. Богодухове под командой капитана Каминского. Начальник 3-го орудия подпор. Ребиков, 4-го орудия штабс-капитан Пересдени. Взвод стоит в резерве. В Богодухове же стоит штаб 2-го офицерского ген. Дроздовского полка. Взвод хорошо размещен. Отношение местных жителей прекрасное. Кроме снарядов, возимых в зарядных ящиках, часть их погружена на обывательские подводы. При взводе походная кухня и хозяйственные подводы — своего рода обоз первого разряда. Старшим в обозе старший фейерверкер Куриленко. Во взводе производились занятия, в том числе конные учения. При взводе также находился старший офицер батареи капитан Мусин-Пушкин.

20. Получено приказание немедленно выступить в город Краснокутск в распоряжение командира третьего баталиона Дроздовского полка полковника Манштейна. В 19 часов выступили. Прикрытия не было дано никакого. Дорога шла лесом, причем движение происходило вдоль фронта, что было довольно опасно. Ночь была лунная и погода хорошая. В Новой Одессе был сделан привал. Там стояла рота стрелков. Командир роты предупредил, что дорога не безопасна.

21. На рассвете гаубичный взвод подошел к Краснокутску. На окраине города стояла застава, так как с этой стороны можно было ожидать красных. Расположились на городской площади. Квартиры хорошие. Батальону придан еще взвод 2-ой батареи под командой капитана Казаринова (участника Ярославского восстания).

22. На рассвете в деревне Степановка, где стояла полевая застава батальона, разгорелась пулеметная и ружейная стрельба. Оказывается красные напали на заставу. Батальон немедленно выступил на Степановку вместе с артиллерией. Красных без труда выбили из Степановки. По пути был найден убитый офицер заставы. Он был ранен, отстал от своих и был добит красными. На его груди была прикреплена записка со словами: «жертва английской буржуазии». Отряду приказано двигаться дальше и взять Пархомовский сахарный завод. Гаубичный взвод стал на позицию на окраине Степановки и открыл огонь по цепям красных. По мере продвижения вперёд взвод менял позицию и в случае необходимости поддерживал огнём свою пехоту. К 12 часам Пархомовка была занята. В Пархомовке были взяты многочисленные пленные 5-го крепостного полка, преимущественно жители Воронежской губернии. В Пархомовке же во взвод явился переодетый и оборванный бывший командир 10-го уланского Одес-

Район боев батареи с 20 июня по 11 сентября 1919 г.

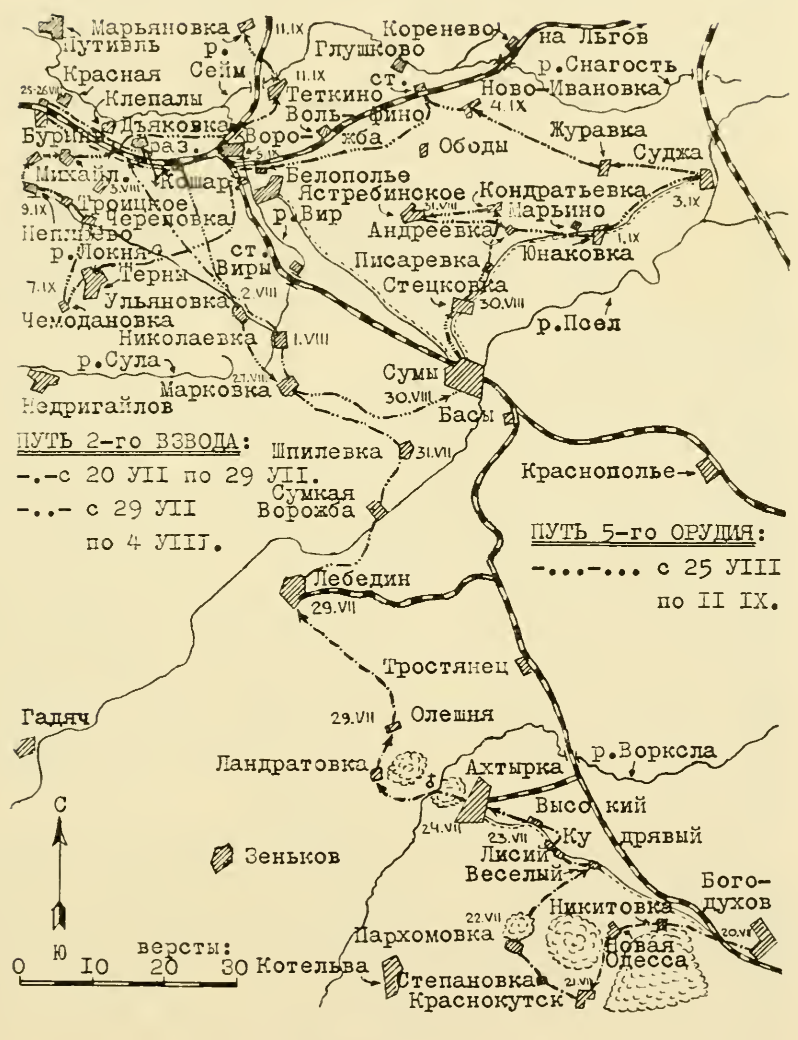


Схема 18.

-ского полка полковник Дараган. На ночь расместились по квартирам в Пархомовке. Квартиры плохие и тесные.

23. На рассвете колонна выступила дальше. Днем во время движения колонна была обстреляна из лесу ружейным огнём. Гаубичный взвод стал немедленно на позицию и несколькими выстрелами прогнал красных. Пехота не разворачивалась, а продолжала свой путь на обывательских подво-

дах. В 16 ч. у хут. Веселого колонна неожиданно выехала во фланг окопов красных. Линия окопов была построена в направлении на Богодухов. Поле было покрыто снопами. Тут же работало много мирных жителей по уборке урожая. Как потом жители говорили, красные их насильно заставили работать, дабы замаскировать и прикрыть позицию. Наша пехота прямо с подвод бросилась в атаку. Гаубицы тут же стали на позицию и открыли огонь. Красные после непродолжительного боя были сбиты и обращены в бегство. Во время перестрелки шальной пулей была убита молодая женщина. Нами были взяты пулемёты. Колонна вытянулась по дороге Богодухов-Ахтырка. На ночь остановились в хуторе Высоком. Разместились на улице. Ночь была прекрасная. Пришел бронеавтомобиль „Верный", который должен был помочь при занятии города Ахтырки.

24. В 9 часов колонна выступила. В трех верстах от города перешли на дорогу Ахтырка-Кириловка. Вперёд понеслись броневик «Верный» и конные разведчики батальона. Красные перед городом вырыли окопы и вели довольно сильный огонь, но наша пехота наступала весьма решительно. Гаубичный взвод вызвали из колонны вперёд на открытую позицию. Гаубицы открыли огонь по окопам. Наша пехота вошла в город. Были взяты обозы и другие трофеи. У реки было захвачено много пленных 4-го и 5-го крепостного полка. Винтовки у пленных были новые — японские. Взвод остался стоять на улице в городе, а пехота продвинулась до реки Ворсклы. Красные издали обстреливали артиллерийским огнём. Жители встречали восторженно, приглашали к себе и угощали. Вдоль реки шла редкая перестрелка. Наконец всё успокоилось и взвод разместился по квартирам на пивоваренном заводе недалеко от городской площади.

25. На рассвете получено приказание выбрать позицию и наблюдательный пункт на берегу реки Ворсклы. Красные занимают монастырь на противоположном берегу. На деревянном мосту, ведущем к монастырю, устроены рогатки. На колокольне монастыря красные поставили пулемёт, который обстреливал дорогу, шедшую через лес. Позицию для взвода выбрали, но позицию пока не заняли. В лесу было похоронено много расстреленных красными и там был устроен крестный ход.

26. Жители города относятся в высшей степени хорошо и предупредительно. В городской думе был устроен банкет в честь отряда. От гаубичного взвода участвовали почти все офицеры. Было выпито много водки и других напитков. Банкет был очень многолюдный и продолжался до ночи.

27. Получено приказание взводу обстрелять район монастыря. В 14 часов взвод выступил и стал на позицию за

домами на юго-западной окраине города. Наблюдательный пункт на песчанном бугре. Обстрел продолжался пол-часа, причем один снаряд попал в часовню. После обстрела пехота пошла в наступление. Красные сопротивления не оказали. Монастырь и переправа были заняты без потерь. Офицеры батареи потом осматривали монастырь. Монастырь был сильно разграблен красными и некоторые иконы осквернены.

28. Отряд стоит спокойно в Ахтырке.

29. На рассвете колонна в составе 3-го батальона под командой полковника Манштейна, второго взвода 7-ой гаубичной батареи и взвода 2-ой легкой батареи под командой кап. Казаринова выступила в направлении на Лебедин. У Ландратовки произошло первое незначительное столкновение с красными, которые были быстро сбиты. Более значительный бой разыгрался у Олешек. Пошел дождь. Гаубичный взвод был из колонны вызван вперёд и открыл огонь по красным цепям. Во время стрельбы произошел преждевременный разрыв в 4-ом орудии и оно выбыло из строя, т. к. ствол получил несколько трещин. Вскоре после этого случая случился преждевременный разрыв в 3-ьем орудии, но там особых повреждений не было, кроме незначительного раздутия ствола, и потому гаубица огонь непрекращала. Наконец красные были сбиты и они поспешно начали отступать. Колонна двинулась дальше. В 8-ми верстах от Лебедина местность сразу понижается и отступающие красные были хорошо видны. Артиллерия открыла огон по бегущим (из гаубиц только — 3-е орудие). Поздно вечером колонна втянулась в город и разместилась по квартирам на юго-восточной окраине города, в здании банка.

30. В 18 часов перешел на новую квартиру в центре города, в здание съезда мировых судей.

31. В 10 часов колонна выступила в направлении на Шпилёвку. В 18 час. пришли в Шпилёвку и разместились на сахарном заводе. Шел дождь и переход был тяжелый. В Сумской Ворожбе был двух часовый привал. В Шпилёвке захватили несколько человек отставших красных, которых тут же зачислили в части.

Август 1919 г.

1. На рассвете колонна выступила в направлении на Николаевку, куда прибыла в 16 часов и разместилась по квартирам. Красных на пути не встречали. В Николаевке командир батальона, полковник Манштейн, взял на сахарном заводе сахару и дал пять мешков на взвод.

2. Днем отряд перешел в село Ульяновку, причем головная рота имела перестрелку с красными. Само село обстрели-

валось красным бронепоездом. Вечером к отряду присоединился 1-ый эскадрон драгунского Архангелогородского полка. Разместились по квартирам в селе.

3. На рассвете началась ружейная перестрелка. Оказывается красные напали на заставу, стоявшую впереди от Ульяновки на хуторе. Красных отбили. Колонна выступила дальше, двигаясь просёлочными дорогами. Красных по дороге почти не встречали. В 16 часов начали приближаться к железной дороге Ворожба-Конотоп. Вправо от колонны наступал на станцию Ворожба 1-ый батальон под командой полковника Туркула. Внезапно, со стороны Ворожбы, появился несущийся поезд, который благополучно проскочил. Появился второй поезд, который, несмотря на огонь драгун, также смог проехать. Драгуны начали портить железнодорожный путь у разъезда Клепалы. Приказано было переменить фронт наступления и двигаться на станцию Ворожбу. Появился бронепоезд красных, который открыл огон по отряду. Одновременно появилась красная пехота со стороны Дьяковки. Гаубица стала на закрытую позицию, т. к. пришлось действовать против бронепоезда. Наблюдательный пункт был выбран на бугре. Гаубица открыла огонь по бронепоезду, который начал отходить. Пехота пошла вперёд и гаубица также двинулась дальше, причем переменила несколько позиций. С наступлением темноты к красным подошли еще два бронепоезда, и они перешли в наступление с целью прорваться на Конотоп. Одновременно с этим, красная батарея, стоявшая где-то за Дьяковкой, стреляла по нашей пехоте во фланг и наносила ей потери. Бронепоезда красных шли быстро вперёд, стреляя на ходу. Наша пехота пыталась помешать их движению и под огнём складывала щиты на рельсы. Движением бронепоездов отряд был разрезан на две части: одна часть осталась по ту сторону железнодорожного полотна. Наступила полная темнота, гаубица и взвод 2-ой батареи отошли в южном направлении. Связь с пехотой была утеряна. Много пришлось потратить времени, пока отряд собрался. К рассвету порядок был восстановлен. Наша пехота в бою за день потеряла 35 человек.

4. На рассвете гаубице было приказано стать на позицию и открыть огонь по бронепоездам. После нескольких выстрелов было приказано прекратить огонь: оказывается, что красные оставили бронепоезда, предварительно взорвав один из них. Наша пехота захватила бронепоезда. Днём гаубица перешла в Дьяковку, где разместилась по квартирам. На пути между разъездом Клепалы и ст. Ворожбой было захвачено три бронепоезда, несколько вспомогательных поездов и жел. дор. эшелоны с грузом. Добыча была огромная. На расстоянии нескольких верст тянулись брошенные поез-

да. Гаубичному взводу удалось получить из покинутых эшелонов несколько телефонных аппаратов и телефонный провод. В этом ощущалась большая нужда. Разместились в Дьяковке очень хорошо. Наконец можно было отдохнуть от боев и походов.

В Дьяковке стояли спокойно. Один раз ходили в экспедицию на Бурынский сахарный завод (ст. Путивль), который заняли почти без боя. Пехота там захватила много сахару. Командиром 2-го взвода был назначен штабс-капитан Переслени, вместо капитана Каминского, который был назначен командиром 1-го взвода, который действовал с 1-м батальоном полковника Туркула и стоял в Белополье. С солдатами производились непродолжительные занятия главным образом пешим строем. Вместо разорвавшейся 48 линейной гаубицы прибыла 45-ти линейная гаубица английского образца. Со стрелками отношения были наилучшие. Командир батальона полковник Манштейн также прекрасно относился ко всему взводу. Однажды во взводе остановились беженцы из Москвы (интеллигентные люди). Им была дана возможность проехать в Ворожбу.

После перевооружения всей 7-ой гаубичной батареи 45 линейными английскими гаубицами осталась еще одна 48 линейная гаубица (бывшее третье орудие). Вместе с личным составом эта гаубица вошла во второй взвод, как 5-ое орудие. Начальником орудия остался поручик Ребиков, а взводом командовал шт.-капитан Переслени.

25. Взвод находится на станции Ворожба в подчинении командира 3-го батальона. На рассвете 5-ое орудие получило приказание подождать прибытия 4-ой роты со станции Глушково и вместе с ней и Архангелогородскими драгунами участвовать во взятии у красных станции Путивль, откуда накануне были выбиты Архангелогородские драгуны. Ими командовал, если не ошибаюсь, полковник Курбатов. Полк его состоял из двух спешенных и одного конного эскадрона. Другие два орудия второго взвода 7-ой гаубичной батареи должны были выступить с 3-м батальоном Дроздовского полка в направлении на станцию Глушково, т. к. в этом направлении также обозначилось наступление красных. Я, как начальник 5-го орудия, получил в штабе полка от полковника Румеля, командовавшего полком, указания относительно обстановки. В небольшом жел. дор. эшелоне прибыла 4-ая рота под командой прапорщика Иванова (известный своей храбростью офицер и старый доброволец). Гаубице было приказано идти вдоль жел. дор. линии в направлении на разъезд Карпиловка. Как прикрытие орудию, был придан взвод пехоты. Рота продолжала свой путь в поезде. Во время движения были встречены беженцы из села Дьяковка. Прибыв в знакомое

село, остановились на церковной площади. В доме священника находился штаб Архангелогородского драгунского полка во главе с полковником Курбатовым. Пришел также командир 4-ой роты прапорщик Иванов, назначенный полковником Румелем начальником отряда для занятия ст. Путивль и Бурынского сахарного завода. Полковник Курбатов от участия в наступлении устранился. Драгуны смотрели на стрелков немного неприязненно. Кроме этих частей в Дьяковке находились два взвода 5-ой роты 4-го офицерского полка, отошедших в Дьяковку с линии охранения по реке Сейм. Доложили о прибытии на разъезд бронепоезда (кажется «Гром»). Начальник отряда прапорщик Иванов приказал выступить. Было 12 часов и день очень жаркий. Гаубице было придано прикрытие: пол-взвода от 5-ой роты 4-го офицерского полка. Наступление началось вдоль железнодорожной линии. Правее жел. дор. полотна наступали 2-ой и 3-ий эскадроны драгун. Левее полотна 4-ая рота и гаубица. 1-ый эскадрон был послан в обход правого фланга красных на деревню Михайловку и Федоровку. Первые четыре-пять верст движение происходило без сопротивления. Гаубица двигалась на расстоянии полуверсты за цепью пехоты. Началась перестрелка, но красные постепенно отступали. Гаубица огня не открывала. Бронепоезд остался сзади, т.к. жел. дор. путь был разобран. Первой открыла огонь красная батарея, стоявшая на закрытой позиции у реки Сейма. Огонь усиливался, но движение вперéд не прекращалось. В двух верстах от Бурынского завода огонь красных достиг большой силы, и нашим стрелкам пришлось залечь. Красные лежали за земляным валом, который тянулся вдоль завода. Одновременно красные начали теснить пешие эскадроны, и наш правый фланг поддался назад. Чтобы поддержать драгун, гаубица стала на позицию и открыла огонь по цепям красных. Наблюдение велось с крыши жел. дор. будки. После десятка выстрелов гаубицы, красные прекратили наступление, и драгуны пошли вперéд. Гаубица двинулась дальше. По дороге встретил поручика, старшего офицера 4-ой роты, который передал приказание командира роты сбить пулемéты красных, находившиеся за забором дома правее жел. дор. пути. Эти пулемéты задерживали стрелков. Дом был хорошо виден, но пулемéты не были видны. Гаубица стала на закрытую позицию, а наблюдение за огнем велось с жел. дор. насыпи. После нескольких выстрелов от дома побежало несколько человек и пулемéтный огонь прекратился. Наши стрелки быстро пошли вперéд. Без особого труда завод и жел. дор. станция Путивль были заняты. На дороге лежал убитый, по рассказам пленных — это был красный командир батальона. Командир стрелковой роты очень благодарил за быстрое сбитие пулеметов. Были захва-

чены два пулемёта. Следующее село, однако, оставалось в руках красных. Чтобы выбить их оттуда не хватило времени (начинало темнеть), было недостаточно сил, и стрелки были сильно утомлены предыдущим боем. Бронепоезд с наступлением сумерок отошел в базу. Часть драгун ушла на ночь в Дьяковку. Красные не прекращали дальнего ружейного огня по станции. Гаубица выпустила несколько снарядов по окраине села, занятого красными, но это не помогло. По интенсивной стрельбе было видно, что красные собираются перейти в наступление. К вечеру у красных появилась легкая батарея, которая открыла по станции огонь шрапнелью. 1-й эскадрон драгун, выдвинутый к Шиловке, Степановке и Федоровке, доносил об усилении красных в этом направлении. Наступила тёмная чернозёмная ночь. Огонь по станции не прекращался. По предложению начальника орудия командир роты разрешил гаубице выйти из района станции и стать в одной версте в открытом поле, в направлении Дьяковки и, выставив охранение, поджидать рассвета.

26. Ночь прошла очень беспокойно. Проезжавшие с донесениями драгуны докладывали об усиленной деятельности красных. Ружейная стрельба не прекращалась. Перед рассветом у станции поднялась сильная ружейная и пулемётная стрельба — красные атаковали роту. Стрельба всё усиливалась. Видимость была плохая, к тому же и подъём местности скрывал завод. Для того, чтобы морально поддержать свою пехоту, гаубица выпустила несколько снарядов по тылам красных. В это время подкатил на подводе раненый в руку командир роты и сообщил, что рота понесла большие потери и почти окружена. Вместе с командиром роты на подводе сидел пленный красный, одетый в приличный штатский костюм.Он предупредил роту, что ее окружают. Показались отходящие цепи нашей пехоты. Орудие также начало отходить, два раза останавливаясь и открывая огонь по красным. Не доходя полуверсты до разъезда Клепалы, орудие стало на позицию и начало ожидать подхода пехоты. Подошел взвод стрелков, бывший отдельно в охранении под селом Красная Слобода и не пострадавший в бою. Рота рассыпалась в цепь по обе стороны от железной дороги. Во время отхода были потеряны два пулемёта «Максима». Слева подошел 1-ый эскадрон драгун под командой штабс-ротмистра Ставраки, обещавшего дать прикрытие гаубице. Показались густые цепи красных. Гаубица открыла огонь, который не остановил решительно наступающие цепи. Влево от гаубицы рассыпался лавой 1-ый эскадрон драгун и начал постепенно отходить. За жел. дор. линией красные начали обходить наш правый фланг. Кругом свистели пули. Огонь с красных пулемётных тачанок был очень силён. Пришло приказание от-

ходить на разъезд Кошары, так как красные заняли окраину Дьяковки.Начали отходить на Кошары. Видно было, как из Дьяковки уходил обоз драгун. Когда сильно пострадавшая рота и гаубица подошли к разъезду, со стороны Ворожбы появился бронепоезд (кажется «Гром»). На бронепоезде приехал также командир полка полковник Румель. Бронепоезд прибыл слишком поздно. Рота за два дня боя потеряла из 130 человек — 70 человек убитыми и ранеными, в том числе убит кадет Пажеского корпуса Артамонов, который держал себя во время боя героем. Ночью была получена телеграмма — роте с гаубицей отойти в село Марковка. Предстоял большой переход. Рота была без подвод и поэтому для нее это было довольно тяжело. Отход должен был прикрывать бронепоезд.

27. В 4 часа 30 минут отряд выступил с разъезда Кошары. В колонне шли: сперва 4-ая рота, затем гаубица и последними шли Архангелогородские драгуны. Полурота 5-ой роты 4-го офицерского полка ушла к своему полку в Ворожбу. Сперва шли очень осторожно с мерами охранения, т. к. были получены сведения, что у станции Путивль прошло много красной кавалерии. Наш отряд был на крайнем левом фланге 1-го армейского корпуса. Левее, у Конотопа действовали части 5-го кавалерийского корпуса. Разрыв был около 40 верст. Связи по фронту влево не было. По дороге стрелки собирали по деревням подводы, так что скоро все ехали на подводах. В селе Ульяновка был 2-х часовый привал. В некоторых местах отряд обгоняли подводы с беженцами, главным образом со служащими сахарных заводов. В 16 часов отряд вошел в Марковку, где разместились по квартирам. Рота выставила охранение. Вечером подошел батальон полковника Туркула. Начальник орудия явился полковнику Туркулу, который поблагодарил гаубицу за боевую работу, т. к. командир 4-ой роты перед тем очень хорошо отозвался о действиях орудия. Во время боя под Бурынским сахарным заводом удалось захватить много сахару. Этот сахар был погружен на подводы, освободившиеся из под расстрелянных снарядов, и в сопровождении двух солдат отправлен в город Сумы, где стоял обоз батареи.

29. 1-му батальону Дроздовского полка приказано перейти в город Сумы. В село Марковку же должен прийти 2-ой или 3-ий Корниловский полк. Вечером пришел хорошо экипированный Корниловский полк.

30. На рассвете колонна полковника Туркула выступила. Днём пришли в гор. Сумы, где разместились по хорошим городским квартирам. Я получил квартиру у какого то артиста, который очень сочувствовал Добровольческой Армии и подарил мне даже земскую карту Сумского уезда, которая очень

пригодилась. Из батареи прислали мне в помощь подпрапорщика Демченко (кавалера всех 4-х степеней Георгиевского креста, служившего в Великую войну в 71-ой арт. бригаде). В 16 часов пришло приказание выступить через час в село Стецковку. Состав отряда: 1-ый батальон Дроздовского полка под командой полковника Туркула, взвод 1-ой батареи под командой капитана Гулевича и гаубица 7-ой батареи. Орудие с подводами для снарядов заняло своё место в колонне. На улице толпились жители и смотрели на колонну. С темнотой выступили в Стецковку. Как квартиру, получил большой дом какой то старой купеческой вдовы.

31. На рассвете колонна выступила дальше. Прошли Писаревку. Под Кондратьевкой произошла небольшая перестрелка. Гаубица стала на позицию и обстреляла обоз красных, который после первых выстрелов рассеялся. С темнотой колонна вступила в большое село Ястребенное, где разместились по квартирам.

Сентябрь 1919 г.

1. Спокойно стояли в Ястребенном и отдохнули от походов. Особенно в отдыхе нуждались кони.

2. На рассвете внезапно началась ружейная перестрелка. Быстро заамуничили коней. Оказывается красные напали на охранение со стороны деревни Ободы. Гаубице приказано стать на окраине села. Гаубица рысью выехала на окраину и стала на позицию в огороде. Наблюдательный пункт был выбран на крыше дома. Наши стрелки рассыпались в цепь и перешли в наступление. Полковник Туркул со штабом стоял тут же. Вдруг послышалась стрельба со стороны Кондратьевки. Немедленно на эту окраину поскакал взвод 1-ой батареи капитана Гулевича. Немного впереди гаубицы в канаве лежала в резерве 2-ая рота. Одна шальная граната со стороны красных разорвалась в канаве. Первому стрелку, сидевшему в канаве, оторвало обе ноги. Несколько человек было убито, другие тяжело ранены. От этой единственной гранаты рота потеряла 34 человека. Это был и единственный артиллерийский выстрел со стороны красных. Красные были отброшены. Привели 5-6 человек пленных. Было приказано свернуться в колонну. Колонна двинулась на деревню Марьино через Андреевку. Во время движения через Андревку колонна подверглась артиллерийскому обстрелу, но потерь не понесла. Пришли в деревню Марьино, где собралось сравнительно много войск, в том числе и взвод 2-ой батареи под командой капитана Рогозина. Красные обстреливали артиллерийским огнём со стороны Юнаковки всю местность у деревни Марьино, хотя она и не наблюдалась со стороны Юна-

ковки. Ввиду того, что войска и обозы стояли скучено, возможны были потери.

3. Ночью было получено приказание о предстоящем наступлении на Суджу — перед рассветом предполагалось поставить артиллерию на позицию и открыть беглый огонь по Юнаковке. Прицел и направление были взяты по карте. Сигнальным было назначено орудие 1-ой батареи. Перед рассветом гаубица по сигналу открыла беглый огонь по селу Юнаковка. Между тем наша пехота пошла вперёд, сопровождаемая двумя бронеавтомобилями. Юнаковка была взята без боя. Было видно, что красные оставили ее в беспорядке: были видны брошенные повозки, валялось имущество. Эта паника красных была вызвана ночным обстрелом села артиллерией. Пройдя Юнаковку, отряд двинулся по дороге в направлении Суджи. По дороге несколько раз пришлось опрокидывать небольшие отряды красных, кроме того пришлось два раза открывать огонь по двум бронеавтомобилям красных. В 16 часов отряд подошел к городу Суджа. Справа у Гоголевки встретились с офицерским батальоном 31-ой пехотной дивизии. Еще правее на Подас наступал 13 пехотный Белозерский полк. Видно было, как красные массами в беспорядке отступали вдоль жел. дор. линии. Было приказано артиллерии рысью выехать вперёд и открыть огонь по отступающим. Во время этого выезда конь под начальником орудия упал, и он расшиб себе ногу. Орудие в это время стало на позицию и по приказанию подпрапорщика Демченко открыло огонь. Прицел был взят слишком малый и снаряд лег вблизи нашей пехоты. Подпрапорщик дальше стрелять не рискнул и красные ушли. Начальник орудия в это время подъехал на подводе, но цель ушла. Город был занят нашими и орудие вступило в город. Втянулись на площадь. В городе было взято 500 пленных. Разместились по квартирам. Город был сильно разграблен красными при вторичном занятии его. Население встретило добровольческие части очень хорошо. В Белозерском полку служило много добровольцев из Суджи и их встречали сестры и матери. Некоторые рыдали, узнав,что их близкие убиты. Начальник орудия разместился снова с номерами на одной квартире. Номера были мобилизованные крестьяне Ставропольской губернии. Телефонисты — добровольцы из учащихся (3 человек). Кроме того при орудии состоял единственный разведчик румын Франолеско. При орудии не было ни походной кухни, ни кашевара, ни хозяйственных чинов. Пришлось назначить одного из номеров для выполнения обязанностей артельщика. Для покупки продовольствия казенных денег не было, и начальник орудия для этого расходовал, под расписку, собственные деньги. Обоз был импровизированный из обывательских подвод.

4. Днём было приказано выступить в колонне 1-го батальона. Шли до ночи. Днём был двух-часовый привал. По дороге встретили батальон 31-ой пехотной дивизии, шедший на переформирование. В обозе этого батальона было видно много женщин. Ночью пришли в село Ново-Ивановку, где разместились по квартирам. Начальник орудия устроился с номерами.

5. Получено приказание перейти на станцию Глушково. У ст. Глушково собралось довольно много войска: там стоял биваком один из Корниловских полков, тут же находился 2-ой взвод 7-ой гаубичной батареи. После десяти-дневной разлуки была радостно встретить одно — батарейцев и соратников. Там же находился вольноопределяющийся Прокопов II, только что произведенный в офицеры. Был подан эшелон для погрузки отряда полковника Туркула (1-ый батальон, взвод 1-ой батареи и гаубица 7-ой батареи). Эшелон перешел на станцию Ворожбу, где отряд вновь выгрузился и стал по квартирам.

6. Утром начальник орудия явился полковнику Соловьеву, командиру 7-ой гаубичной батареи, и просил о назначении второго офицера в орудие, т. к. он сам должен находится во время боя на наблюдательном пункте, а младший офицер был бы при орудии. Полковник Соловьев пообещал прислать офицера.

7. Получено приказание спешно приготовиться к выступлению, так как отряд красных прорвался через Михайловку в южном направлении. Отряд немедленно выступил под командой полковника Туркула в прежнем составе с присоединением еще гаубицы тяжелого дивизиона полковника Де Полини под командой капитана Тидемана. По дороге колонна встретила дивизион 11-го гусарского Изюмского полка. Люди этого дивизиона были хорошо одеты в английское обмундирование. Гусары уже имели небольшие стычки с красными. В 16 часов отряд подошел к селу Терны. В Тернах только что перед этим были красные, причем в селе удалось захватить хвост красного обоза. Разведчику гаубицы удалось захватить подводу с шинелями. При захвате обоза некоторые красные пытались оказывать сопротивление. В это время в направлении на Чемодановку послышалась ружейная перестрелка. Гаубица рысью пошла по дороге на Чемодановку. Пройдя около версты, гаубица стала на открытую позицию вблизи цепей своей пехоты. Красные в большом количестве и в беспорядке выходили из Чемодановки. Наши стрелки энергично шли в наступление. Гаубица открыла огонь на прицеле 25. Для наблюдения служил зарядный ящик. Красные, опасаясь быть отрезанными, начали обтекать нас справа и слева. Гаубица перенесла огонь по обозам вправо. От батальона в бое-

вую линию были влиты две роты, третью роту направили влево, откуда красные пытались перейти в наступление. Красные были рассеяны, при чем большие потери понес конный отряд красных, пытавшийся проскочить мимо наших цепей. Уже начало темнеть. В Чемодановку послали квартирьеров. Было приказано «для морали» выпустить несколько снарядов по хуторам на запад от Чемодановки. Выполнив эту задачу, гаубица разместилась по квартирам. По всем признакам красные в этом бою были совершенно деморализованы: на поле валялось много имущества. Разведчиками орудия (в Сумах был посажен на коня ординарец Жувак, так, что орудие имело двух разведчиков) были взяты две верховые лошади, из которых одна была ранена. Вследствие темноты и большого утомления людей, преследование было отложено до рассвета. Чемодановка была маленьким хутором и поэтому разместились тесно и неудобно.

8. На рассвете отряд выступил для преследования красных. Двинулись через Терны, причем под Тернами обстреляли артиллерийским огнём отходившую колонну красных. Пошли на Череповку. Красные так быстро отступали, что мы потеряли с ними всякое соприкосновение. На ночь остановился в небольшой немецкой колонии. Красные, по имевшимся сведениям, остановились в Троицком.

9. Решено захватить врасплох красных, ночующих в Троицком, и обойти Троицкое с севера. Ночью колонна выступила при абсолютной темноте. Гаубица шла за орудием капитана Тидемана. На одном из перекрестков подводы со снарядами орудия кап. Тидемана, по невнимательности подводчика, оторвались от колонны и пошли по другой дороге. К счастью это было во время замечено, и ехавшая сзади на подводах рота выехала в голову колонны. Были высланы вперёд конные разведчики и колонну удалось найти у Троицкого. Троицкое оказалось уже оставленным красными. Колонна пошла дальше на Малое и Большое Неплюево. В Большом Неплюеве был большой привал. Изюмские гусары где-то настигли красных и их порубили. Из Неплюева колонна перешла в Дьяковку, где стали по старым квартирам. За эти походы люди и лошади очень утомились.

10. Отряд полковника Туркула спокойно стоит в Дьяковке и отдыхает. Лошадям отдых был очень необходим. Была получена телефонограмма, что на место гаубицы 7-ой батареи должна прийти гаубица из дивизиона полковника Де-Полини. Гаубица эта, однако, не пришла и всё осталось по старому.

11. На рассвете было получено приказание выступить. Колонна двинулась на свекло-сахарный завод Тёткино. Ввиду того, что по ошибке приказание не дошло до взвода 1-ой ба-

тарей, то в поле довольно долго пришлось ожидать взвода 1-ой батареи. Колонна пришла в Тёткино. Начальник орудия получил приказание выбрать позицию и наблюдательный пункт для обстрела переправы через реку Сейм (деревянный мост, т. к. жел. дор. мост был взорван). В 10 часов предполагалась артиллерийская подготовка, а затем захват моста стрелками. Наблюдательный пункт был выбран на крыше паровой мельницы. Затем начальник орудия выехал к мосту, чтобы лучше ориентироваться. Проехали плотину, затем лесок, на опушке которого были видны Архангелогородские драгуны. Проехал немного дальше с разведчиком Франколеско, как вдруг был с ближайшего расстояния обстрелян ружейным огнём. Оказывается, в двухстах шагах была уже переправа, а на противоположном берегу окопы красных. Вернувшись назад, я застал в Тёткино 2-ой и 3-ий батальоны Дроздовского стрелкового полка, а также и 1-ый и 2-ой взводы 7-ой батареи и всю 1-ую батарею. Эти силы должны были участвовать во взятии Тёткинской переправы. В 16 часов началась артиллерийская подготовка. К сожалению стрельба гаубицы была не вполне удачна, т. к. в самом начале стрельбы порвалась телефонная связь. Красные, под огнём артиллерии, очень быстро очистили позиции у моста и стрелки почти без потерь заняли мост. Пошел дождь. 5-ое орудие присоединилось к батарее. Пришлось идти лесом по отвратительной дороге. С большим трудом пришли в деревню Марьяновку, где стали по квартирам. Деревня очень бедная. Улицы узкие, так что нельзя было установить в порядке орудия. Таким образом 1-ое орудие батареи, после 18-ти дневного пребывания в отделе, присоединилось к батарее. За эти 18 дней орудие участвовало в семи боях и стычках. Походным порядком было сделано более 360 верст (не считая выезды на позицию). Дней отдыха было 5. Выпущено более 300 снарядов. Вместе с тем, в этот день кончилась служба 5-го орудия в 7-ой гаубичной батарее, т. к. оно с номерами, лошадьми и амуницией было передано в формирующуюся при 4-м дивизионе 12-ую гаубичную батарею. Из всего состава орудия в батарее остался лишь начальник орудия поручик Ребиков, который получил 3-ье орудие.

Октябрь 1919 г.

4. 2-ой взвод, в составе двух 45 линейных английских гаубиц, при двух зарядных ящиках, под командой шт.-капитана Переслени, при начальниках орудий — 3-го, поручика Ребикова и 4-го, подпоручике Будянском. При взводе один пулемёт системы Льюиса, обслуживаемый солдатами. Солдатский состав взвода — в большинстве мобилизованные жители Ставропольской губернии и несколько пленных. Добро-

вольцы в составе команды телефонистов и разведчиков. Взвод стоит в жел. дор. посёлке при станции Камаричи и находится в распоряжении командира 2-го Дроздовского полка полковника Румеля. Начальником артиллерии отряда командир 7-ой батареи полковник Соловьев. При отряде еще взвод 1-ой батареи и взвод 12-ой батареи — последний под командой поручика Лунина. Получено приказание: в составе колонны перейти в 16 часов в село Жадино. Посланные вперёд квартирьеры квартир не нашли, т. к. почти во всех домах были больные тифом. Население очень бедное. Улицы в селе очёнь узкие. По обычаю крестьян в этой местности погреба находи-

Район боев батареи с 4 октября по 8 ноября 1919 г.

схема 19

лись на улице, едва прикрытые досками, так что был риск в темноте провалиться с лошадью в погреб. Грязь в домах очень большая.

5. Перед рассветом выступили к переправе через реку Неруссу у деревни Загрядское. Железнодорожный мост хорошо охраняется красными и поэтому решено переправиться по деревянным мостам, которые находились на северной окраине села. Местность очень болотистая. Красные не заметили приближение отряда. 3-му орудию было приказано открыть огонь по окопам красных. Вперёд пошла команда пеших разведчиков, а за ней 4-ое орудие гаубичной батареи. При первых ружейных выстрелах красных, 3-е орудие открыло огонь по окопам красных. После нескольких выстрелов красные пришли в замешательство и начали убегать по мосту. Наши и пешие разведчики быстро продвинулись вперёд, дабы не позволить красным зажечь мост. Наши стрелки появились на мосту. Выпустив еще несколько снарядов вдогонку красным, 3-ье орудие также направилось к переправе. Красные отступили в большом беспорядке. За мостами начинался лес. Орудие двинулось по дороге лесом. В лесу была видна позиция красной батареи, которая не успела сделать ни одного выстрела. От нее тянулись провода к мосту. Пройдя лес и выйдя на опушку леса, наша пехота затеяла перестрелку с красными, которые сопротивлялись очень слабо. В лесу было взято в плен много разбежавшихся красных. С опушки леса были видны постройки господского дома в Брасово — имения, принадлежавшего Великому Князю Михаилу Александровичу. Пошли дальше, обходя имение слева. Были видны следы разграбления. Дома были заброшены. Получено приказание выехать на позицию и обстрелять бронепоезд красных, который не давал возможности нашей пехоте продвинуться вперёд. Влево на позицию стал взвод 12-ой батареи. Стали на позицию и открыли огонь по бронепоезду, который был плохо виден (только дым). Стреляли и по цепям красных и заставили цепи залечь. Влево показалась бригада нашей кавалерии, двигавшаяся по направлению жел. дор. полотна, чтобы отрезать бронепоезд. Красный бронепоезд это заметил и начал быстро отходить, стреляя на ходу. Полковник Соловьев приказал 3-ему орудию выехать вперёд и обстрелять красную пехоту, толпившуюся в районе станции. Пройдя рысью вправо около версты, орудие стало на позицию и открыло огонь по красной пехоте. Как выяснилось, впереди нашей пехоты не было. Красные были вооружены совершенно новыми японскими винтовками. Показалась наша пехота и красные обратились в паническое бегство. Подошел командир батареи и благодарил орудие за хорошую стрельбу. Получено было приказание идти в Брасово и становиться по квартирам. По

дороге встречались большие группы пленных красных, на плечах они держали винтовки и охотно шли в плен. Оказывается, во время боя на ст. Брасово был подан эшелон с недавно сформированным красным полком. Всё это были недавно мобилизованныеа жители Тульской губернии. Они в большинстве попали к нам в плен. Разместились по хорошим квартирам в Брасово.

7. 2-ой взвод стоит спокойно по квартирам в Брасово. Отношение жителей хорошее. Ожидается приказ относительно дальнейшего движения на Брянск. Наш бронепоезд (кажется „Генерал Дроздовский") ходил на станцию Навлю, никем не занятую и высаживал там пехотный десант. Имеются сведения, что на станции, к северу от Навли, высадились свежие латышские части и, что можно ожидать перехода красных в наступление. Наша же пехота вымоталась от беспрерывных боев. Кроме того наш левый фланг открыт, так как влево до 5-го кавалерийского корпуса большой разрыв.

8. Днём было получено приказание взводу отправиться на жел. дор. станцию и погрузиться в эшелон для перевозки на ст. Камаричи. Кроме гаубичного взвода в эшелон были погружены обозы и пехотные части. На станцию Камаричи прибыли и выгрузились поздно вечером. Тут же, на путях, выгружались из эшелона кавалерийские части (кажется Смоленские уланы). Все пути на станции были заняты эшелонами и базами. Взвод стал в Камаричах по старым квартирам.

9. В 9 часов взвод, в составе колонны 2-го Дроздовского стрелкового полка (командир полк. Румель), выступил на село Избичня. Вместе с отрядом идёт бригада кавалерии под командой ген.-м. Олейникова. Вправо от села Избичня взвод стал на позицию и открыл огонь по красным, выходившим в большом беспорядке из села Голышина. Огонь был очень удачен. Взвод стоял на открытой позиции. В это время пришло приказание от начальника артиллерии отряда полковника Соловьева, чтобы взвод перешел в село. По дороге взвод был задержан нашей кавалерией, переходившей на правый фланг. Вид у кавалеристов был неважный: много необученных, слабого здоровья юношей (учащаяся молодёжь), путмица и другое снаряжение было из веревок. Взвод стал в селе за домами и обстреливал цепи красных у села Избичня. Наша пехота продвигалась очень энергично, вправо развернулась кавалерия. Затем взвод перешел на юго-западную окраину села и, став на позицию, открыл огонь по красным, двигавшимся по Московско-Киевскому тракту. Внезапно ружейная стрельба возобновилась в большой близости — оказывается красные вновь заняли часть села. Взвод оказался в опасном положении. Пришлось пустить в дело пулемёт Льюиса. Атака была отбита, причем в 3-м орудии был контужен

ездовой. Атака нашей кавалерии на красную пехоту была неудачна, причем среди кавалеристов были люди со штыковыми ранами. С наступлением сумерок отряд вернулся назад в Камаричи. Бой нельзя было считать удачным, т. к. красных разбить не удалось и они вновь заняли Избичню.

10. В 12 часов взводу приказано поступить в распоряжение командира второго батальона 1-го Дроздовского стрелкового полка шт. капитана Рейбула-Вакарэ. Батальон находился в селе Бочарово. Взвод перешел в село Бочарово. Приказано перейти в дер. Голынь, чтобы поддержать наступление нашей пехоты. Наступление велось довольно вяло: пехота развернулась, но далеко не пошла. Влево у хутора Ступино был слышен сильный бой. Там воевал 3-ий батальон 2-го полка капитана Ващенко. С наступлением темноты приказано перейти в Камаричи, где на станции стоял бронепоезд „Генерал Дроздовский" под командой капитана Сомова (офицера Сергиевского артиллерийского училища). Приказано перейти в село Упорой (село большое). Пришли туда ночью и разместились по квартирам. В Упорое встретились с 1-ым взводом нашей батареи, который пришел туда с 1-ым Дроздовским полком.

11. На рассвете началось наступление. Вправо на ст. Камаричи наступал 1-ый полк под командой полковника Туркула. Вдоль по тракта 2-ой полк под командой полк. Румеля. Выйдя на окраину села, 2-ой взвод стал на позицию и открыл огонь по красным, лежавшим за полотном жел дороги. Оба орудия, как и всегда, стреляли самостоятельно, ввиду обширности фронта и многочисленности целей. Сбив красных, мы пошли вперёд по тракту. Дорога шла лесом. Вперёд было послано 3-ье орудия, причем в прикрытие была дана команда пеших разведчиков 2-го полка. Когда гаубица и команда пеших разведчиков вышли на опушку леса, они были обстреляны картечью красной батареи, которая стояла недалеко. Несколькими выстрелами красную батарею удалось прогнать. Приказано было вернуться назад. Задача полка была занять Казинские постоялые дворы и хутора Ступино. Первое было выполнено, но хутора занять не удалось, ввиду наступившей темноты. Ночевать перешли в деревню Дерюгино, где разместились по квартирам. Ночью пришло приказание отправить одну гаубицу в распоряжение командира 2-го батальона, который должен был идти в село Литиж.

12. На рассвете 3-ье орудие выступило в составе 2-го батальона 2-го полка в село Литиж. Прийдя в село Литиж, гаубица получила приказание немедленно вернуться на Казинские постоялые дворы В том направлении была слышна сильная ружейная стрельба. Орудие пошло назад переменным аллюром. Когда подошли к Казинским постоялым дворам, то

полк. Румель приказал орудию открыть огонь по отходящим красным. Стрелять, однако, не пришлось, т. к. красные успели отойти. Оказывается на рассвете красные напали на сторожевое охранение и его потеснили. Положение было возстановлено огнём 4-го орудия и подоспевшими резервами. Было приказано итти вперёд и взять хутора Ступино. К 15 ти часам они были взяты. Взвод стал на позицию и открыл огонь по красной батарее, которая была видна по вспышкам. Красную батарею удалось заставить замолчать. Рядом действовали две трех-дюймовые пушки 10-ой легкой батареи под командой полковника Самуэлова. Вечером взводу было приказано перейти в Казинские постоялые дворы, где стоял в резерве 1-ый батальон 2-го полка под командой капитана Казака. В Ступинских хуторах остался 3-ий батальон под командой капитана Ващенко. Во время боя за хутора на них со стороны Литижа вышел первый батальон 1-го полка под командой капитана Боровского. Кап. Боровский доложил полковнику Румелю, что он пропустил мимо себя массу красных, но ничего не мог сделать, т. к. у него не было артиллерии. 3-ье орудие своим переездом очень измучило лошадей, но в бою приняло мало участия. Во время боя в 3-ьем орудии сильно ушиблен бомбардир Лупанос.

13. Взвод стоит на Казинских постоялых дворах. Размещены люди очень плохо. Помещения малы и грязны. Большинство людей находится под открытым небом, также и лошади. 4-ое орудие днём ходило дежурить у Ступинских хуторов.

14. 1-му батальону приказано занять деревню Угреевичи. для чего 3-ьему орудию перейти в село Добричик, занятое нашими двумя ротами под командой полковника Савицкого. 3-ье орудие пришло в село Добричик. Полковник Савицкий весьма обстоятельно ознакомил начальника орудия с обстановкой и указал, где наше охранение, где красное и т. д. Полк. Савицкий был георгиевский кавалер и бывший командир полка по Великой войне. В батальоне были офицеры, которые его знали по Великой войне, как прекрасного командира полка. В гражданскую войну он действовал неудачно и только упускал благоприятные случаи. Как офицеры говорили, он действовал слишком обстоятельно. Гражданская война требовала других методов и не была похожа на «большую войну». Этим объясняется, что в гражданскую войну выдвинулся ряд молодых офицеров.

Когда показался наступающий справа 1-ый батальон, то гаубица открыла огонь по Угреевичам. Наблюдение было очень хорошим и стрельба удачной. Красные заметались по селу. Была видна отходящая колонна красных, по которой был открыт огонь. Гаубица выехала на открытую позицию

и продолжала огонь. 1-ый батальон занял село. Гаубица получила приказание вернуться на Казинские постоялые дворы. С наступлением темноты 1-ый батальон оставил Угреевичи.

11. 1-му батальону приказано перейти в Литиж вместе с 4-м орудием. 3-му орудию приказано перейти в распоряжение командира 3-го батальона кап. Ващенко. Явившись к командиру батальона, начальник орудия получил приказание стать на позицию на восток от хутора и вести наблюдение за противником. В 14 часов поднялась стрельба у Добричика. Видно было, как наша пехота отходила. Гаубица открыла огонь по красным, показавшимся у Добричика. На помощь в Добричик от 3-го батальона была послана одна рота (штыкакой состав в ротах был около 40 человек). В это время обнаружилось наступление красных на Ступинские хутора. Орудию пришлось стрелять по сектору более, чем в 180 градусов. Видно было несколько цепей красных. Снаряды были на исходе. Наступила темнота. Кап. Ващенко послал в Литиж за помощью. Расстреляв все снаряды, орудие получило разрешение идти в Литиж. По дороге встретили 1-ый батальон, шедший на помощь. Прийдя в Литиж, орудие разместилось по квартирам, уступленным 2-ой батареей (под командой полк. Николаев). Командир 2-го Дроздовского полка полк. Румель приказал на следующий день вновь занять хутора Ступино.

16. На рассвете 3-е орудие перешло в Казинские постоялые дворы, где находится 3-й батальон. Командир батальона собрал командиров рот и объяснил им задачу — наступать на Ступинские хутора. Отряд вытянулся. Вперёд выехали батальонные разведчики. Вести бой однако не пришлось, т. к. хутора были оставлены красными. Орудие стало на прежнюю позицию. Вечером было получено приказание — 3-ьему батальону вместе с орудием отойти в Литиж. В Литиже присоединилось 4-ое орудие. Решено перейти к обороне.

17-19. 2-ой взвод стоит в селе Литиж. В селе находится сожженный крестьянами в 1917-м году винокуренный завод Воейкова, бывшего дворцового коменданта. Пол села сгорело 25-го сентября 1919 г. от огня красного бронепоезда, когда наши наступили на станцию Камаричи. (25 сентября под Камаричами попаданием снаряда с бронепоезда был тяжело ранен начальник 4-го орудия 7-ой гаубичной батареи подпоручик Уласюк, и убиты младший фейерверкер Браун и доброволец Попов). По очереди одна гаубица дежурит на площади у церкви (наблюдательный пункт на колокольне), а другая ходит в деревню Олешок-Починок, где стоит команда пеших разведчиков 2-го полка. Взводом, начиная с 8-го октября, командует капитан Камлач, при взводе живет старший офицер батареи капитан Мусин-Пушкин. Размещены хо-

рошо. Люди и лошади отдыхают после утомительного периода. На колокольне дежурит разведчик. 1-й полк с нашим 1-м взводом ушел под командой полковника Туркула в рейд на город Севск.

20. 3-ье орудие на рассвете ушло дежурить в Олешок-Починок. Наблюдательный пункт — на ветряной мельнице. Связь с орудием при помощи телефона. В 14 часов обозначилось сильное наступление красных на Олешок-Починок. Красные наступали несколькими цепями широким фронтом, обходя деревню справа и слева. Гаубица открыла огонь, причем наступавших в центре удалось задержать. Команда пеших разведчиков совсем растворилась в большой деревне и куда-то ушла. По прежней дороге на Литиж отходить было нельзя, т. к. красные уже заняли окраинные дома деревни. Гаубице пришлось идти по балке речки. Дорога была обледенелая, лошади падали. Прошли лесок и вышли на станцию Дерюгино. На станции стоял наш бронепоезд. Начальнику орудия удалось связаться по телефону с командиром 3-ьего батальона, прося указаний. Командир батальона приказал гаубице идти на Литиж с мерами охранения. Во время движения вперёд был выслан пулемёт „Льюиса" (очень слабое прикрытие). Пришли благополучно в Литиж, где орудие считали уже погибшим, т. к. команда пеших разведчиков донесла о гибели орудия. Разведчик Меликов, посланный от орудия, чтобы узнать, свободен ли путь в Литиж, еле ускакал от красных в Литиж и там донёс капитану Камлачу, что орудие погибло.

21. Стоим в Литиже. Олешок-Починок вновь занят нашими. На киевском тракте появились части обходной колонны полковника Туркула. Красные в панике отходят по тракту. С колокольни села Литиж — прекрасная видимость. Красный бронепоезд обстреливал колокольню, не безрезультатно.

22. Приказом Главнокомандующего Вооруженн. Сил Юга России 3-ья Артиллерийская бригада переименована в артиллерийскую Генерала Дроздовского бригаду.

2-ой взвод получил приказание приготовиться к выступлению. В 8 часов колонна выступила на деревню Шулевку. Подойдя к деревне, колонна попала под обстрел. Взвод стал на позицию и открыл огонь по деревне. Сильный туман мешал наблюдению. Вдруг стрельба прекратилась. Оказывается, одна из рот батальона обошла деревню слева и захватила красных врасплох. Одна рота красных сдалась в плен целиком. Красный батальон, занимавший деревню, был всего несколько дней тому назад прислан с Архангельского фронта. Люди были хорошо одеты. Многие в английском обмундировании. Были захвачены пулемёты. Наш батальон двинулся дальше вдоль железно-дорожного полотна. Донесли, что по-

казался красный бронепоезд. 3-ье орудие выехало вперёд. Из тумана показался красный бронепоезд. Орудие остановилось и выпустило по бронепоезду несколько снарядов. После первого же выстрела бронепоезд начал отходить. Как потом сообщили жители, первый же снаряд попал в площадку бронепоезда. 3-ий батальон собрался у жел. дор. будки. Привели пленных. Командир батальона приказал отобрать у красноармейцев лучшее обмундирование и заменит его худшим от своих людей. Началась процедура переодевания. На ночь отошли в Хлебтово, где разместились по квартирам.

23. С утра впереди Хлебтова началась перестрелка. Красные начали теснить наше охранение. Вперёд выслали две роты и 3-ье орудие под командой помощника командира батальона, штабс-капитана Потапова. Это был очень храбрый офицер. (В Северной Таврии в 1920 году он командовал батальоном у ген. Харжевского во втором полку. Был награждён орденом Св. Николая. Смертельно ранен в последних боях и умер в Константинополе). Обе роты развернулись, а гаубица стала на открытую позицию. Из всех окружных деревень начали высыпать красные, так что гаубица не успевала менять направление. Сектор стрельбы был более 180-ти традусов. Красные держали себя не стойко. Наши стрелки заняли Петровское и господский двор впереди Петровского, где удалось захватить пушку в полной запряжке. Там же был брошен зарядный ящик, но вывезти его не удалось, т. к. красные снова перешли в наступление. Сильный туман мешал наблюдению и полную поддержку огнём оказать было невозможно. Наша пехота отошла за деревню. В это время подошли на помощь еще две роты и две пушки 10-ой легкой батареи полковника Самуэлова, которые заняли позицию тут же вправо. Со стороны красных также появилась артиллерия, которая, однако, стреляла очень плохо. Бой разгорелся и наша пехота перешла вновь в наступление и сбила красных. Красные отошли окончательно. Пленные красноармейцы были по большей части жители Новгородской и Псковской губерний. Они были хорошо обмундированы. Брошенный ящик красные успели увести. Во время боя пришлось также стрелять батарейному пулемёту системы „Льюиса". На ночь отошли в Хлебтово, где стали по старым квартирам. Несмотря на успех, положение всё же было шаткое — у красных появлялись всё новые и новые силы. У нас же оставалась всё та-же малочисленная, выбившаяся из сил, мёрзнущая и несущая потери пехота. В этом бою, например, был тяжело ранен один из командиров роты и убит взводный командир.

24. С рассветом начался отход на новые позиции. Пришлось сделать около 25-30 верст. Взводу было приказано перейти в распоряжение командира 3-ьего батальона 1-го Дроз-

довского стрелкового полка, подполковника Тихменева в деревню Бычки. Жаль было расставаться с батальоном капитана Ващенко. (Кап. Ващенко умер от сыпного тифа во время отступления по Кубанской области). С пехотой у нас были отношения очень хорошие и пехота также жалела о нашем уходе. В 16 часов пришли в деревню Бычки, где уже стоял 3-ий батальон 1-го полка. Разместились по квартирам. Квартиры были неважные. Фураж достать было очень трудно. Деревня бедная. Этот день, собственно говоря, можно было бы считать за начало отступления.

25. 7-ая гаубичная батарея находится в распоряжении 1-го Дроздовского стрелкового полка. Начальником артиллерии, приданной полку (1, 7 и 12 батареи), является командир 7-ой гауб. батареи полковник Соловьев. 2-ой взвод батареи вместе с 3-ьим батальоном стоит в Бычках. 1-ый взвод стоит в резерве на ст. Дерюгино вместе с 1-ым батальоном. 2-ой батальон с 1-ой и 12-ой батареей находится в Красном Клане. Влево на Севском направлении части 5-го кавалерийского корпуса. Вправо в селе Клишино части Самурского пехотного полка.

26. На фронте 1-го полка спокойно. Ночью самурцы отошли в Пальцево.

27. На фронте 1-го полка спокойно.

28. В 2 часа ночи красные совершили внезапное нападение на 3-ий батальон 1-го полка в Бычках. Застигнув врасплох заставу, красные быстро подошли к деревне. Лошади в гаубичном взводе были разамуничены. Под ружейным огнём начали быстро заамуничивать лошадей. 4-ое орудие под командой капитана Камлача сделало выстрел для морального воздействия, при этом вследствие сильного мороза лопнула пружина накатника и орудие выбыло из строя. Батальон, собравшись на юго-западной окраине деревни, перешел в контр-атаку и отбросил красных. На рассвете 3-ье орудие стало на позицию на южной окраине Бычков, имея наблюдательный пункт на крыше дома. В продолжении дня красные пытались несколько раз перейти в наступление с севера и с востока, причем они накапливались в лесу, который находился в трех верстах от деревни. Гаубица в течении дня открывала несколько раз огонь и отгоняла красных. Днём красные, подойдя со стороны Севска, заняли в тылу полка город Дмитриев. Заняв переправу на реке Свапе, они старались отрезать 1-ый полк. В 19 часов пришло приказание — отойти на станцию Дерюгино, где сосредотачивался весь 1-ый полк.

29. В 2 часа ночи батарея (три орудия) выступила в составе колонны 1-го полка. Дорога шла лесом и была очень тяжелая. Скаты обледенели. Люди и лошади выбивались из

сил. На рассвете колонна подошла к городу Дмитриеву с севера. Пехота начала разворачиваться в боевой порядок. Артиллерия стала на позицию, причем было приказано огня без приказания не открывать. Красные, повидимому, не ожидали нападения. Наши стрелки, рассыпавшись в цепь, начали наступать на город. Когда цепи близко подошли к городу, то было видно, как красные начали выбегать из домов. Артиллерия открыла огонь. Красные, не выдержав огня, начали в безпорядке отступать на село Крупец. Упорное сопротивление красных оказывали в районе жел. дор. станции, т. к. со стороны Севска начали подходить подкрепления. Артиллерия перенесла огонь на Севское шоссе и разогнала подходившие резервы. Город был занят окончательно. В городе было взято семь трех-дюймовых пушек и большой обоз.

Описание того же боя другим его участником, офицером 1-го Дроздовского полка, капитаном А. Павловым:

„Наш полк (1-ый Дроздовский) по бездорожью, лесными тропинками, по колено в снегу, повернул обратно к городу Дмитриеву. На рассвете мы подошли вплотную к городу, не чувствуя ног от усталости. Наши доблестные артиллеристы, полковники Чеснаков и Соловьев, выкатили все орудия на позицию и открыли по городу Дмитриеву ураганный огонь. Второй батальон пошел в лобовую атаку. Командир 4-ой роты, капитан Иванов, с полуротой прикрывал правый фланг второго батальона и пошел на станцию, а я, будучи старшим офицером 4-ой роты, по собственной инициативе с первой полуротой, в составе четырех офицеров: поручика Клочко, поручика артиллериста Тихона Криницкого, подпор. Василия Ровного и пор. Троицкого, с двумя пулемётами находившимися под командой поручиков Заносьева и Спене и 72 стрелками перешел железно-дорожную насыпь, пошел по Севскому большаку (дороге) и вскоре наткнулся на цепь красной пехоты (силою роты), с которой немедленно вступил в бой. Мы сбили красных с занятой позиции и начали их преследовать. От оставшихся красных раненых мы узнали, что недалеко от дороги, за буграми стоит на позиции красная батарея. Не медля ни минуты, я повернул полуроту в направлении батареи, и мы бросились бегом в атаку на батарею. Та нас встретила огнём, но успела сделать один выстрел. Не взирая на сопротивление, мы захватили батарею, и поручик Т. Криницкий тут же из их орудий начал обстреливать убегающих красных".

Продолжение дневника кап. Ребикова.

Батарее было приказано перейти в район станции, откуда был прекрасный кругозор. Чтобы перейти на станцию, необходимо было переправиться на другой берег реки Свапы. Переправа была очень тяжелая (мост находился еще в руках красных), так как берега были очень крутые с обледенелыми скатами. Первым переправилось 3-ье орудие. Сперва на руках спустили орудие без передка, а затем передок на одном корню. В это время со стороны Дерюгина начали подходить многочисленные цепи красных, очевидно, догонявшие 1-ый полк. Гаубица, без одного снаряда, рысью выехала на открытую позицию около станции. Тут же стоял командир полка полковник Туркул со штабом. Оказалось, что на станции стоял брошенный эшелон со снарядами. Рота бросилась подносить снаряды из вагонов к орудию. Цепи красных были отлично видны. Пользуясь прекрасной видимостью, гаубица открыла беглый огонь. Снаряды рвались в цепях красных и в их рядах началось большое замешательство. Цепи начали быстро отходить, что было весьма кстати, т. к. в наших обозах, которые были сзади, начался безпорядок. Начали подходить и другие орудия. Красные были окончательно отброшены. Батарея выпустила 180 снарядов.

30. В 9 часов красные начали наступать на город Дмитриев со стороны Дерюгино. Батарея стала на позицию в районе станции. Весь день продолжалась перестрелка. Красные наступали нерешительно. К вечеру красные были отбиты окончательно. Большую помощь при отбитии атаки красных оказал бронепоезд „Дроздовец", который врезался в цепи красных. Ночью со стороны Севска подошла батарея красных и обстреляла район станции. В ответ на это две гаубицы и 3 легких орудия при двух ротах вышли на Севское шоссе и, пройдя версты две, обстреляли деревню Кузнецовку.

31. В 12 часов красные крупными силами (по показаниям пленных — четырнадцати полков) атаковали г. Дмитриев со стороны Крупца, Дерюгина и Севского шоссе. Батарея стала на позицию в районе станции и открыла огонь по красным, наступавшим несколькими цепями. Снаряды брались из брошенного на станции парка. Красные сильно обошли наш левый фланг и в конце концов вышли на жел. дор. линию к югу от Дмитриева, угрожая захватить деревянный мост через болотистую реку Свапу у села Рагозное, т. е. единственный путь отступления. Отряд начал отходить, под фланговым огнём красных, вдоль жел. дор. линии. В это время показался наш бронепоезд „Дроздовец", стрелявший беглым огнём по красным. Красные бросились бежать и очистили путь отступления. Отход был тяжелым ввиду го-

лоледицы. Батарея вместе со вторым батальоном отошла в Ново-Першино, где стала по квартирам. Во время боя в батарее ранено пять солдат: бомбардир Гарденин, канонир Колесниченко, бомбардир Доценко и двое других. Выпущено около 200 снарядов. На батарее осталось всего 16 бомб. Во время отхода было оставлено несколько лошадей, приставших от истощения. Два орудия батареи (2-ое и 4-ое) находятся при штабе полка, как испорченные.

Ноябрь 1919 г.

1. На рассвете 2-ой батальон 1-го Дроздовского стрелкового полка под командой капитана Рейбула-Вакарэ получил приказание вновь занять село Рагозное. Батальону приданы две гаубицы (1-ое и 3-ье орудия) под командой капитана Камлача. Когда колонна втянулась в село, то разведчики донесли, что с другой стороны в село втягивается колонна красных. Действительно, несмотря на сильный туман, сквозь просветы деревьев была видна колонна красных. 3-ье орудие прямо на улице снялось с передка и открыло огонь по красным. В это время наша пехота бросилась в штыки на красных. Застигнутые врасплох, красные бросились бежать, оставив на улице три 3-х дюймовых пушки в полной запряжке, подводы со снарядами и тачанку с пулемётом. Наша пехота потерь не имела. В 3 часа приказано отойти в село Романовку. На батарее оставалось всего 11 снарядов, пехота же имела очень мало патронов. В Романовке расположились по квартирам.

2. В 2 часа ночи, согласно приказу, батарея вместе со вторым батальоном выступила на Белицу, куда прибыла на рассвете. В Белице сосредоточился весь 1-ый полк. В 12 часов красные начали наступать на Белицу, но были отбиты. Одна гаубица выезжала на позицию, но огонь не открывала. Взятые пленные хорошо одеты, в то время, как наши, особенно пехота, одеты очень плохо. В 13 часов отряд: 1-ый полк и 1-ая и 7-ая батареи, выступил на Канышевку. По имеющимся сведениям Льгов занят красной кавалерией. Дорога очень тяжелая, к тому же лошади голодают, вследствие недостатка фуража, т. к. хозяйственная часть больше месяца не высылает никаких продуктов. В 21-ом часу отряд прибыл в Канышевку. Батарея тесно разместилась по квартирам. В батарею прибыло три офицера, спасшихся при гибели 12-ой батареи в деревне Захаровке.

Гибель 12-ой батареи. Боевая часть 12-ой бат. в составе одной 48 линейной гаубицы (бывшего 5-го орудия 7-ой батареи) и двух трехдюймовых пушек шла совершенно отдель-

но без мер охранения на переформирование в тыл. Боевой частью командовал поручик Лунин (старый офицер 7-ой батареи, где был начальником орудия в первом взводе). При движении через деревню Захаровку батарея была внезапно атакована отрядом красной кавалерии. Поручик Лунин шел впереди и был сразу же захвачен. Вместе с ним и поручик Крамаренко (Сергиевское артиллерийское училище). Трем офицерам удалось бежать, в том числе поручику Мордвинкину. При взятии нами Льгова из разсказов жителей удалось узнать, что поручик Лунин был зарублен красными кавалеристами во Льгове.

3. В 8 часов батарея в составе колонны 1-го полка выступила на Ширково, где был двух-часовой привал. В Ширково к отряду присоединилась бригада кавалерии, отрезанная от Льгова. Бригада вошла в состав отряда полковника Туркула. Из Ширкова пошли при сильной мятели без дорог по замёрзшей пахоте на Сергеевку. Голодные лошади окончательно выбились из сил, по дороге пало несколько лошадей батареи. В 2 часа прибыли в Сергеевку, где разместились очень тесно по квартирам, а многострадальная пехота наша выставила сторожевое охранение. Река Сейм не замерзла.

4. На рассвете отряд полковника Туркула выступил на Льгов. Красные, повидимому, не ожидали нападения и были захвачены врасплох. Несколько кавалеристов было поймано на улице. Без труда были взяты город и переправа через реку Сейм. Батарея разместилась в деревне Нижняя Деревенька.

5. В 4 часа утра началась ружейная перестрелка. Лошадей быстро заамуничили и люди стали по местам. Оказывается красные напали на штаб 1-го полка, стоявший на станции Льгов. На рассвете батарея стала на позицию в районе жел. дор. станции и открыла огонь по красным, толпившимся около жел. дор. зданий. Красных удалось отбросить. Во время перестрелки был ранен старший фейерверкер Болотов 1-ый. В 20 час. отряд перешел в деревню Верхние Деревеньки, где стал по квартирам.

6. Стоим в деревне Верхние Деревеньки, первый день отдыха после столь тяжелых переходов и боев. В 14 час. красные пытались наступать, но были без труда отбиты.

7. На рассвете отряд перешел в деревню Локню. Штаб полка на станции Локня. Вечером, впервые за 5 недель, из хозяйственной части батареи в боевую часть были доставлены продукты и фураж. Продукты были доставлены по жел. дор. на станцию Локня, а оттуда были забраны подводами обоза боевой части. Ввиду глубокого снега, последние переходы были совершены с большими трудностями, что повело к падежу многих совершенно обезсилевших лошадей. Из-за

снежных заносов орудийные щиты врезались в снег и служили своего рода тормазом.

8. Из-за слабости конского состава, по приказанию свыше, батарея была снята с позиции и перевезена в глубокий тыл под Харьков. На фронте от батареи осталось только одно орудие с наиболее сильными лошадьми под командой штабс-капитана Коваленко.

Обзор боевых действий за период май — ноябрь 1919 года.

9-го мая 1919 года Добровольческая Армия перешла в наступление, окрылённая большими надеждами. Погода большей частью благоприятствовала, отношение населения было вполне благожелательное. Двигались широким фронтом. Красные большого сопротивления не оказывали. Пехотные части сильно пополнились за счёт притока добровольцев и многочисленных пленных, которые воевали у нас очень хорошо. С наступлением осеннего времени и с переходом за реку Сейм многое переменилось в худшую сторону. Мы вступили в район с очень бедным населением. Начались значительные затруднения с продовольствием и фуражем. Кульминационным пунктом было взятие Брасова 5-го октября. После этого начались затруднения и неудачи. Безпрерывные бои и переходы окончательно измотали людей и лошадей. Особенно тяжело приходилось пехоте, когда нужно было, после тяжелого перехода и боя, идти в непогоду в сторожевое охранение. Наши части начали терять свою подвижность и манёвренную способность, то есть те качества, которыми добровольцы всегда били красных, несмотря на численное их превосходство.

Отход по Кубанской области в 1920 году.
Февраль 1920 г.

19-21. Станица Старо-Минская.
22. Станица Ново-Минская.
23-25. Станица Каневская.
26-28. Станица Брюховецкая.
29. Хутор Роговский.

Март 1920 г.

1. Хутор Роговский.
2. Станица Поповическая.
3. Станица Старо-Нижне Стеблиевская.
4. Станица Славянская.
5-10. Станица Троицкая.
11. Станица Крымская.
12. Станица Нижне-Баканская.
13. Ночной переход.
14. Новороссийск.

В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ (МАЙ — НОЯБРЬ 1920 г.).
Май 1920 г.

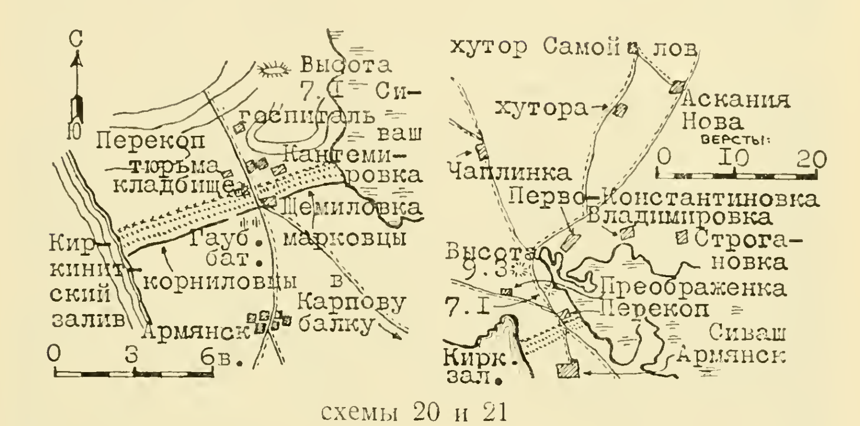
После несчастной Новороссийской эвакуации батарея прибыла без орудий в Севастополь. Из Севастополя батарея по жел. дороге была перевезена в Джанкой, откуда походным порядком перешла к Перекопскому валу, где приняла совместно с 8-ой гаубичной батареей от батареи офицерской артиллерийской школы четыре 45 линейных английских гаубицы, один пулемёт „Викерса" и один ручной пулемёт „Льюиса". Была сформирована сводная гаубичная батарея Дроздовской артиллерийской бригады под командой полковника Соловьева (полк. Медведев находился в эвакуации). Обоз батареи расположился в деревне Воинка. Первые три орудия батареи были укомплектованы личным составом 7-ой батареи, а 4-ое орудие 8-ой батареи. В 3-ий Дроздовский стрелковый полк перешли: капитаны Переслени, Обухов, Диденко, Коваленко, поручики Будянский, Кривенко, подпор. Прокопов II и несколько старых добровольцев. Переведены в батарею из бронеавтомобильных частей: полковник Нилов и капитан Кудряшов. Из 8-ой батареи: подпоручик Рутковский, Галицынский и Обремский, а также подпоручики Игнатьев, Семенов и поручик Мордвинкин из состава погибшей 12-ой батареи. На Перекопском валу батарея была придана 1-ому Марковскому пехотному полку под командой полковника Марченко (первопоходника). Позиция батареи была почти на стыке с Корниловской дивизией. Пехотные роты были весьма слабого состава (около 20 штыков в роте). Впереди вала были слабые проволочные заграждения. На валу было устроено непрерывное наблюдение за полем. На наблюдательном пункте находилась даже стерео-труба. Велась запись наблюдений. 2-го мая красная артиллерия открыла внезапно артиллерийский огонь по валу, причем случайным снарядом был убит доброволец Безсонов (похоронен в Армянске). В общем стояли спокойно. Были вырыты землянки. Погода была большей частью прекрасная. Перед переходом в наступление начала производиться подготовка к операции. Сводная батарея была вновь разделена на две батареи: 7-ую и 8-ую. 8-ой батареей командовал полковник Абамеликов при старшем офицере капитане Прокопенко. Обе батареи были двух-орудийные. Старшим офицером 7-ой батареи был капитан Камлач.

24. Батарея в составе двух 45 линейных английских гаубиц, одного пулемёта „Викерса" и одного пулемёта „Льюиса" начала готовиться к переходу в наступление. На будущую позицию батареи у высоты 7.1 было свезено 200 снарядов. Были вырыты ровики для номеров и отрыты площадки для орудий. С этой позиции батарея 21-го мая пристреляла

при помощи аэроплана две батареи красных и их окопы западнее Перво-Константиновки.

Позиция на Перекопе к 25 мая 1920 г.

Район боев батареи с 26 по 30 мая 1920 г.



схемы 20 и 21

25. В 24 часа ночи на 25-е число батарея выехала на позицию к юго-востоку от высоты 7.1, то-есть выехала вперёд за проволочные заграждения. Батарее было приказано открыть огонь перед рассветом по общему сигналу, по заранее пристреляным целям. Батарея стояла на закрытой позиции. Наблюдательный пункт с вырытым окопчиком и ходом сообщения находился в 400 шагах вправо от высоты 7.1. На наблюдательный пункт отправился старший офицер и командир взвода с телефонистами и пулеметчиками. Протянули телефонную связь. Командир батареи полковник Соловьев был начальником левого артиллерийского участка и находился при начальнике артиллерии полковнике Машине. Высота 7.1 занималась всего лишь пикетом 2-го конного Дроздовского дивизиона. Других частей, прикрывающих выехавшую вперёд артиллерию, не было. Таким образом вся артиллерия участка полковника Машина, стоявшая здесь, охранялась всего конным пикетом. В час ночи наблюдательный пункт батареи был внезапно обстрелян ружейным и пулемётным огнём. Наш пулемёт также открыл огонь. Конный пикет ускакал. Началась редкая перестрелка. Ввиду серьезности обстановки на батарее были собраны номера с винтовками и высланы на высоту 7.1. Отдельные выстрелы продолжались всю ночь. Перед рассветом послышалось „ура!“ нашей пехоты, и по всему фронту разлился сильный ружейный огонь. Наша артиллерия открыла сильный огонь. 7-ая гаубичная батарея вела огонь по заранее пристреляным красным батареям. Ба-

тареи красных открыли заградительный огонь, который однако вреда не причинил, т. к. ложился между наблюдательным пунктом и позицией батареи. Через четверть часа батареи красных замолчали и ружейная стрельба удалилась. Батарея перешла к высоте 9.3. Наши части быстро продвигались вперёд. Батарея получила приказание ожидать подхода Дроздовской дивизии, которая стояла в резерве в районе Воинки, и перейти в ее распоряжение. Батарея остановилась влево от дороги на Чаплинку в двух верстах от Перво-Константиновки. Здесь батарея стала на позицию и вела огонь во фланг цепям красных, которые наступали на Перво-Константиновку. Рядом стреляла 8-ая батарея. В 11 часов батарея перешла в Перво-Константиновку, где оставалась на улице. В 13 часов была получена полевая записка от командира 2-го Марковского полка с просьбой его поддержать, т. к. красные его очень теснили. Разгорелся сильный ружейный огонь. Батарея выехала на позицию в одной версте к западу от Перво-Константиновки и открыла огонь по цепям красных. Наша малочисленная пехота быстро отступала. Батарее пришлось переменить позицию и отойти немного назад. Сзади была видна подходившая колонна Дроздовской дивизии. Начал подходить 3-ий Дроздовский полк, который разсыпался в цепь за батареей. Сперва батарея поддерживала своим огнём наступление 3-ьего Дроздовского стрелкового полка. В 16 часов батарея получила приказание отойти за вал и перейти в распоряжение 2-го Дроздовского стрелкового полка. Таким образом батарея до конца не поддерживала наступление 3-ьего Дроздовского полка. В 18 часов батарея пришла на старое место за валом и расположилась на отдых по старым землянкам. За день боя выпущено 160 снарядов. Ранен ружейной пулей бомбардир Репин.

26. На рассвете батарея вместе со 2-ым Дроздовским стрелковым полком выступила в направлении на Перво-Константиновку, которая накануне вечером была вновь взята красными, причем понёс потери 1-ый Дроздовский полк. Колонна прошла мимо высоты 7. 1. Батарея, перейдя гать, остановилась и стала на позицию. Наблюдательный пункт был впереди батареи, и туда отправился старший офицер батареи капитан Камлач. Наша пехота быстро рассыпалась в цепь и энергично пошла вперёд. Батарея открыла огонь по цепям красных. Красные оказывали сопротивление, которое было сломлено атакой нашей кавалерии генерала Морозова со стороны Перво-Константиновки. Красные обратились в бегство. Батарея пошла вперёд. В 11 часов колонна прибыла во Владимировку, где стали по квартирам. В Сивашах были видны красные, которые туда бежали от атаки кавалерии. Были взяты пленные. Двое из них были зачислены в

батарею. Выпущено 80 снарядов.

27. Батарея в колонне 2-го Дроздовского стрелкового полка выступила на Асканию Нову. В 16 часов колонна в Аскании Новой. Батарея выпустила 4 снаряда по видневшейся вдали кавалерии красных, но достать не смогла. Расположилась в прекрасном парке Аскании Новой. Туда же подошел 3-ий Дроздовский стрелковый полк. Батарея перешла в распоряжение 3-ьего Дроздовского полка.

28. На рассвете началась ружейная перестрелка. Батарея стала на позицию на северной окраине Аскании Новой и стреляла по показавшейся кавалерии. Затем батарея со 2-ым батальоном 3-ьего Дроздовского стрелкового полка перешла на хутор в 7 верстах к северу от Аскании Новой. Вечером батарея перешла вновь на старое место в Аскании Новой.

29. В 14 часов батарея в составе колонны 3-ьего Дроздовского полка перешла в хутор Самойлов. В 20 часов батарея спешно выступила на поддержку отходившего из Аскании Новой 3-ьего батальона 3-ьего Дроздовского полка (батальон Смоленского полка). Батарея выпустила 6 снарядов. Вследствие наступившей темноты батарея вернулась назад в хутор Самойлов.

30. На рассвете батарея в составе колонны 3-го Дроздовского стрелкового полка перешла в Асканию Нову, которую вечером накануне захватили красные, а затем вновь оставили, при этом в 3-ьем батальоне было несколько человек зарублено.

31. Батарея в составе колонны 3-го Дроздовского полка перешла в село Вознесенку. Переход 40 верст. Большой привал был в Успенке. Население встречает очень хорошо.

Июнь 1920 г.

1. Батарея в составе колонны 3-го Дроздовского стрелкового полка перешла в село Рубановку. Переход 18 верст.

2. Батарея в составе той же колонны перешла в Верхний Рогачик. Переход 30 верст.

3. Колонна стоит в резерве в Верхнем Рогачике.

4. В 10 часов батарея в составе колонны 3-го Дроздовского полка выступила на село Малые Белозерки. Подойдя к Малым Белезорскам, колонна попала под обстрел. Батарея в развернутом строю двинулась за цепями стрелков. Это было сделано по приказанию командира полка, опасавшегося атаки красных броне-автомобилей. На расстоянии полутора верст от села батарея стала на открытую позицию. Красные открыли сильный артиллерийский огонь по батарее, который к счастью ущерба не причинил. Солнце было за спиной

батареи и видимость для красных была плохая. Номера при наших орудиях работали очень спокойно. Один момент батарея очутилась в нулевой вилке (перелёт — недолёт на том же прицеле). После этого красные увеличили прицел. Если бы люди у орудий забегали, то батарея была бы накрыта огнём. Сама батарея вела редкий огонь по окраине села, т. к. определенных целей не было. Наши стрелки быстро двигались вперёд и очистили часть села. Батарея двинулась вперёд и стала по квартирам на юго-западной окраине села. Село огромное. Ночью приказано быть очень бдительными, т. к. не всё село очищено от красных. Полку еще придан 3-ий дивизион Дроздовской артиллерийской бригады под командой полковника Соколова. 5-ой батареей командует капитан Мусин-Пушкин (бывший старший офицер 7-ой батареи). 6-ой батареей командует кап. Маслов (бывший 4-го дивизиона).

5. На рассвете в селе началась ружейная перестрелка. Оказывается в селе также ночевала красная кавалерия. Батарея немедленно выступила в поле за южной окраиной села, туда вышла также и пехота. Команда пеших разведчиков полка принялась за очистку села. (Начальником команды был кап. Коваленко, командиром взвода поручик Будянский, оба бывших офицера 7-ой батареи). В 10 часов батарея в составе колонны 3-го полка двинулась на Бурчатск. 3-ий полк шел в резерве дивизии. В Орлянске был привал. В Бурчатск пришли в 20 час. и стали там по квартирам. Переход 38 верст.

6. Батарея стоит в Бурчатске. Как квартиру, батарея получила всего один дом. Личный и конский состав батареи сильно утомлён боями и переходами. Трудно также доставать фураж. Мелких денег в батарее почти нет, поэтому приходится расплачиваться крупными денежными знаками, что в свою очередь повышает цены.

7. В 10 часов вся Дроздовская дивизия перешла в село Михайловку, где стали по квартирам. Дивизия находится в корпусном резерве. Переход 18 верст.

8-12. Стоянка в Михайловке.

10. Ожидался приезд ген. Врангеля и поэтому всю дивизию вывели на площадь, но ген. Врангель не приехал.

13. На рассвете с 3-ьим полком перешли в Бурчатск, где стали по прежним квартирам. Слышен бой в Васильевке.

14. В 13 часов батарея в составе колонны 3-ьего полка выступила на село Карачекрак. Само село сильно обстреливалось бронепоездом красных. Батарея вместе с 3-ьим батальоном 3-го Дроздовского полка шла в резерве и остановилась у хутора Лесного. В 20 часов полк с артиллерией вернулся в Бурчатск. Стали по прежним квартирам. Батарея не

выпустила ни одного снаряда. Цель похода восстановить положение 34-ой пехотной дивизии.

15. В 14 часов в составе колонны 3-го полка выступила на Гейдельберг, куда пришли в 16 часов. В Гейдельберге сосредоточена вся Дроздовская дивизия. Переход 20 верст.

16. Батарея в составе колонны 3-го полка выступила в направлении на высоту 421 (у Сладкой Балки). Вместе с колонной шли два танка. Наши стрелки сбили красных с высоты 421. Батарея рысью выехала на открытую позицию влево от высоты 421 и обстреляла отходившие цепи красных. Красные отходили в безпорядке. Затем батарея перешла на позицию в полутора версте к югу от Блюменталя, откуда обстреливала кавалерию красных, которая накапливались в районе хутора Ильченкова. После чего батарея перешла на позицию к востоку от Вторых Копаней, откуда обстреляла красных, отходивших на Орехов. За отходившими красными были посланы в атаку полковые разведчики и конные разведчики батареи. Наши разведчики захватили в плен двух красных, которые были зачислены на службу в батарею. Наступила темнота и приказано перейти на ночь в Сладкую Балку. 3-ий полк с артиллерией разместился по квартирам в Сладкой Балке. За день выпущено 80 снарядов. В бою ранен старший фейерверкер Слаутский. В команде пеших разведчиков 3-го Дроздовского полка убит бывший офицер батареи поручик Будянский (награжден посмертно орденом Св. Николая 2-ой степени).

17. В 3 часа батарея в составе 3-го полка выступила в направлении на Янчекрак. Цель похода — удар Дроздовской дивизии по тылам красных и облегчение положения 34-ой дивизии, которая занимала фронт Карачекрак — Нижний Куркулак. 3-ий полк идёт в резерве дивизии. В голове идёт 1-ый полк под командой ген. майора Туркула. Прошли обе Копани и Щербаковку. В 16 часов пришли в Янчекрак. В 19 часов дивизия выступила на Карачекрак, где стала по квартирам. Переход 50 верст.

18. В 6 часов выступили на Гофенталь, где стали по квартирам. Переход 40 верст.

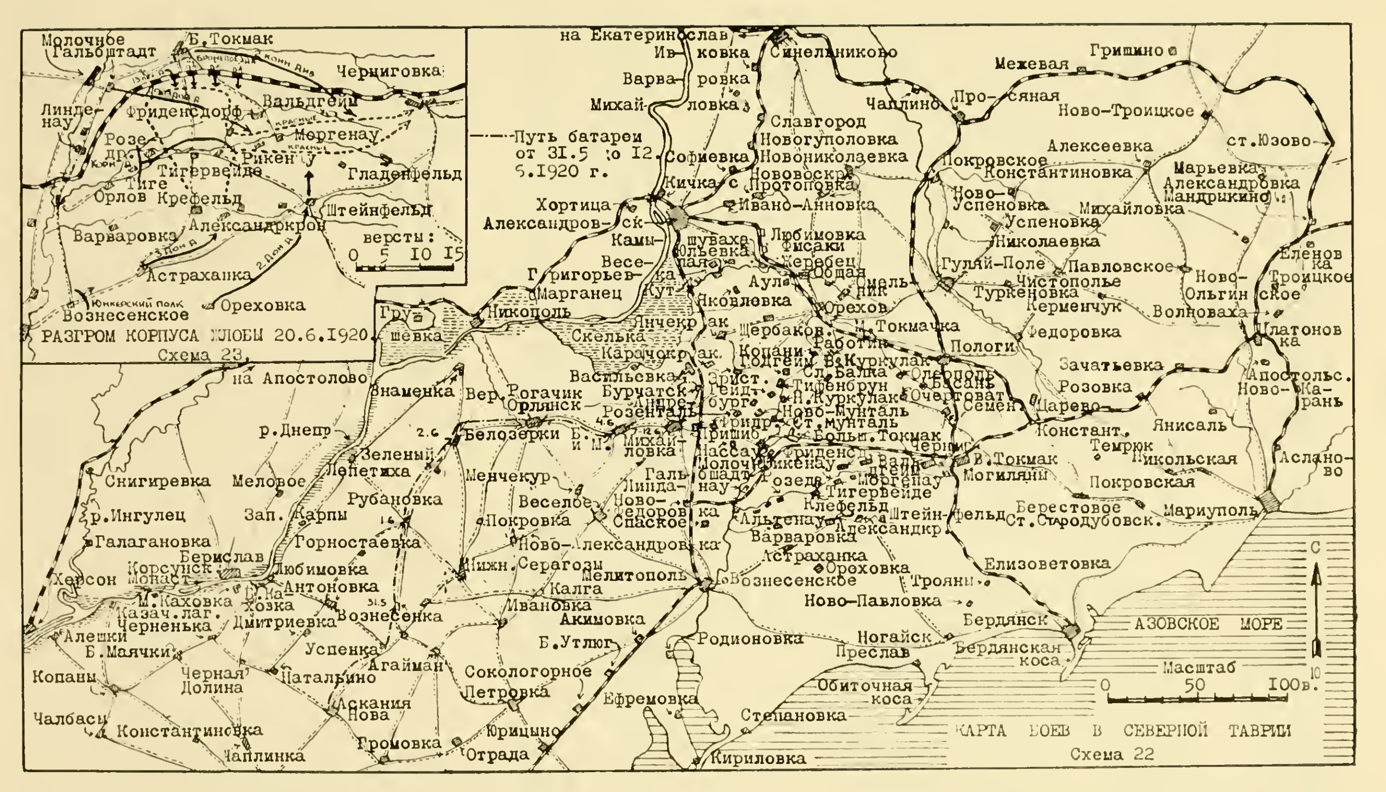
19. Вся Дроздовская дивизия стоит в колонии Гофенталь.

20. В 1 час ночи батарея в составе колонны 3-го полка выступила на колонию Рикенау. В батарее никто не знал о цели движения, только все были предупреждены о возможности внезапного нападения кавалерии. В пулемётах на тачанках были продёрнуты ленты. На рассвете колонна подошла к колонии Рикенау. В колонии думали найти красную кавалерию, но ее там не оказалось. Полк с артиллерией перешел в колонию Фридендорф и остановился на улице. Пролетел наш самолёт, который сбросил донесение. Внезапно за ко-

лонией послышалась ружейная стрельба. Батарею потребовали вперёд и она на рысях выехала на юго-восточную окраину Фриденсдорфа. В версте была видна масса красной кавалерии, проносившейся в безпорядке на север. Это была конница Жлобы, теснимая кавалерией генерала Морозова. Наша пехота в сомкнутом строю стреляла залпами по кавалерии. Батарея открыла огонь и стреляла очень удачно по теснине, через которую проскакивали красные кавалеристы. Вдруг потребовали батарею вперёд, несмотря на то, что ее стрельба была удачна. Одно орудие оставлено на старой позиции, а другое выехало вперёд и потеряло только время, т. к. красная кавалерия уже проскочила. Бой продолжался двадцать минут. Части свернулись в колонну. В 14 часов было приказано полковой колонне вытягиваться в направлении на Ландскронэ. Снова появилась масса несущейся кавалерии красных, которая направлялась с севера на юг. Батарея стала на позицию на бугре к востоку от Гнаденгейма и открыла беглый огонь. Через 10 минут рассеянная конница скрылась. Батарея после этого еще два часа стояла на позиции. Разведчики батареи поскакали собирать брошенных красными лошадей. В этом отношении части соперничали друг с другом, т. к. других способов пополнения конского состава не было. За этот бой батарея добыла 5 сильно загнанных лошадей и несколько седел и одну тачанку. За бой выпущено 150 снарядов. В этом бою, как исключение, боевая часть везла снаряды, кроме обычного комплекта, в передке и в зарядном ящике, еще на двух обывательских подводах и одной казенной парной подводе. На каждое орудие было по 100 снарядов. Гаубичных снарядов отпускалось такое малое количество, что их приходилось очень экономить. Ввиду большой скоротечности боя батарея занимала открытые позиции. Особенно отличился разведчик, кадет Полтавского корпуса Карпинский, 14-ти лет, атаковавший один тачанку красных. Полк с артиллерией ночевал в колонии Ландскронэ. Так закончился разгром конницы Жлобы. (Интересно то, что в 1958 году была помещена в „Красной Звезде" обстоятельная биография Жлобы. В этой биографии об этом разгроме не сказано ни слова.)

21. На рассвете батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Гофенталь, куда прибыла в 11 часов и стала по старым квартирам. Переход 45 верст.

22. Батарея, в составе 3-го Дроздовского полка, выступила на Старый Мунталь, на южной окраине которого сосредоточилась вся Дроздовская дивизия. 3-му полку приказано наступать на Нижний Куркулак, левее 3-го полка наступала кавалерийская бригада ген. Шифнер-Маркевича, которой приказано взять колонию Розенталь. Правее 3-го полка наступал



РАЗГРОМ КОРПУСА ЖЛОБЫ 20.6.1920
Схема 23

КАРТА БОЕВ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ
Схема 22

2-ой Дроздовский стрелковый полк. 3-ий полк двинулся на Нижний Куркулак, а 7-ая гаубичная батарея стала на закрытую позицию и открыла редкий огонь по цепям красных. Красные со своей стороны вели огонь площадями по нашему тылу. 2-ой Дроздовский полк, наступавший справа, ворвался с двумя бронеавтомобилями в Нижний Куркулак. Красная батарея, до сих пор невидимая, начала отходить. 7-ая гаубичная открыла по ней огонь. Наша пехота быстро продвигалась вперёд. Батарее было приказано перейти в распоряжение 1-го батальона и стать на позицию к югу от бугров Нижнего Куркулака. К этому времени конница ген. Шифнер-Маркевича заняла колонию Розенталь. Батарее приказано перейти в Нижний Куркулак и стать по квартирам. Вся Дроздовская дивизия расположилась в Ниж. Куркулаке. В 17 часов усилилась перестрелка в направлении на колонию Вальдорф. 7-ая гаубичная батарея получила приказание выехать на западную окраину Ниж. Куркулака и обстрелять цепи и батарею красных. Батарея рысью выехала вперёд. В это время красная батарея, стоявшая на полузакрытой позиции к югу от колонии Вальдорф, открыла огонь по западной окраине Нижнего Куркулака. С большим трудом, ввиду узости улицы, удалось снять гаубицу, закатить за изгиб улицы и затем своим огнём привести к молчанию красную батарею. Цепи красных так и не показывались. Во время перестрелки в передках был убит один мул. Вся эта история обошлась батарее сравнительно благополучно. Батарея не была ориентирована в обстановке и, выехав рысью на окраину села, ввиду узости улицы не могла сразу повернуться и попала под обстрел красной батареи. Эта последняя, к счастью, стреляла неудовлетворительно. Сбив красную батарею, 7-ая гаубичная вернулась назад.

23. В 24 часа на 23-ье батарея, в составе колонны 3-го полка выступила через Вальдорф (оставленный красными без боя) на Гохгейм. На рассвете перед Гохгеймом завязался бой, который, однако, быстро кончился. Батарея была вызвана вперёд и стала на полузакрытую позицию, но огня не открывала. Пехотой были взяты пленные. 3-ий полк с артиллерией остановился в Гохгейме, а 1-ый полк пошел вперёд. 3-ий полк оставлен в резерве. Днём перешли в хутор Луговой, где разместились под открытым небом. Воды на хуторе было далеко недостаточно и лошадей пришлось водить на водопой за полторы версты. С фуражем дело обстоит очень плохо: с большим трудом удалось купить у жителей небольшое количество. Ночевали в хуторе Луговом.

24. В 7 часов, в составе колонны 3-го полка выступили на колонию Гейдельберг, где разместились по квартирам. 3-му полку дана задача активно оборонять участок Эристов-

ка — Блюменталь. Красных не видно. Батарее приказано выбрать заблаговременно наблюдательный пункт и позицию для батареи на случай действий в направлении Эристовки — Блюменталь. На наблюдательном пункте должен находиться дежурный наблюдатель.

25. Спокойно стоим в Гейдельберге. Согласно приказу Главнокомандующего, две пары мулов батареи были отпущены на работы по уборке урожая, на помощь жителям. Немцы колонисты относятся очень хорошо и предупредительно. Под вечер разъезды красных появились в Эристовке.

Телеграмма начальника штаба 1-го Армейского корпуса от 29-го июня 1920 года за № 9462.

„Приказом Главкома от 24-го июня с. г., в воздаяние воинской доблести, отменного мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях в Северной Таврии за освобождение Родины от врагов, награждаются: первая, вторая, третья и седьмая батареи Дроздовской артиллерийской бригады и третья батарея первого отдельного Тяжелого артиллерийского дивизиона серебрянными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца".

Июль 1920 г.

Борьба со 2-ой Конной армией.

29. Батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Нижний Куркулак. 3-ий полк идёт в резерве дивизии. В двух верстах к югу от Нижнего Куркулака колонна остановилась. В Ниж. Куркулаке идёт бой между красными и 1-м полком. В направлении на Розенталь видны шрапнельные разрывы. Оказывается, конница красных прорвалась через Розенталь на Фридрихсфельд (при этом были захвачены наши обозы). 3-му полку приказано восстановить положение. Колонна полка свернула в западном направлении и атаковала Розенталь, который был занят после небольшого боя. Полк остановился в колонии. Скоро подошел 1-ый полк. В 17 час. со стороны Фридрихсфельда появилась масса красной конницы. Батарея рысью выехала на юго-западную окраину Розенталя и открыла огонь по красной кавалерии и рассеяла ее. Наша пехота быстро подвигалась на юг. Из Фридрихсфельда вновь появилась масса красной конницы с тремя броневтомобилями. Кавалерия двигалась развернутым строем. Полк остановился, роты сомкнулись, в промежутки между ротами стали 7-ая гаубичная, 5-ая и 6-ая легкие батареи. Красная кавалерия и бронеавтомобили быстро приближались. Генерал Манштейн приказал открыть огонь по особому знаку. Наконец, ген. Манштейн приказал гаубичной батарее открыть огонь по бронеавтомобилям. Пехота и другие батареи, считая это за сигнал,

открыли беглый огонь. Вследствие царившей засухи, всё поле покрылось пылью. Через 5 минут наш огонь прекратился. На поле были видны одиночные всадники. Красная конница была рассеяна. Огонь был открыт слишком рано, и потери красных были не столь значительны. Можно предположить, что красные не знали, кто против них: напр. на красных бронеавтомобилях были открыты люки и была видна команда. Красные обтекли полк справа и слева и ускакали на север. Полк вновь свернулся в колонну и двинулся в направлении Ней Нассау. Наступила тёмная южная ночь. Ввиду сильной пыли не было видно даже в 2-х шагах. Справа от батарейной колонны двигался какой-то обоз. В случае малейшей стрельбы он перемешал бы всю боевую часть. Ввиду большой пыли и темноты люди нервничали. От батареи вправо и влево были высланы батарейные разведчики для предупреждения всяких недоразумений. Между прочим такой же разъезд стрелкового полка захватил тачанку с красными командирами, ехавшими вдоль нашей колонны. В голове колонны послышалось несколько выстрелов. Было приказано кричать „ура"!". Послышалось громовое „ура!", кричали даже подводчики. Пехотные роты стреляли залпами на запад. Скоро стрельба прекратилась. В 22 часа колонна втянулась в Ней Нассау. Батарея разместилась на улице. От артиллерии в Гальбштадт были посланы зарядные ящики в сопровождении пулемётных тачанок, ввиду неясности обстановки. За день выпущено 110 снарядов. Батареей захвачена одна тачанка.

30. В 13 часов батарея в составе колонны 3-го полка выступила на колонию Розенталь. Отряду пришлось двигаться по совсем ровной местности под сильным артиллерийским огнём красных. Батарея несколько раз становилась на открытую позицию и обстреливала цепи красных. Без особого труда полк занял колонию. Батарее было приказано выехать на северо-восточную окраину колонии и заставить замолчать красную батарею, стоявшую на открытой позиции и своим огнём наносившую потери нашей пехоте. Батарея стала на закрытую позицию в садах колонии и прогнала красную батарею. Во время выезда на позицию был ранен шрапнельной пулей поручик Рутковский. Выпущено 90 снарядов. Ночевали в Розентале.

31. Ночью батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Андребург, занятый красными, правее на колонию Гейдельберг наступал 1-ый полк. На рассвете наша пехота атаковала и заняла после непродолжительного боя Андребург. Батарея выехала на позицию к Шанцевым буграм и открыла огонь по отходившим красным. В это время показался красный эскадрон, который двигался между Гейдельбергом и Андребургом. Батарея открыла огонь по эскадрону.

Со стороны Гейдельберга батарея была обстреляна артиллерийским огнём (как потом выяснилось нашей 2-ой батареей). Батарее пришлось из-за этого спешно сняться с позиции и уйти за закрытие. В Гейдельберг были посланы батарейные разведчики для предупреждения стрельбы по своим. В Гейдельберге бой продолжался. Батарея стала на закрытую позицию у Шанцевых бугров и вела редкий огонь по цепям красных в районе хутора Коробочка. Район Шанцевых бугров обстреливался артиллерийским огнём красных. Разрывом гранаты в пулемётной тачанке был убит ездовой Филонов и ранены поручик Голицынский и подпоручик Прокопенко. Убит один мул и ранен другой. В 10 часов батарея получила приказание перейти в Андребург и стать по квартирам. Бой 1-го полка под Гейдельбергом продолжался. Было приказано 3-му полку вместе с артиллерией пойти на помощь 1-му полку. 3-ий полк, однако, в бою участия не принял. На пополнение батареи прибыл один красноармеец (рабочий из Москвы). На ночь стали по квартирам в Андребурге. Выпущено около 80 снарядов.

Август 1920 г.

1. Батарея стоит в Андребурге.

2. Батарея стоит на закрытой позиции в районе Шанцевых бугров. Красные ведут сильный артиллерийский огонь по району Шанцевых бугров. К вечеру красные предприняли атаку, но были отбиты. Стали по прежним квартирам в Андребурге.

3. С утра красные повели наступление на Шанцевы бугры и на Гейдельберг. Батарея стала на закрытую позицию у Шанцевых бугров. Красные вели сильный артиллерийский огонь по буграм. Батарея стреляла во фланг цепям красных, наступавших на Гейдельберг. Затем, на восток от Гохгейма, по трем столбам пыли, которые обозначали стоявшую за гребнем красную батарею. Красная батарея после этого прекратила огонь. Снаряды приходилось расходовать очень экономно, т. к. на батарее было всего 120 снарядов, а в парке гаубичных снарядов вообще не было. Батарея стояла на пахоте и при каждом выстреле, из-за сильной засухи, поднимался огромный столб пыли, который демаскировал батарею. Вся местность вокруг батареи обстреливалась артиллерийским огнём красных. В 11 часов 1-ый полк очистил Гейдельберг и таким образом правый фланг батареи со стороны Гейдельберга оказался открытым. Начальник артиллерии 3-го полка, полковник Соловьев, после этого приказал батарее отойти ближе к Андребургу. 1-ый батальон 3-го полка попрежнему занимал позиции к западу от бугров. На батарее имелась всего одна верста проводу, так что, если бы наблю-

датель был бы при пехоте, то телефонного провода не хватило бы до батареи. К тому же местность понижалась слишком слабо. Даже с пехотной позиции не были видны подступы со стороны хутора Коробочкино, где сосредоточивалась красная кавалерия. На стороне красных было явное превосходство в артиллерии и вся местность к югу от Шанцевых бугров находилась под сильным артиллерийским обстрелом. Бороться с красной артиллерией, ввиду недостатка снарядов, было невозможно. Всё это побудило полковника Соловьева отвести батарею к Андребургу. В 16 часов красная кавалерия атаковала 1-ый батальон во фланг со стороны хутора Коробочкино. С наблюдательного пункта 7-ой батареи (крыша дома в Андребурге) было видно, как красные кавалеристы скакали вдоль фронта батальона и рубили его. Ген. Манштейн, который находился тут же, двинул в атаку 3-ий батальон *) и бронеавтомобиль. Гаубичная батарея открыла огонь по красной кавалерии. 1-ый батальон почти полностью погиб (батальон был слабого состава — вероятно около 120 штыков). На месте, гда погиб батальон, лежала зарубленная сестра милосердия и вблизи ее убитый красный кавалерист. Батарея стала на позицию в полутора верстах к югу от Шанцевых бугров. Ввиду недостатка телефонного провода была выставлена цепь передатчиков. Батарее было приказано обстрелять рощу к северу от хутора Коробочкино, где сосредоточилась кавалерия красных. Вскоре после открытия огня красная кавалерия группами начала уходить из рощи. К вечеру на батарее осталось всего 8 снарядов. Гибель 1-го батальона объясняется тем, что он был слишком выдвинут вперёд. Далее подступы к буграм со стороны рощи Коробочкино не были видны и батальон был атакован во фланг. Ночью 3-ий полк перешел в Ней-Мунталь. На батарее ранен ружейной пулей капитан Кудряшов.

4. Батарея в резерве в Ней-Мунтале.

5. На рассвете началась сильная ружейная и пулемётная стрельба. Батарее приказано спешно выехать на северо-восточную окраину Ней-Мунталя. Во время выезда батареи, показалась красная кавалерия, скакавшая между Гейдельбергом и Нижним Куркулаком. Батарея быстро стала на открытую позицию и разогнала красную конницу. Затем батарея стала на закрытую позицию в садах колонии и вела редкий огонь по красной кавалерии, которая сосредотачивалась на

*) В атаку пошли сам Манштейн, конные разведчики и офицерская рота, бросившаяся со штыками наперевес вперед вместе со всадниками. Красные бежали. Из состава батальона спаслись офицеры 4-ой роты во главе с командиром, капитаном Жук, успевшие вовремя соединиться и отстреляться. Г. Александровский.

северо-восток от Ней-Мунталя. В 7 часов батарее приказано поддержать атаку 3-го батальона, который должен был наступать на Гейдельберг с востока. Батальон в развернутом строю пошел вперёд (не цепями ввиду ожидавшейся атаки красной кавалерии). Красная артиллерия открыла сильный огонь по батальону. Батарея двинулась за батальоном в развернутом строю на расстоянии полуверсты. Батарея не могла оставаться на старой позиции, т. к. подъем местности закрывал красных и батальон, дойдя до гребня, остался бы без артиллерийской поддержки. На телефонную связь расчитывать было нельзя. Когда батальон достиг гребня, то была видна масса красной кавалерии с бронеавтомобилем, покрывавшая всё пространство между Гейдельбергом и Нижним Куркулаком. 3-ий батальон был слабого состава, около 120 штыков и сформирован вместо убывшего батальона 25-го пехотного Смоленского полка. Солдатский состав батальона были сплошь пленные красноармейцы. Батальон под артиллерийским огнём остановился на гребне и стрелял залпами по красной кавалерии. Было видно, как офицер с палкой в руке шел вдоль рядов стрелков и бил по винтовкам, заставляя их не задирать вверх (люди в минуту опасности инстинктивно задирают винтовку вверх и пули летят через головы атакующих). Одна гаубица оставлена за батальоном, а другая гаубица рысью выехала влево от батальона, чтобы бить во фланг атакующей кавалерии красных. Красная кавалерия бросилась в атаку на батальон — были хорошо видны всадники, размахивавшие саблями. Обе гаубицы и батарейные пулемёты открыли огонь, быстро дойдя до прицела 2. Рядом стояла 5-ая батарея (3 орудия), стрелявшая картечью. Когда красные всадники доскакали до батальона, то он сдался и стрелки воткнули штыки в землю. Артиллерия осталась без пехоты. За гребнем был виден красный бронеавтомобиль, но он стоял на месте. На помощь бежали команда пеших разведчиков и офицерская рота, которая развернулась вправо от артиллерии. Красная кавалерия начала принимать вправо, не выдержав огня. Она безусловно понесла большие потери. Приказано было отходить. На батарее осталось всего 2 снаряда. В это время появился красный бронеавтомобиль. Одним снарядом удалось его отогнать. Батарее было приказано идти за Розенталь, найти там артиллерийский парк и пополниться снарядами. За Розенталем батарея нашла парк и получила последние 16 гранат. 3-ий полк в это время занял позиции на северной окраине Розенталя. Одну гаубицу было приказано отправить в Фридрихсфельд, ввиду недостатка в снарядах. Другая гаубица стала на позицию в садах колонии и вела редкий огонь по конным группам и бронеавтомобилю красных. Красные действовали нерешительно, повидимому

ввиду понесённых больших потерь, у нашей же пехоты было очень мало патронов. Было приказано идти на Ней-Нассау. Полк и артиллерия спокойно отошли в колонию, где остановились на ночлег. Вечером было получено 40 снарядов. За день выпущено 140 снарядов. В 3-м полку смертельно ранен помощник командира полка полковник Пальмцвейг.

6. Батарее, ввиду слабого численного состава 3-го полка (остался всего 2-ой батальон), было приказано перейти в распоряжение 1-го полка. Батарея присоединилась к полку, шедшему в колонне на Фридрихсфельд. В полуверсте к востоку от Фридрихсфельда батарея стала на позицию и открыла огонь по красным, высыпавшим в беспорядке из колонии. Повидимому они были застигнуты врасплох. После непродолжительного боя полк занял колонию. Отряд остановился на два часа в колонии. В 12 часов было приказано выступить на Андребург и выбить оттуда красных. Отряд двинулся вперёд под огнём артиллерии, который был не особенно силён. Во время движения батарея переменила несколько позиций, обстреливая отходивших красных. Местность между Фридрихсфельдом и Андребургом была почти совсем ровная и никаких укрытий не представляла. Отставать далеко от своей пехоты было опасно, т. к. на батарее своего прикрытия не было и пехотные начальники настойчиво требовали, чтобы артиллерия была ближе для моральной поддержки пехоте. Батарея меняла позиции обыкновенно перекатами: одно орудие оставалось на старой позиции, а другое переходило на новую позицию. Ввиду малочисленности снарядов это не наносило ущерба, так как батарея стреляла по незначительным целям из одного орудия. Часто, при широком фронте целей, каждое орудие вело огонь отдельно. Батарея двигалась вперёд развернутым фронтом с интервалами в 100-200 шагов. У бугра, к югу от колонии Грюндаль, батарея подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. Был ранен бомбардир Кацай, контужен в грудь поручик Гельбке и ранена лошадь под командиром взвода — все шрапнельными пулями. Батарея стала на закрытую позицию вправо от бугра и открыла огонь по колонии. Наша пехота стремительно двигалась вперёд. Через четверть часа колония была взята. Батарея расположилась на улице в Грюндале. Место для стоянки батареи было очень невыгодным, т. к. улица простреливалась с севера, а на южной стороне был овраг. Колония была разграблена махновцами. Ничего нельзя было купить. На батарею отвели один полуразрушенный дом. За день было выпущено 130 снарядов.

7. На рассвете 1-ый полк, с приданной артиллерией (1-ая, 2-ая и 7-ая батареи) вернулась в колонию Фридрихсфельд, где расположились 2-ой и 3-ий полки. Батарея разместилась

в 2-х домах. Часть людей и офицеров спит под открытым небом. Продукты в колонии достать можно. Вчерашняя операция была „коротким ударом". Приказано выбрать позицию в направлении на Розенталь.

8. Батарея стояла спокойно в Фридрихсфельде.

9. В 16 часов колония начала обстреливаться редким артиллерийским огнём. Батарея оставалась на месте. Обстрел кончился с наступлением сумерок.

10. Днём красные вели редкий артиллерийский огонь по колонии. К вечеру огонь усилился, при чем случайной гранатой был убит доброволец Лебедев. Ночью вся колония была обстреляна ружейным огнём. Для сбережения конского состава было приказано артиллерии выйти из колонии и стать у мельницы на юго-западной окраине колонии. Всё же ночью, залетевшими ружейными пулями, был ранен младший фейерверкер Михайленко и убит один мул. В 5-ой батарее убит командир батареи подполковник Мусин-Пушкин (бывший старший офицер 7-ой батареи).

11. На рассвете дивизия перешла в наступление. 1-ый полк на Грюндаль, 2-ой и 3-ий полки на Андребург. При этом были взяты в плен „ночные стрелки" (это были красные сибирские добровольцы), лежавшие в полуверсте от колонии. Наступление совершалось обычным порядком — батарея двигалась перекатами и становилась на открытые позиции, т. к. других не было. Наблюдение за стрельбой велось, стоя на зарядном ящике. У бугра под Грюндалем батарея вновь попала под артиллерийский огонь красных, но проскочила благополучно. Батарея была предупреждена, что на Гейдельберг пошла Донская казачья бригада. После занятия колонии батарея стала в резервной колонне на северо-восточной окраине Андребурга, в ожидании дальнейших приказаний. Тут же стояла одна рота стрелков. Одна трехдюймовая пушка с конными разведчиками пошла на Шанцевы бугры, туда же пошел бронеавтомобиль „Кречет". В это время со стороны Гейдельберга показалась чья то конница, скачущая в направлении на Андребург. Возник вопрос — чья она? На это никто не мог дать ответа — даже начальник артиллерии полковник Протасович. Кавалерия приближалась, окутанная пылью. Трехдюймовая пушка и конные разведчики неслись назад. Рота построилась, батарея приготовилась к бою. На расстоянии четырехсот шагов было приказано открыть огонь, т. к. разведчики донесли, что это были красные. Батарея открыла беглый огонь, рота стреляла залпами. У красных произошло полное замешательство, и их кавалеристы понеслись к Шанцевым буграм, безнаказано обтекая наш бронеавтомобиль, который, повидимому, не знал в чем дело. Через четверть часа полк без боя занял Шанцевы бугры.

Повидимому кавалерия красных не знала, что Андребург занят нами и удирала от казаков, которые к этому времени заняли Гейдельберг. Шашки у красных не были обнажены. Это была 2-ая Западно-Сибирская отдельная кавалерийская бригада, которая считалась лучшей красной кавалерийской частью. Были захвачены пленные. Ночевали в Грюндале. Выпущено 100 снарядов.

12. Батарея в составе колонны 1-го полка выступила на Карачекрак. 1-ый полк шел в резерве. Впереди 2-го полк. В 14 часов заняли Карачекрак. Стали по квартирам. Разместились хорошо — много продуктов.

13. В 6 часов дивизии приказано перейти в Андребург. Во время перехода на колонну был совершен налёт красных аэропланов. Было сброшено много бомб, но безрезультатно.

14. В 14 часов красные начали наступать по всему фронту. Под Бурчатском сильный бой вела Марковская дивизия. В 17 часов 1-му полку было приказано поддержать Марковскую дивизию, заняв бугры к юго-западу от Эристовки. Колонна вытянулась в направлении на Эристовку. Вскоре колонна попала под сильный артиллерийский огонь красных. Батарея стала на открытую позицию и своим огнём поддерживала атаку пехоты. Затем батарея переехала на правый фланг полка и поддержала своим огнём правофланговую роту, причем прогнала бронеавтомобиль. С наступлением сумерок было приказано возвращаться в Грюндаль. Общего плана и порядка возвращения не было. (Вообще весь бой был довольно сумбурный). С темнотой батарея втянулась в улицу Грюндаля. В этот момент на улице вблизи от нас началась ружейная перестрелка. Батарея в порядке свернула с улицы и, переправившись через овраг, рысью поскакала в направлении Фридрихсфельда. Сзади в Грюндале была слышна ружейная и пулемётная стрельба. В направлении Фридрихсфельда скакали батареи и обозы. Пройдя три версты, остановились в поле, построили каррэ, выставили охранение и послали разведчиков в Грюндаль выяснить обстановку. Оказалось, что это был налёт красной кавалерии, которая, использовав прорыв между 1-ым и 21-ым полком во время смены охранения, проскочила в колонию. Пострадал 3-ий батальон 1-го полка, кажется он потерял при этом 40 солдат и одного офицера. На ночь вернулись в Грюндаль и ночевали по старым квартирам. Во время боя под командиром взвода были ранены две лошади.

15. В 24 часа дивизия перешла в Фридрихсфельд.

16. В 16 часов 1-ый полк с приданной артиллерией (1-ая, 2-ая и 7-ая батареи) перешел в село Михайловку, где сменил части Марковской дивизии. На станции Пришиб стал 3-ий

полк. Приказано выбрать позицию в направлении на Бурчатск и установить дежурство наблюдателей.

17. На рассвете началась ружейная перестрелка. Батарея быстро выехала на позицию. Красные повели наступление. Одно орудие было поставлено на открытую позицию на окраине села, другое на закрытую в садах села. Красные, несмотря на огонь, наступали очень решительно и быстро подошли на расстояние 250 саж. Позицию впереди батареи занимал 3-ий батальон под командой подполковника Бикса. Сосредоточенным огнём артиллерии и стрелков, красных удалось отбросить, при этом они понесли большие потери. Оказывается наступали курсанты. Их командир бывший штабс капитан Около-Кулак, кавалер ордена Красного Знамени, был убит разрывом гаубичной бомбы. После отбития атаки красная артиллерия выпустила несколько безрезультатных снарядов по Михайловке. На батарее ранен ружейной пулей младший фейерверкер Африн. Преждевременным разрывом в 12-ой роте убит один стрелок. Выпущено 80 снарядов. Остальная часть дня прошла спокойно.

18. Стоим спокойно в селе Михайловке.

19. Перешли с 1-ым полком в Фридрихсфельд и стали по старым квартирам.

20-25. Батарея стоит в Фридрихсфельде. За это время колония подверглась несколько раз аэропланным налётам, причем каждый раз было сброшено до 50-ти бомб (в большинстве случаев безрезультатно). Кроме того колония подвергалась артиллерийскому обстрелу.

26. 1- му полку приказано произвести „короткий удар" на Андребург и разобрать проволочные заграждения. В 1 час ночи колонна выступила и на рассвете подошла к колонии. Красную заставу захватили врасплох. Началась перестрелка. Батарея получила приказание выпустить несколько снарядов „для морали". Колония была занята без труда. Батарея выехала на северо-западную окраину Грюндаля и вела огонь по цепям красных. В 8 часов было приказано свернуться и идти в колонне в Фридрихсфельд. Батарея с 3-ьим батальоном пошла последняя. В бою был убит один мул. Зачислен на службу в батарею один красноармеец. Выпущено 70 снарядов.

27-31. Дивизия стоит в Фридрихсфельде. Почти каждый день красные аэропланы совершали налёты на колонию и сбрасывали бомбы.

Сентябрь 1920 г.

1-. В 12 часов красные аэропланы совершили налёт. Было сброшено около 50 бомб (без большого результата). Вероятно предполагалось, что генерал Врангель уже приехал. В

16 часов прибыл Главнокомандующий. Вся дивизия, кроме дежурных частей, была выстроена по дороге на Гоштедт. Генерал Врангель приехал на автомобиле в сопровождении ген. Кутепова и иностранных военных атташэ. После обхода выстроенных частей, состоялось награждение 1-ой, 2-ой, 3-ьей и 7-ой батареи Дроздовской артиллерийской бригады лентами к „Николаевским трубам". Перед фронтом от каждой награждаемой батареи были вызваны по два офицера и два солдата. От 7-ой батареи были вызваны старший офицер, командир взвода и два старых добровольца. Затем дивизия прошла церемониальным маршем. В 18 часов Главнокомандующий отбыл в Марковскую дивизию. Приезд Главнокомандующего произвел на людей большое впечатление.

(Перерыв в дневнике со 2 [redacted] сентября 1920 г.)
по 31 октября 1920 г.

ГАЛЛИПОЛИ

Ноябрь 1920 г.

1. Стоим на рейде в Севастополе. Затем с другими пароходами покинули рейд и направились в Константинополь. Пароход сильно переполнен.

2. В пути на пароходе.

3. В пути на пароходе.

4. Пришли в Константинополь. Стоим на рейде.

5. Стоим на рейде. Видна Айя-София. Масса транспортов с нашими войсками.

6. Стоим на рейде. Направляемся в Галлиполи.

7. Утром пришли в Галлиполи. Стали на рейде.

8. Стоим на рейде. Начали выгрузку. Выгрузили 2-ой и 3-ий Дроздовские полки.

9. Стоим на рейде. Кормят довольно плохо. Особенно мало дают хлеба.

10. День моего рождения. Мне исполнилось 26 лет. Живу на пароходе. Всё еще стоим на рейде.

11-12. Стоим на рейде.

13. Наконец нас выгрузили в Галлиполи на берег. Отвели в разрушенную мечеть без окон. Город был сильно разрушен еще во время мировой войны. Гарнизон: французы и греки.

14. Продал свой кусок полотна за 14 драхм. Поел немного в городе.

15. Гулял в городе. Растратил последние деньги. Город переполнен чинами нашей Армии.

16. Гулял по городу. Денег нет. Всё еще живем в мечети. 7-ая и 8-ая батареи сведены в одну 4-ую батарею. Я назначен взводным командиром.

17. Днем был в городе.

18. На рассвете выступили в лагери. Лагери расположены в 8 верстах от города, в горах. К вечеру собрали палатки.

19. Спать в палатке было холодно.

20-21. Устраиваем палатку.

22-25. Занимаемся устройством лагеря.

26. Георгиевский праздник. Прошел незаметно. Идет дождь.

27-30. Живем в лагере. Погода отвратительная.

Декабрь 1920 г.

1. Лагерь в 6-ти верстах от г. Галлиполи. Питание слабое. Особенно мало дают хлеба. Из Константинополя прибыл после ранения полк. Нилов.

2-5. Лагерь. Приводим в порядок палатку и линейку.

6. Приехал ген. -лейт. Врангель. Ген. Врангель объявил,

что наша Армия признана союзниками. Обрисовал общее положение. Очень рад, что наша Армия сохраняется. Подполковник Хачадуров собирается уехать в Румынию.

7-9. Незаметно и серо тянется жизнь в лагере.

10-15. Обстраиваемся. Устроили две печки в палатке. Написал письмо дяде в Варшаву и передал подполковнику Хачадурову.

16-17. Без перемен.

18. Вечером был молебен по случаю наступающего Нового Года по новому стилю.

19. Днем обедня по случаю Нового Года по новому стилю. Варил себе кашу из кукурузной муки.

20-23. Обычная работа. Приехали из Константинополя полк. Соловьев и Камлач.

24. Сочельник. Я дежурный офицер по батарее.

25. Первый день Рождества Христова. Выдали кое какие продукты.

29-30. Обычная работа.

31. Получили деньги: 1 лиру на солдата и 2 лиры на офицера. Ходил в город менять деньги. Делал закупки. Ночью шумно и со стрельбой встречали Новый Год.

Январь 1921 г.

1. Днем панихида по ген. Дроздовском. После панихиды хор пел „Спите орлы боевые". В это время над головами начали кружиться три орла. Этот случай произвел большое впечатление.

2-3. Обычная работа.

4. Репетиция Крещенского парада. Участвовали кавалерия, корниловцы, марковцы, дроздовцы и алексеевцы.

5. Плохая погода.

6. Крещенского парада не было — дождь.

7-10. Обычныя занятия.

11. Подготовка к параду.

12. Парад принимал ген. Кутепов, Командовал ген. Скоблин, начальник Корниловской дивизии. Парад был очень удачен. Присутствовали французы.

19. Обычные занятия.

20-31. Идет подготовка к параду. Дроздовский полк надел малиновые верхи на фуражку. В батарее нашили погоны и петлицы.

Февраль 1921 г.

1. Днем в город приехал ген. Врангель.

2. Парад принимал ген. Врангель. Особенно выделился Дроздовский полк. Во время парада некоторые офицеры были награждены орденом Св. Николая.

4. Получили деньги. Офицеры — 2 лиры, солдаты — 1 лиру.

6. Выпал снег.

13. Праздник Дроздовской дивизии по новому стилю. Парад.

14-20. Обычные занятия. Подготовка к батарейному празднику. Сбор материалов к составлению истории бригады.

21. Батарейный праздник 7-й батареи по случаю 3-х летняго существования батареи. Днем был приглашен командир дивизиона (бригады) ген.-м. Ползиков и командиры сводных батарей. Вечером товарищеский ужин г.г. офицеров. Присутствовал генерал-майор Туркул.

22-28. Обычные занятия. Сбор материалов по составлению истории. Всё время сильный холодный северный ветер. Слухи о большом восстании в Сов. России.

Март 1921 г.

1. Осматривал лагерь ген. Шарпи, командир французского оккупационного корпуса. Обходил также нашу батарею, выстроенную на передней линейке.

2-5. Погода плохая. Дует сильный северный ветер. Всё больше и больше распространяются слухи о восстаниях в России.

6. Первый день хорошей погоды. Слухи о восстании в Севастополе и на Юге России.

7-9. Стоит хорошая погода.

10. В городе умер офицер 8-ой батареи пор. Рутковский. Гроб везли на лафете в сопровождении оркестра. Похороны на Русском кладбище. Кладбище содержится в хорошем порядке.

12. Обычные занятия. Вечером получили деньги. Офицеры по 18 драхм и 9 лепт.

13. Ходил в город и делал покупки.

14. Праздник Константиновского артил. училища. Ужин константиновцев.

15. Вечер в компании подполковника Переслени и кап. Досушкова (учебная команда Дроздовского полка).

16. Обычные занятия. Тепло.

17. Погода пасмурная. Гимнастика на параллельных брусьях. Читал книгу „Сожженная Москва" Данилевского.

18. Вечером у меня был поручик Колотничев.

19. Исповедовались в церкви Корниловского Артиллерийского дивизиона. Она устроена в палатке. Устроена из подручного материала. Вечером был у поручика Колотничева.

20. Причащались Св. Тайн в церкви Корниловского диви-

зиона. После обеда стирал белье. Ходил в кавалерию смотреть пойманного шакала. Вчера вышел наш рукописный дивизионный журнал „Лепта Артиллериста".

21-24. Обычные занятия.

25. Поднялся сильный ветер. Читал книгу Эркмана Шатриана „Рассказ рекрута 1813 г.". Очень интересная книга. Сегодня праздник Благовещания. Почти ежедневно происходять футбольные матчи между командами для розыгрыша кубка.

25-31. Начались снова усиленные занятия. Говорят, что скоро поедем в Сербию. Через день: 2 часа пешего строя, 1 час гимнастики и 2 часа — уставы. Из Константинополя прибыл ген. Кутепов.

Апрель 1921 г.

1. Стирал белье. Погода отличная. Ночью украли палатку над кухней.

2. Занятия.

3. Лекция полк. Сергиевского о военном искусстве. Говорил о Суворове и Румянцове. Описывал Кинбурнский бой. Подвиг „Десны". „Удивить-победить".

4-8. Обычные занятия.

9. Получил деньги. Офицеры по 18 драхм и 24 лепты. Был в городе, делал покупки.

10. Занятия. Через день: 3 часа — гимнастика и пеший строй и 2 часа — уставы. По вечерам футбольные матчи между командами частей.

11. С утра дождь.

12-13. Дождь.

14. Утром объявили, что желающие могут ехать в Бразилию. Из 7-ой батареи уехали Зайченко, Селивончик, Кучеренко и Ячин. Из 8-ой батареи уехало 5 человек. Вечером мне объявили о моем производстве в капитаны.

15. Погода хорошая. Я сегодня дежурный по батарее. Сегодня-Страстной Четверг. Начинаем готовиться к праздникам. Говорят, что приезжает генерал Врангель.

16. Готовимся к Пасхе.

17. Страстная Суббота. Был на Заутрене. Разговенье в батарее прошло скромно. У меня было одно яйцо, кроме того приготовил котлету из консервов.

18. Пасха. Приехал из Константинополя доктор Нечаев. Рассказывал о притеснениях, которые французы оказывают нашей Армии. Генералу Врангелю не разрешили посетить нашу Армию. Ходил с кап. Всехсвятским в греческую деревню Галату.

19. Праздничное настроение. На завтра назначен парад.

20. Парад. Принимал генерал Кутепов. Парад прошел удовлетворительно. Большинство вышло в строй в белых гимнастерках. Особенно хорошо прошла учебная команда Дроздовского полка под командой подполковника Переслени. Погода-довольно хорошая.

21. Ходил в город, купил нательный крест за 3 драхмы.

22. Вся батарея ходила носить камни для памятника на кладбище, где похоронены Русские солдаты. Корниловцы принесли камни с музыкой. Вечером лекция полковника Сергиевского: „Бои у Чарторийска с 4 по 10 октября 1915 г.". В бою участвовал 40-й армейский корпус (2 и 4 стрел. дивизии). Форсировали реку — 6 и 16 стрелковые пехотные полки. Атаки на д. Колки. Набег отд. Донской бригады в тыл. Действия 105 пех. дивизии. Командир 13 стрелкового полка полковник Марков. Командир 4 стр. дивизии ген.-м. Деникин.

23-24. Ходил в деревню Еникиой, находящуюся на берегу Саросского залива. Местность довольно красивая. Виден Саросский залив и Дарданельский пролив. Жители относятся хорошо.

25. Был на закладке памятника на Русском военном кладбище. От каждой части было по взводу. От Дроздовского артил. дивизиона — взвод. Я был отделенным командиром.

26. Ходил с кап. Хесиным в дер. Еникиой. Продали кое-какие вещи. Говорят, что Греция отказалась пропустить через страну Армию. Это всё происки французов.

27-29. Обычные занятия.

30. Футбольный матч. Корниловцы — Дроздовцы. В пользу корниловцев 4 года.

Май 1921 г.

1. Готовимся к экзамену по строю. Практические занятия с солдатами полевой службой. Лекция полк. Ген. Штаба Сергиевского: „Бои Суворова на реках Тидоне и Требии с Макдональдом и при Нови с Жуберем и Моро". Особенности битвы при Тидоне — настойчивость и решительность авангарда русских. Французы приняли его за главные силы. Бой при Нови, нерешительность Жубера.

2. После обеда купался в море.

3. Дежурю по батарее. Сильная жара.

4. Ходил на море купаться. Был у пор. Колотничева. Сообщил мне о отъезда пор. Щепкина в Бразилию.

5. Читал „Воскресенье" Толстого. Издание лондонское, без цензуры.

6. Утром был экзамен по теории стрельбы артиллерии. Испытания держали все офицеры. В 4 ч. была лекция полк.

Сергиевского о Швейцарском походе Суворова. Переход через Альпы. Перемена школы военного искусства, выработанного при царствовании Имп. Павла. После Японской войны снова перешли к Суворовской школе.

7. Днем лагерь объезжал генерал барон Каульбарс. Делал смотр учебной команде Дроздовского стрелкового полка.

8. Купался на берегу моря и лежал. Поручик Пронин уехал.

9. Сегодня праздник ордена Св. Николая Чудотворца, учрежденного в нашей Армии. Был произведен парад. На параде состоялось вручение Николаевских труб Корниловскому пехотному училищу. Затем был парад. Парадом командовал ген.-лет Барбович. Константиновское военное училище проходило, держа винтовки „на руку". От Дроздовского арт. дивизиона была сводная батарея под командой полк. Протасовича.

10. Вечером объявили приказ, что желающие могут сейчас же перейти на положение беженцев. Последний срок до 14 мая. Остающиеся не имеют права уходить. Вчера снова ушел пароход в Болгарию, хотя говорят, что он направляется в советскую Россию.

11. Ходил в греческую деревню Еникиой. Продал коекакие вещи. В батарее около половины солдат записалось в беженцы.

12. Ходил в горы за дровами. Выяснилось, что в беженцы записалось 19 солдат. Четверо из них уже откомандированы в городской рабочий батальон. Носили сегодня камни на постройку памятника на лагерное кладбище.

Август 1921 г.

1. Воскресенье. Был в церкви. Хоронили застрелившегося корнета Сергеева. Последнее время участились самоубийства. Вероятно влияет неизвестность положения. Читаю много про голод в России. Когда, наконец, западная Европа поймет свое положение, а наши политиканствующие общественные деятели бросят свою гнусную работу по разложению Армии и потворствованию коммунизму?

Видел список потерь, понесенных Дроздовской артиллерийской бригадой за бои в Северной Таврии. Оказывается убито и ранено за этот короткий период 473 человек, т. е. около 50% всего состава.

Конец.

НЕКРОПОЛЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА СЕДЬМОЙ ГАУБИЧНОЙ БАТАРЕИ.

Офицеры, солдаты и добровольцы мортирного взвода, переименованного в 3-ю гаубичную батарею и позже в 7-ую гаубичную батарею Дроздовской артиллерийской бригады, убитые в боях.

1. Капитан **Коваленко** Ипполит Иосифович. Михайловского Арт. Училища. 2-го мортирного дивизиона. Сын офицера из г. Вильно. Убит под хутором Журавским 19-го июля 1918 г.
2. Капитан **Коваленко** Владимир Иосифович, брат Ипполита. Окончил ускоренный курс Михайловского Училища и служил во 2-ом мортирном артиллерийском дивизионе. Убит под колонией Андребургом 6-го августа 1920 г., как начальник команды пеших разведчиков 3-го Дроздовского стрелкового полка. Посмертно награждён орденом Св. Николая Чудотворца 2-ой ст.
3. Поручик **Никольский** Алексей Николаевич. Житель гор. Астрахани. Студент Московского Университета. Из прапорщиков запаса. Служил в 7-ом Ревельском пехотном полку. Перевелся во 2-ую роту 2-го офицерского Дроздовского полка. Убит под Ставрополем 31-го октября 1918 г.
4. Капитан **Петрович** Лев Матвеевич. Из гор. Екатеринослава. Окончил Пиротехническую школу. Убыл из батареи в феврале 1919 г. Убит на бронепоезде „Ген. Шкуро" летом 1919 г.
5. Подполковник **Мусин Пушкин** Александр Владимирович. 1-ый ускоренный выпуск Константиновского Арт. Училища. Служил в 4-ом мортирном арт. дивизионе. Убит в колонии Фридрихсфельд 10-го августа 1920 г., как командир 5-ой батареи Дроздовского артиллерийской бригады.
6. Поручик **Будянский** Владимир. Окончил Константиновское Арт. Училище в 1913 г. Служил в 3-м сибирском мортирном арт. дивизионе. В 1914 г. попал в плен. Убит под Сладкой Балкой 16-го июня 1920 г., как командир взвода команды пеших разведчиков 3-го Дроздовского стрелк. полка. Посмертно награждён орденом Св. Николая Чудотворца 2-ой степени.
7. Поручик **Лунин** Владимир Васильевич. Из гор. Киева. Студент. Окончил ускоренный курс Сергиевского Арт. Училища. Служил в 16-ом тяжелом арт. дивизионе. Зарублен в Льгове при гибели 12-ой батареи в конце октября 1919 г.

8. Подпоручик **Надеинский** Александр Петрович. Сын священника Нижегородской губернии. Служил в 6-ом Кавказском мортирном артил. дивизионе под Ригой. Убит в 8-ой гаубичной батарее Дрозд. артиллерийской бригады в конце октября 1920 г.
9. Подпоручик **Окиншевич** Николай Михайлович. Петергофская школа прапорщиков. Свеаборгская крепостная артиллерия. Убит под Харцызском 4-го мая 1919 г.
10. Поручик **Войцеховский** Федор Михайлович. Сергиевское Арт. Учил. 28-ой тяжелый арт. дивизион. Убит под Мокрым Чалтырем 26-го декабря 1919 г.
11. Штабс-капитан **Позняк.** Окончил Петерб. Лесной Институт и Констан. артил. училище. Убит под Неберджайской 13-го марта 1920 г.
12. Младший фейерверкер, доброволец **Браун** Иван Яковлевич из Москвы. Убит под Камаричами 25-го сентября 1919 г. Посмертно произведен в подпоручики.
13. Доброволец **Попов.** Убит под Камаричами 25-го сентября 1919 г.
14. Младший фейерверкер, доброволец **Верлинский.** Гимназист из Бахмута. Убит под Михайловкой 9-го октября 1920 г.
15. Доброволец **Деев,** из гимназистов. Убит в бою под станцией Попасной 26-го января 1919 г.
16. Добров. **Лебедев.** Убит 10 авг. 1920 г. в Фридрихсфельде.
17. Канонир **Филонов.** Убит под Андребургом 31-го июля 1920 г.
18. Младший фейерверкер **Кибитков** Адольф Иванович. Убит под Михайловкой 9-го октября 1920 г.
19. Доброволец **Сидляренко,** из гимназистов. Убит в боях летом 1919 г.
20. Доброволец **Безсонов** Максим. Убит на Перекопе 2-го мая 1920 г.
21. Штабс-капитан **Тупиков** Борис Александрович . Студент. Прапорщик запаса. Служил в 20 тяжелом арт. див. Покончил самоубийством в Севастополе.
22. Поручик **Рутковский** Виктор Леонидович. Из гор. Одессы. Окончил ускоренный курс Сергиевского арт. училища. Студент Одесского Университета. Умер от тифа в Галлиполи.
23. Капитан **Всехсвятский** Сергей Иванович. Студент Петрогр. Универ. Ускоренный курс Михайловского арт. училища. Служил в 20 тяжелом арт. дивизионе. Умер в Галлиполи.
24. Кадет **Краменбёф** умер от тифа в Севастополе 1920 г.

Упокой, Господи, души раб Твоих!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схема 24

Примечание: Правописание географических названий оставлено в тексте таким,каким оно было в рукописи. Это правописание не всегда согласуется с названиями, помещенными на схемах. Названия на схемах заимствованы из карт, взятых из разных источников (ген. Деникин „Очерки Русской Смуты" и ген. Врангель „Записки" — Белое Дело, том VI).

❖❖

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Авторы обращаются с просьбой к читателям исправить в тексте нижеследующие замеченные опечатки:

Стр.:	Строка:	Написано:	Следует читать:
12	17 сверху	Последный	Последний
17	19 снизу	офицерской	офицерский
24	10 снизу	ктобы	чтобы
28	1 сверху	реальный	реальные
32	18 снизу	. слышно	. Слышно

Стр.:	Строка:	Написано:	Следует читать:
36	7 снизу	полустанов	полустанков
42	1 ,,	мычение	мычание
56	22 ,,	достование	доставание
65	7 ,,	ген. Петровский	ген. Покровский
72	6 снизу	стреляете	стреляет
74	11 ,,	среи	среди
75	24 ,,	на сстоле	на столе
75	28 ,,	встетит	встретит
77	4 ,,	престать	предстать
80	6 ,,	ожно	можно
81	6 сверху	Сивошей	Сивашей
83	25 ,,	навдкой	наводкой
89	23 ,,	облачки	облачка
95	20 ,,	чест своего народа. Они отдали... народа.	честь своего народа Осталь. опустить
96	6 ,,	48-линейной	45-линейной
101	4 снизу	Ддоздовского	Дроздовского
108	2 ,,	не шевеля длинными крыльями	не шевеля крыльями
109	8 сверху	по большую часть времени	в течение большей части времени
112	9 сверху	немотря	несмотря
,,	4 снизу	рялов	рядов
113	4 ,,	дриль	„дриль"
114	23 сверху	когда	тогда
116	14 снизу	однокошников	однокашников
119	24 сверху	слево	слева
120	4 сверху	славно	словно
120	13 сверху	лихая бравота, но бравота	лихая бравада, но бравада
,,	18 ,,	чисельным	численным
,,	24 ,,	внутренни	внутренне
121	2 снизу	Ими	Это
122	6 сверху	зловещи	зловеще
122	3 снизу	ормии	армии
139	8 сверху	прапарщики	прапорщики
,,	12 снизу	станции	станицы
144	20 снизу	первый и второй батальоны	первый батальон
147	17 снизу	обросил	отбросил
160	9 сверху	в эшелон	в эшелоне